

639.1
M23

**Мантык-
истребитель
тигров**

**Мантык-
истребитель
тигров**

Составитель И. Б. ШИШКИН
Художник В. В. ТРОФИМОВ

М 23 Мантык — истребитель тигров. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1967.

192 стр. с илл. «Путешествия по странам Востока».

Опасная охота на тигров в Средней Азии и Казахстане, нападения этих хищников на людей и домашних животных, природа тугайных лесов и тростниковых джунглей, быт и нравы коренного населения — обо всем этом повествуют очерки, вошедшие в сборник «Мантык — истребитель тигров». В него включены произведения русских охотников-натуралистов и писателей XIX в., а также статья, знакомящая с современными представлениями о тигре.

Игорь Шишкин

КОВАРНЫЙ УБИЙЦА ИЛИ ДЖЕНТЛЬМЕН ДЖУНГЛЕЙ?

КТО ОН!

В сознание людей тигр вошел как «владыка джунглей». На всех видевших его в естественной обстановке этот зверь производит огромное впечатление. Охотники на тигра признают его грозным противником. Его сила стала нарицательной. Так, знаменитого французского политического деятеля Ж. Клемансо за его сильный характер называли «тигром». В годы второй мировой войны наиболее мощ-

ные немецкие танки именовались «тиграми». Словом, понятие «тигр» ассоциируется у человека с представлением о чем-то грозном, могучем.

В силе тигра никто и никогда не сомневался. Мнения о характере этого зверя диаметрально расходились. Одни считали его коварным, кровожадным и вредным хищником, которого нужно истреблять. Другие — добродушным и даже полезным животным, которое следует охранять.

Известный немецкий естествоиспытатель Карл Фохт писал: «...для истребления такого лютого врага человека все средства, конечно, хороши...»¹. В монументальном труде русского специалиста по охотничьему промыслу А. А. Силантьева говорилось: «Это столь вредный для скотоводства, опасный и вообще неприятный для местного населения член фауны, что стараться избавиться от него всеми способами будет далеко не лишним»².

Русский зоолог К. А. Сатунин полагал, что тигр «является олицетворением хитрости и коварства и является самым ужасным и кровожадным хищником...»³, а доктор биологических наук В. Н. Шнитников дал ему следующую характеристику: «...свиреп, кровожаден и дик, но вместе с тем в высшей степени недоверчив, коварен, хитер и осторожен»⁴. И даже в книге, изданной совсем недавно, в 1966 году, тигра называют «кровожадным»⁵.

Эти и многие другие авторы приводили убедительные факты, подтверждающие, что тигр — зверь вредный: он режет скот и убивает людей. К тому же, утверждали они, этот хищник проявляет какую-то особую кровожадность и поразительное коварство, так что истреблять его просто необходимо.

Сторонники другой точки зрения, основываясь на столь же убедительных фактах, напротив, считали, что все это — преувеличение, что тигр никогда первым на человека не нападает, а скот уничтожает редко; по характеру скорее добродушен и благороден, нежели кова-

¹ К. Фохт, *Млекопитающие*, СПб., 1885, стр. 148.

² А. А. Силантьев, *Обзор промысловых охот в России*, СПб., 1898, стр. 47.

³ К. А. Сатунин, *Млекопитающие Кавказского края*, т. I, Тифлис, 1915, стр. 316.

⁴ В. Н. Шнитников, *Звери Казахстана*, Алма-Ата, 1942, стр. 50

⁵ В. В. Строков, Ю. Ю. Дмитриев, *Леса и их обитатели*, М., 1966, стр. 183.

рен. Знаменитый русский путешественник и зоогеограф Н. А. Северцов еще в 1855 году писал, что мнение о кровожадности и необычайной свирепости тигра — неудачная выдумка⁶. Познакомившись с тигром в естественной обстановке, известный в свое время туркестанский охотник Е. Т. Смирнов отмечал: «Это не лютый зверь, опозитизированный в наших народных баснях и сказках, а скорее кроющаяся кошка, которая показывает свои страшные когти и зубы только для защиты собственной шкуры»⁷.

Директор Сихотэ-Алиньского заповедника Л. Г. Капланов писал: «Уссурийский тигр стоит на грани полного уничтожения. Между тем его не только можно, но и нужно сохранить в составе дикой фауны...»⁸. Примерно то же говорит и английский охотник-натуралист Д. Корбетт: «Тигр — великодушный джентльмен беспредельной храбрости. Если он будет истреблен... Индия обеднеет, лишившись прекраснейшего представителя своей фауны»⁹.

В течение длительного времени господствовала первая точка зрения, и только с середины нашего столетия начинает брать верх вторая. Во всяком случае, сейчас уже признана необходимость охраны тигра и у нас и в некоторых зарубежных странах.

Ну, а как же быть с фактами нападения на человека? Что делать с тиграми-людоедами? Все же неясно, кто он — коварный убийца или джентльмен джунглей? Ибо вопрос об охране не решает поставленной проблемы: ныне признано необходимым в интересах науки сохранить все виды животных, в том числе и хищников, хотя бы в небольшом количестве.

На все эти вопросы мы постараемся ответить.

ГДЕ И СКОЛЬКО!

В XIX веке тигр обитал в Малой Азии, Месопотамии, Иране, Афганистане, Индии, Бирме, Индокитае, Малайе, на Больших Зондских островах, в Китае и Ко-

⁶ Н. А. Северцов, *Тигр*, — «Вестник естественных наук», т. II, М., 1855, стр. 515—516.

⁷ Евг. Смирнов, *Тигры под Ташкентом*, — «Природа и охота», 1879, № 5, стр. 173.

⁸ Л. Г. Капланов, *Тигр. Изюбр. Лось*, М., 1948, стр. 44.

⁹ Д. Корбетт, *Кумаонские людоеды*, М., 1957, стр. 9.

рес. К середине XX века численность этих животных на земном шаре резко сократилась как в результате прямого истребления, так и вследствие вырубki лесов и уничтожения больших массивов тростников. В одних странах, таких, как Турция и Ирак, тигр истреблен, в других — в Иране, Афганистане, Корее — стал редкостью. Достаточно сказать, что в КНДР осталось всего сорок-пятьдесят тигров¹⁰.

На Суматре тигр обычен, а на Яве уничтожен почти полностью. На северо-востоке Китая этих хищников почти совсем не стало, тогда как на юго-западе их осталось еще немало. До сих пор тигры обитают во всех крупных лесных массивах Бирмы, Таиланда, Лаоса, Камбоджи, Вьетнама, Малайской федерации. В Индии и Пакистане их насчитывается три-четыре тысячи, хотя в ряде районов они уже исчезли или почти не встречаются. Всего на земном шаре осталось примерно пятнадцать тысяч тигров¹¹.

Тигр — крупный хищник из семейства кошачьих, рода пантеры и подрода тигра. Все они образуют один вид [*Panthera (Tigris) tigris* Sinnaeus], распадающийся на несколько подвигов, различающихся между собой окраской меха, размерами, весом и некоторыми другими особенностями.

На территории нашей страны прежде водились три подвида тигра: туранский, амурский и корейский. Туранский обитал в Закавказье, Средней Азии и Казахстане; его амурский собрат встречался в Забайкалье и Приамурье; корейский (или уссурийский) — в Приморском крае. Наш сборник посвящен туранскому тигру; в дальнейшем, когда речь пойдет о тиграх в Закавказье, Средней Азии и Казахстане, то подразумеваться будет именно туранский подвид этого хищника.

В XIX веке в Ленкорани (Азербайджан) гигантские кошки были еще столь многочисленными, что известный русский путешественник Г. И. Радде в 1886 году за семь недель получил от местных жителей шесть шкур незадолго до того убитых тигров. Так как в те времена (да и

---

¹⁰ А. А. Слудский, *Мировое распространение и численность тигра*, — в кн. «Охотничье-промысловые звери Казахстана», Алма-Ата, 1966, стр. 213.

¹¹ Там же.

гораздо позже) господствовало воззрение о безусловной вредности этих хищников, их беспощадно истребляли, в том числе и в Ленкорани. В 1932 году там был убит последний тигр. Теперь в Закавказье этих хищников нет, лишь изредка они заходят сюда из Ирана. Так, в 1948 году одного зверя убили в Армении, а зимой 1956/57 года — в Ленкорани. Есть, правда, сведения, что в глухих уголках Талышских гор уцелело несколько особей, но это свидетельство требует проверки.

В Забайкалье тигры давно уже истреблены и лишь изредка проникают туда с территории Китая. Обычны они были в XIX веке в Приамурье и Приморском крае. На севере тигры встречались до 50° с. ш., а иногда заходили и дальше. Особенно много этих зверей обитало на юге Приморского края, у озера Ханко и в районе нынешнего Владивостока. «Я еще помню, — рассказывал один из старожилов Владивостока, — как в 1864 г. тигр был убит на том самом месте, где в настоящее время стоят музей и дом губернатора. Невесело было тогда у нас во Владивостоке. Без оружия мы, например, и в сени своих домов выходить не решались»¹².

С начала XX века, после постройки железной дороги, количество тигров на Дальнем Востоке быстро сократилось. Они были бы полностью уничтожены, если бы в 1947 году охота на них не была окончательно запрещена. Истребление тигров прекратилось, и их число начало медленно возрастать; к началу 1965 года на Дальнем Востоке насчитывалось около ста двадцати зверей¹³. Отлов тигрят, во время которого нередко убивают тигриц, продолжается и сейчас; известны также случаи отстрела животных браконьерами. Это можно предположить, исходя, например, из того факта, что на пушной аукцион 1966 года в Ленинграде попало шесть тигровых шкур¹⁴. Вряд ли они были сняты с животных, содержащихся в зоопарке или цирке.

Сто лет назад тигры обитали в тугайных лесах и тростниковых крепях, столь обычных для долин рек Средней Азии и Казахстана. Эти хищники встречались на Сум-

---

¹² Д. И. Шрейдер, *Наш Дальний Восток*, СПб., 1897, стр. 33.

¹³ А. А. Слудский, *Что мы знаем о тигре*, — в кн. «Владыка джунглей», Алма-Ата, 1966, стр. 294.

¹⁴ М. Пастушенко, *43-й пушной аукцион*, — «Охота и охотничье хозяйство», 1967, № 1, стр. 3.

баре, Атреке, Теджене, Мургабе, в горах Копет-Дага (у Ашхабада), на реках Сыр-Дарье, Аму-Дарье, Сурхан-Дарье, Вахше, Кафирнигане, Пяндже, Чу, Каратале, Или, у озер Балхаш, Иссык-Куль и Зайсан, наведывались к заливу Кара-Богаз-гол и на Устюрт, заходили в Кокчетавские степи. У Акмолинска тигра последний раз убили в 1887 году.

Но уже в конце прошлого века область распространения туранского тигра начала сокращаться. В девяностых годах он был уничтожен на Мургабе, а вскоре и на Теджене. В течение первой половины XX века тигра полностью истребили в Туркмении, куда теперь он лишь изредка проникает из Ирана. В конце XIX века тигры исчезли в Киргизии, были выбиты под Верным (Алма-Ата), а в 1912 году — на реке Чу.

Дольше всего в Казахстане держались тигры в дельте реки Или, у Балхаша. В начале нашего столетия их оставалось там немало. «В мое посещение дельты Или в 1903 г., — вспоминает академик Л. С. Берг, — здесь было множество тигров, и в течение всей ночи можно было слышать рычание их...»¹⁵. В 1936 году у Балхаша обитало уже только десять — двенадцать особей, но к пятидесятым годам XX века они исчезли и в этом районе.

В XIX веке в низовьях Аму-Дарьи тигры были многочисленны. В 1873 году А. В. Каульбарс в дельте этой реки отмечал районы, где «столько тигров, что аулы здесь вовсе не стоят...»¹⁶. Даже в 1940 году у Аральского моря еще оставалось пятнадцать животных, но после войны и они исчезли. Правда, в последующие годы здесь как будто видели тигров, но, насколько точны эти сообщения, сказать трудно.

Много их было даже в тридцатые годы XX века на юге Таджикистана, в обширных тугаях вдоль Пянджа. Дольше всего эти хищники сохранялись в заповеднике «Тигровая балка», но в конце сороковых годов их и там не стало. Однако до сих пор в Южный Таджикистан заходят туранские тигры из Афганистана¹⁷.

---

¹⁵ Л. С. Берг, *Географические зоны Советского Союза*, т. II, М., 1952, стр. 174.

¹⁶ А. В. Каульбарс, *Низовья Аму-Дарьи*, — «Записки ИРГО по общей географии», т. IX, СПб., 1881, стр. 329.

¹⁷ А. Г. Банников, Л. В. Жирнов, Л. С. Лебедева, *О туранском тигре в Таджикистане*, — «Природа», 1967, № 6, стр. 119.

В прошлом столетии особенно дурной славой «тигровых гнезд» пользовались два места: долина реки Чирчик и район около Перовска (ныне Қзыл-Орда). В 1881 году в печати отмечалось, что тиграми «изобилует особенно Чирчикская долина, прилегающая с южной стороны к городу Ташкенту»¹⁸. В очерках Н. Н. Каразина («Охота на тигра») и Е. Т. Смирнова («Экспедиция против тигров»), публикуемых в этом сборнике, дело происходит как раз на Чирчике.

Об обилии тигров и кабанов в нижнем течении Сыр-Дарьи красочно рассказывается в приводимой ниже повести «Мантык — истребитель тигров», события которой относятся к сороковым — пятидесятым годам XIX века. Но и позже там оставалось еще немало этих животных. В конце шестидесятых — начале семидесятых годов движение по тракту Қазалинск — Ташкент было небезопасным из-за нападений тигров. «Я проезжал прежде, — вспоминал впоследствии Н. Н. Каразин, — не раз этими местами, и самому мне приходилось встречаться с тиграми; помню, что ни один ямщик не решался везти меня ночью по джунглям, особенно на переездах около Кармакчей и Джулека...»¹⁹. Очерк этого писателя «Не в добрый час», включенный в настоящий сборник, дает весьма реалистическую картину странствия по глухим в то время местам.

И позднее район нижнего течения Сыр-Дарьи продолжал оставаться «оплотом» тигров. В 1875 году Е. Т. Смирнов писал, что «в лесах и камышах множество тигров...»²⁰. В 1885 году В. Д. Аленицин отмечал: «Особую славою, как тигровое гнездо, пользуется местность между фортом № 2 (Майлибаш) и Перовском...»²¹.

Положение резко изменилось в начале XX столетия с постройкой железной дороги Оренбург — Ташкент.росло население, увеличилось число охотников, сократилась численность кабанов — основной пищи тигра, усилилось освоение пойменных лесов и уничтожение трост-

---

¹⁸ «Тигры на Сыр-Дарье», — «Природа и охота», 1881, № 2, стр. 102.

¹⁹ Н. Н. Каразин, *От Оренбурга до Ташкента*, СПб., 1886, стр. 11.

²⁰ Е. Т. Смирнов, *Охота на тигров на Сыр-Дарье*, — в кн. «Владыка джунглей», Алма-Ата, 1966, стр. 49.

²¹ В. Д. Аленицин, *Аральское море*, — в кн. «Живописная Россия», т. X, СПб.—М., 1885, стр. 45.

ишков. Все меньше и меньше становилось мест, пригодных для обитания могучего хищника. До начала двадцатых годов XX века тигры еще встречались, но позднее стали столь редкими, что охота на них прекратилась. В конце двадцатых — начале тридцатых годов они исчезли на Сыр-Дарье и в последующие годы лишь изредка заходили сюда с низовьев Аму-Дарьи.

Итак, сто лет борьбы с «лютым зверем» увенчались «успехом»: туранский тигр полностью уничтожен на территории СССР. Не везде он был истреблен охотниками, кое-где вымер, например на Балхаше, так как там во время пожаров в тугаях и тростниках часто гибли тигрята.

Правда, были попытки спасти тигра, но они не дали результатов. Так, А. П. Семенов-Тянь-Шанский в 1919 году выступил с призывом охранять природу, требовал «самого бережного охранения» тугаев и их животного мира, в том числе и тигров²². Даже тогда, когда туранский тигр был на грани уничтожения, когда он уже не мог принести какого-либо существенного вреда просто в силу своей малочисленности, его продолжали уничтожать. В 1923 году тигра относили к «числу безусловно вредных» животных, которые «могут быть истребляемы во всякое время и всякими способами...»²³. Даже в 1929 году за истребление тигров платили премию в сто рублей. И только в 1957 году их отстрел был запрещен в Таджикистане. Но этих хищников там уже не было, как, впрочем, и в других районах Средней Азии.

Сейчас в Иране и Афганистане сохранилось лишь несколько десятков экземпляров туранского тигра и требуются неотложные меры по его защите. Недаром этот хищник был включен в международную «Красную книгу» под рубрикой: «Очень редкий, сокращающийся в числе вид, судьба которого вызывает очень серьезное опасение»²⁴.

Таковы краткие сведения о распространении тигра. Каков же он, каков его образ жизни?

---

²² А. П. Семенов-Тянь-Шанский, *Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения*, — «Природа», 1919, № 4—6, стр. 210.

²³ П. М. Правдин, *О зверях и птицах вредных, вредных местами и полезных*, — «Туркестанский охотник», 1923, № 4—7, стр. 15.

²⁴ «Red Date Book», Lousanne, 1966, vol. I.

В ЛОГОВЕ ТИГРА

У тигра длинное мускулистое туловище, круглая голова; мощные лапы вооружены когтями (до десяти сантиметров). Длина тела этого зверя — сто пятьдесят — триста сантиметров (у разных подвигов), длина хвоста — девяносто — сто десять сантиметров. мех — черные полосы по желто-охристому фону — очень красив. У туранского тигра зимний мех бледного грязновато-желтого и охристого цвета; у корейского — зимний мех яркий, охристо-желтый, с красноватым оттенком. В виде редкого исключения попадаются белые и черные особи.

Вес туранского тигра не превышает двухсот килограммов. Это больше, чем вес тигров Явы и Суматры, но меньше, чем амурских и корейских, вес которых достигает трехсот — трехсот восьмидесяти килограммов. Дальневосточные тигры — самые крупные среди наземных хищников вообще. По размерам и силе они значительно превосходят африканского льва.

Тигру свойственны плавные кошачьи движения, поступь его, несмотря на внушительные размеры, легка и грациозна. Обычно тигр передвигается размеренным шагом, которым может пройти за день десятки километров. Американский зоолог Дж. Б. Шаллер, наблюдавший в естественной обстановке бенгальских тигров, отмечает, что от вечерних сумерек до рассвета эти хищники преодолевают двадцать пять — тридцать километров²⁵. Стремясь нагнать добычу, тигр несется галопом и, падая, делает 4—5-метровые прыжки в длину и 2—3-метровые в высоту; если же он прыгает со скалы вниз, то длина прыжка достигает десяти метров.

По самым густым, казалось бы, непролазным зарослям тигр пробирается совершенно бесшумно. По траве высотой всего в шестьдесят — семьдесят сантиметров этот зверь может подползти совсем близко — и вы его не заметите. Тигр любит купаться; это отличный пловец, легко преодолевающий такие реки, как Сыр-Дарья, Аму-Дарья, Амур. Он хорошо лазит по скалам, но на деревья забираться не умеет, уступая в этом своему более легкому собрату — леопарду.

---

²⁵ G. B. Schaller, *Ein Jahr bei den Tigern*, — «Das Tier», 1966, № 4, S. 34.

У тигра великолепный слух и хорошее зрение. Доктор биологических наук С. Строганов, в течение многих лет изучавший тигра в Таджикистане, пишет о нем: «Туранский тигр смел, скрытен и очень чуток. Можно прожить многие годы в местах, где водятся тигры, и ни разу не увидеть их»²⁶.

Сказать, что тигр — зверь сильный или даже могучий, значит ничего не сказать по существу. Чтобы яснее представить себе мощь этого животного, обратимся к наблюдениям охотников и натуралистов. Д. Корбетт рассказывает, как он однажды шел по следам бенгальского тигра, убившего корову. Более трех километров хищник тащил свою добычу весом в двести тридцать — двести сорок килограммов «вверх по крутому склону через густой лес. В нескольких сотнях ярдов от вершины холма задняя нога коровы застряла между двумя молодыми дубами. Дернув изо всех сил, тигр оторвал ногу и, оставив ее, унес добычу»²⁷.

Туркестанский охотник С. Билькевич рассказывает, как он вместе с известным зоологом и путешественником Н. А. Зарудным заночевал как-то на реке Кизил-Су, на опушке тростниковых зарослей. Ночью шагах в ста от них раздался ужасный визг кабана и отрывистый рев туранского тигра. Утром пошли посмотреть, в чем дело. «Тигр, судя по следам на мягкой глине, зарезал большого кабана, однако устроить трапезу в нашем близком соседстве не решился. Взвалив кабана на себя, прошел шагов 150 до реки, по вязкому месту протащил волоком до воды аршин 25, переплыв с ним на другую сторону... Кизил-Су в этом месте шириной аршин 150»²⁸.

А вот что говорит Н. А. Байков — замечательный знаток дальневосточного тигра: «Сила его такова, что он, взяв в пасть загривок, легко может нести кабана, изюбра, лошадь и корову»²⁹. В Таджикистане тигр напал однажды на караван, убил верблюда и протащил его сквозь камыши несколько сот шагов. В «Охоте на тигра» Н. Н. Каразин рассказывает, как туранский тигр, пере-

---

²⁶ С. Строганов, *Тигр в Средней Азии*, — «Охота и охотничье хозяйство», 1961, № 12, стр. 23.

²⁷ Д. Корбетт, *Храмовый тигр*, М., 1964, стр. 25.

²⁸ С. Билькевич, *Туранский тигр*, — «Туркестанский охотник», 1924, № 9—12, стр. 10.

²⁹ Н. А. Байков, *Маньчжурский тигр*, Харбин, 1925, стр. 8.

прыгнув ограду в два метра восемьдесят сантиметров, схватил шерстяной кап с восьмью пудами сала, перепрыгнул с ним через ограду обратно — и был таков. Ударом своей могучей лапы хищник вдребезги разбивает ружье или винтовку, сгибая стальные стволы.

Этот зверь, соединяющий мощь с красотой и грациозностью движений, производит поистине неизгладимое впечатление. «Тигр — величественное, красивое и благородное животное»³⁰, — пишет английский охотник-натуралист К. Андерсон. «По красоте и силе, — пишет Н. А. Байков, — он не только не уступает царю зверей — льву, но даже превосходит его»³¹. Словом, как говорит К. А. Сатунин, «тигр представляет совершеннейший тип кошки»³².

Тигры обитают в самых различных местах. В Ленкорани они держались (а в Иране и сейчас держатся) субтропических лесов, к которым примыкают тростниковые крепи; в горные леса эти хищники заходили редко. В Индии, Бирме, Индонезии и других странах Юго-Восточной Азии тигры обитают в тропических лесах. В Средней Азии и Казахстане они водились в долинах рек и по берегам озер, густо заросших тростниками и пойменными лесами. Летом эти хищники нередко поднимались довольно высоко в горы Казахстана и Киргизии. На Дальнем Востоке тигры живут преимущественно в невысоких горах, покрытых широколиственными или смешанными лесами. Прежде они встречались и на низменности, например у озера Ханко.

В Индии тигры и сейчас обитают поблизости от деревень. Эгих хищников видели даже рядом с городами (в XIX веке неподалеку от Ташкента и Владивостока), а сравнительно недавно, в 1932 году, тигр был убит на окраине Хамхына (Северная Корея) — города, насчитывавшего в то время шестьдесят тысяч жителей³³.

Логовищ молодые тигры, как правило, не имеют, отдыхая обычно около добычи. Логово для тигрят устраивается чаще всего в труднодоступном месте: в Ленкора-

---

³⁰ К. Андерсон, *Черная пантера из Шиванипали*, М., 1964, стр. 86.

³¹ Н. А. Байков, *Маньчжурский тигр*, Харбин, 1925, стр. 4.

³² К. А. Сатунин, *Млекопитающие Кавказского края*, Тифлис, т. I, 1915, стр. 316.

³³ V. Mazak, *Der Tiger*, Wittenberg Lutherstadt, 1965, S. 55.

ли, например, в непролазной чаще субтропического леса, перевитого лианами, на Дальнем Востоке — среди скал, в расщелинах или пещерах. В Индии тигры в большинстве случаев также устраиваются под скалой или в пещере. В Средней Азии и Казахстане логово находилось или в зарослях, или в глубине тростниковых массивов, но всегда в тени. «Квартиру» тигра удавалось найти немногим, хотя звери протаптывали к ней заметную тропу. Но обнаружить ее — это еще не значит добраться до самого логова. Вот что рассказывает об этом С. Строганов: «В Тигровой балке мною было осмотрено пять... логовищ тигра. Из них одно, расположенное в тростниках, было обитаемо. Около 170 метров пришлось продвигаться к нему ползком по тропе тигра, прикрытой сверху нависшими тростниками, образовавшими как бы тоннель»³⁴.

Иногда тигры выстилают логовище листьями или сухой травой, иногда оно лишено всякой подстилки, но всегда устраивается в местности, изобилующей дичью.

В Индии они охотятся днем, в СССР — в любое время суток, но чаще всего поздно вечером и на рассвете, а днем отдыхают. Тигр — животное чистоплотное, после еды он старательно лижет свой мех языком. Тигрица вылизывает еще и тигрят. Зимой, после «обеда», звери валяются в снегу, летом купаются. Когти чистят о кору деревьев.

Течка у тигров бывает в любое время года. В это время между самцами происходят схватки, но без смертельного исхода. Как только станет ясно, кто сильнее, слабый уступает поле боя и тигрицу сопернику и удаляется. Во время течки звери очень возбуждены и опасны для человека. Зато в это время их легче найти, так как они теряют обычную осторожность и нередко попадают под пули охотников.

Чаще всего у тигрицы рождаются два — четыре тигренка величиной с домашнюю кошку. Тигрята остаются при матери до трех лет, после чего начинают самостоятельную жизнь. Родит тигрица обычно раз в три года. Половозрелыми звери становятся в возрасте четырех (самки) — пяти (самцы) лет. Живут тигры, по предположе-

---

³⁴ С. Строганов, *Тигр в Средней Азии*, — «Охота и охотничье хозяйство», 1961, № 12, стр. 23.

ниям ученых, до сорока — пятидесяти лет. Если тигрица погибает, когда тигрятам один-два года, то они почти никогда не выживают: добывать самостоятельно пищу они еще не умеют, зимой либо погибают от холода, либо их уничтожают медведи и волки. Учитывая все сказанное, станет ясно, почему тигры размножаются так медленно.

Тигрица — заботливая мать. Она обучает тигрят сигналам, неслышному продвижению по лесу или тростнику. На охоте тигрята следуют за матерью, повторяя все ее движения; она учит их искать добычу и убивать ее. В возрасте трех лет молодые тигры начинают охотиться самостоятельно.

Чем же питаются тигры? На кого они нападают и кого не трогают?

СХВАТКИ В ДЖУНГЛЯХ

У каждого тигра есть индивидуальный участок, на территории которого зверь и охотится. Как правило, у дальневосточного подвида он больше, чем у туранского и бенгальского. Объясняется это тем, что количество дичи на единицу площади в тугаях и тростниках Средней Азии и Казахстана, в лесах Индии больше, чем на Дальнем Востоке. В Сихотэ-Алине был определен участок обитания одного тигра, оказавшийся равным четырем тысячам двумстам квадратным километрам. В долине же Вахша индивидуальный участок редко превышал тридцать — сорок квадратных километров. Одна тигрица (в Индии) имела участок в шестьдесят квадратных километров, но обычно охотилась в районе в двадцать квадратных километров. Особенно мала площадь обитания у самки с детьми: один измеренный участок в Таджикистане составлял всего пятнадцать квадратных километров.

Когда дичи становится мало, тигр покидает свою территорию. В голодные годы в поисках пищи звери уходят на пятьсот — тысячу километров (по прямой) от постоянных мест обитания.

За кабанами, изюбрами, оленями тигр чаще всего охотится «скрадом». Приблизившись к животным с подветренной стороны, он выжидает, когда жертва подойдет поближе, и кидается на нее, делая один-два больших

прыжка. Летом, особенно в жару, хищники подстерегают добычу у водопоев. На Дальнем Востоке известны случаи, когда тигр поджидал медведя на скале и оттуда кидался на косолапого. Устраивая засаду и атакуя внезапно сверху, тигр ставит себя в более выгодное положение по отношению к медведю.

Тигр валит жертву ударами передних лап и убивает, прокусывая шейные позвонки клыками (длина — до шести сантиметров!). Если прокусить шейные позвонки сразу не удастся, он, упершись лапами в грудь животного, делает резкое движение головой и ломает жертве позвоночник.

Конечно, не всегда дело кончается так быстро и просто: со старым кабаном-секачом, медведем или буйволом приходится нередко повозиться и подольше. Но об этом мы расскажем дальше.

На крупное, сильное животное тигр нападает сбоку или сзади. Спереди — опасно: секач вооружен клыками, буйвол — рогами, а у медведя то же оружие, что и у тигра. Если нападение было неудачным и жертва ускользнула, хищник старается нагнать ее, но, пробежав сто — двести метров галопом, бросает преследование: отличный ходок, тигр не может долго бежать с большой скоростью.

С особенным упорством преследует он свою любимую добычу — кабанов. На Дальнем Востоке, чтобы обнаружить стадо, хищник нередко забирается на высокие скалы, откуда хорошо видна речная долина, и осматривает окрестности. В поисках добычи тигр часто идет по гребню хребта.

Убив животное, тигр или сразу приступает к «обеду», или вначале пьет. Один индеец, наблюдавший за тигром из засады, рассказывает, как тигр напал на теленка антилопы нильгау и убил его. После этого хищник некоторое время сидел на своей добыче и тяжело дышал. Через несколько минут тигр встал, подошел к воде и начал пить, после чего вернулся, схватил теленка за шею и исчез³⁵.

Наевшись, полосатый хищник много пьет, потом ложится отдыхать. Поспав, снова пьет, вновь ложится, а

---

³⁵ К. S. Sankhala, *Ich sah den Tiger jagen und knipste ihm dabei*, — «Das Tier», 1966, № 10, S. 33.

остав, опять ест, пьет — и так до тех пор, пока крупное животное не будет съедено целиком. Правда, вернувшись к добыче после сна (тигр не всегда отдыхает рядом с ней), он часто находит лишь остатки пиршества: волки, гиены, шакалы, лисицы и прочие хищники стараются насытиться во время отсутствия владыки джунглей.

Усиленно преследуя кабанов, тигр избегает нападать на старых секачей, вооруженных острыми клыками и защищенных толстой кожей и слоем жира. Ясно, что, когда другой добычи нет, а хищник голоден, он не пропустит и секача. Но уж тут тигр всячески старается напасть внезапно. Бывает, что секач вовремя заметит тигра и приготовится к обороне. В таком случае хищник иногда просто уходит.

Но нередко он вступает в бой, и тогда в джунглях происходит смертельная схватка. Чаще побеждает тигр, но почти всегда получает при этом более или менее тяжелые раны. Иногда верх берет кабан; бывает, что гибнут оба противника. Так, в конце 1913 года на Сыр-Дарье (недалеко от Перовска) тигр напал на кабана, но сразу не смог его прикончить. Начался бой... Постепенно из тростников сражающиеся перешли на лед замерзшей реки. Там кабан распорол тигру брюхо, но все-таки был убит могучим хищником. Одна из подобных схваток весьма красочно описана в повести «Мантык — истребитель тигров».

Охотясь на таких крупных животных, как лоси, кабаны, олени разных видов, буйволы, слонята, медведи, тигр не пропускает и более мелких. На Дальнем Востоке он преследует кабаргу и косулю, в Сихотэ-Алине охотится на волков, при случае ловит барсука или рысь, не отказываясь даже от зайца и рябчика. Летом он охотно ест траву, ягоды, плоды дикого винограда и другие фрукты, осенью — кедровые орехи. В голодное время могучий хищник не брезгает личинками, насекомыми, лягушками. Иногда он ловит рыбу, но реже, чем такой мастер этого дела, как медведь.

В Индии тигры часто нападают на дикобразов, ловят павлинов, а во время половодья охотятся на черепаха и даже на крокодилов.

В Средней Азии и Казахстане тигры питались кабанами, тугайными оленями, косулями, джейранами, изредка — мышевидными грызунами, птицами и насекомыми.

ми, среди которых первое место занимала саранча. Осенью и зимой туранские тигры охотно поедали плоды лооха (джиды) и облепихи.

В битвах с секачами нападающая сторона — всегда тигр. Другое дело — бурый медведь, в иных случаях сам выступающий против этого хищника. Причем именно бурый, ибо более мелкого и слабого гималайского медведя, обитающего у нас на Дальнем Востоке, тигр активно преследует и сравнительно легко с ним расправляется. С бурым же медведем шутки плохи.

Тигр более стремителен, гибок, подвижен, нежели косолапый, но страшная сила, железная хватка последнего представляют немалую опасность для владыки джунглей. Поэтому исход битвы в каждом отдельном случае различен. В общем, чаще победителем оказывается тигр, убивающий и пожирающий медведя. Но нередко сражение кончается не в пользу полосатого, и он сам попадает на обеденный стол своего врага. Так, в декабре 1959 года дальневосточным охотоведом В. П. Сысоевым был найден на Подхоренке череп взрослой тигрицы, съеденной медведем. «Кроме черепа, от тигрицы остался кончик хвоста и часть передней лапы»³⁶. В тропиках, где обитают более мелкие подвиды тигров, соотношение сил не в пользу полосатой кошки. В Индии, например, бенгальские тигры не трогают медведя-губача.

В тропических странах тигры оставляют в покое взрослых слонов и носорогов и часто получают отпор от диких буйволов. Схватка с буйволом кончается, как и схватка с секачом, или гибелью обоих животных, или, что чаще, буйвола. Бывает, гибнут и тигры, хотя всегда успевают поранить противника.

В Индии у них есть и такой опасный враг, как красные волки. Каждый волк неизмеримо слабее тигра, но стая представляет для огромной кошки страшную опасность, поэтому тигр старается не попадаться на ее пути. Известны случаи, когда красные волки в кровопролитных схватках разрывали тигра на куски, хотя он успевал нескольких волков уничтожить и многих поранить.

На домашний скот тигры чаще всего нападают в случае нехватки привычной для них пищи. Это может быть вызвано суровой зимой, когда добывать дичь труднее, со-

---

³⁶ В. Сысоев, *По медвежьим следам*, Хабаровск, 1966, стр. 14.

стоянием самого зверя, который из-за старости не способен уже к охоте на крупных диких животных, и, главное, резким сокращением количества дичи. Уменьшение числа диких животных может объясняться как их миграцией в результате создавшихся неблагоприятных условий для обитания, так и прямым истреблением их людьми. Таким образом, уничтожая и распугивая дичь, человек чаще всего сам вынуждает тигра истреблять домашних животных.

О нападениях тигров на скот в Индии подробно рассказывается в уже упоминавшихся книгах Д. Корбетта и К. Андерсона; остановимся поэтому на повадках тигров, обитающих на территории СССР. Коренное население Забайкалья, Приамурья, Уссурийского края боялось тигров, считая их сверхъестественными существами. Не встречая почти никакого сопротивления, звери на первых порах нагло нападали на скот русских крестьян. Так, зимой 1860 года в станице Доброй (Приамурье) тигры «показали чудеса своей наглости и силы: они приходили в самое селение среди белого дня, таскали из дворов собак, различных домашних животных, уносили на себе коров и лошадей, даже будто бы заглядывали в окна изб, и преспокойно уходили с добычей, не будучи преследуемы вследствие панического страха, наведенного на жителей своей неустрашимостью»³⁷.

Тигры резали скот и в последующие годы. В девяностых годах XIX века были отмечены нападения на почтовые тройки. В это же время у жителей села Шкотова, например, тигры за одно лето зарезали полсотни лошадей, и тогда доведенные до отчаяния крестьяне вынуждены были начать решительную борьбу с этими хищниками.

С годами тигры все реже и реже нападали на скот. Дело в том, что русские крестьяне и казаки, вначале панически боявшиеся полосатой кошки, постепенно изучили повадки хищника и стали успешно охотиться на него. Между тем эти звери обладают способностью довольно быстро менять свое поведение в зависимости от действий людей. Нисколько не опасаясь коренных жителей (нанайцев, гольдов и других), а также живших там

---

³⁷ А. А. Черкасов, *Записки охотника-натуралиста*, М., 1962, стр. 258.

китайцев и корейцев, тигры стали убежать при одном появлении русских охотников.

В последние годы нападения на скот — явление крайне редкое. Так, в конце 1963 — начале 1964 года в Приморском крае тигр зарезал двадцать пять голов крупного рогатого скота. Когда его по разрешению местных властей убили, оказалось, что это было старое животное, не способное к охоте на диких зверей. Ясно, что таких хищников необходимо вовремя отстреливать.

В Средней Азии и Казахстане в XIX веке тигры довольно часто нападали на домашний скот, обычно начиная с глубокой осени и до весны. В 1875 году Е. Т. Смирнов писал: «Голодный зверь врывается иногда в середину аула и наводит ужас на беспечных, всегда безоружных кочевников; во время этих нападений, вынужденных только крайностью, рвет и людей, но уносит по большей части все-таки какую-нибудь скотину»³⁸. Изголодавшиеся хищники забегали даже в небольшие города. Так, в публикуемом нами очерке Д. Иванова «В захолустье» говорится о том, как тигр появился в городе Старый Чиназ. Даже в тридцатые годы XX века в Таджикистане были случаи, когда тигры забегали в селения и резали скот.

Известны факты нападения на домашний скот в долинах рек Чу, Или, Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. В 1903—1915 годах тиграми было уничтожено довольно много скота в районе Перовска. Но в целом в XX веке нападения на скот стали редкостью. На Вахше за тридцать лет (1920-е — 1940-е годы) было всего несколько подобных случаев. Объясняется это главным образом уменьшением количества тигров.

Но даже и прежде, в XIX веке, когда тигров было много, вреда они приносили мало. Волки резали больше, но тигры своими нападениями производили неизмеримо больший эффект, почему о них и писали чаще. Однако уже тогда многим стало ясно, что вред от тигров преувеличен, ибо они «все-таки не настолько многочисленны, чтобы быть бичом страны»³⁹. Недаром русский пу-

---

³⁸ Е. Т. Смирнов, *Охота на тигров на Сыр-Дарье*, — в кн. «Владыка джунглей», Алма-Ата, 1966, стр. 53.

³⁹ В. Д. Аленицин, *Аральское море*, — в кн. «Живописная Россия», т. X, СПб.—М., 1885, стр. 46.

гешественник и зоолог М. Н. Богданов, рассказывая о земледелии в низовьях Аму-Дарьи, на первое место среди врагов земледельца поставил кабана, а не тигра⁴⁰.

Есть, однако, одно домашнее животное, от нападения на которое тигр не может удержаться даже тогда, когда он сыт. Речь идет о собаке. Известно, что тигр зачастую рискует жизнью, а то и платится ею при попытке схватить собаку прямо из-под ног охотника.

Н. Н. Каразин рассказывает (очерк «Охота на тигра»), как тигр на глазах у людей схватил собаку, бежавшую впереди них. Людей он при этом не тронул. В увлекательной повести Эль-Регистана «Джувльбарс — владыка джунглей» можно прочитать о том, как на Пяндже хищник схватил собаку, которую на длинном поводке держал пограничник, ехавший на лошади. Интересно, что тигр был сыт и все-таки решился на дерзкое нападение⁴¹. «Нужно заметить, — писал Н. М. Пржевальский, — что тигры чрезвычайно лакомы до собак и предпочитают их всякой другой пище. Может быть, собачье мясо имеет для них особенный вкус, а может быть, в этом случае действует вековая вражда всей кошачьей породы к собачьей»⁴².

Итак, обычная, естественная пища тигра — дикие животные. При определенных обстоятельствах эти хищники нападают на домашний скот. Ну, а каковы же их «взаимоотношения» с человеком?

Классический ответ на этот вопрос дал Д. Корбетт. «Люди, — писал он, — не представляют для тигра естественной добычи, и только когда вследствие ран или старости звери становятся неспособными продолжать свой обычный образ жизни, они начинают питаться человеческим мясом... Тигр-людоед — это такой тигр, который вынужден под давлением не зависящих от него обстоятельств перейти на непривычную пищу. Причиной такого перехода в девяти случаях из десяти являются раны, а в одном случае — старость»⁴³.

---

⁴⁰ М. Н. Богданов. *Очерки природы Хивинского оазиса и пустыни Кизыл-Кум*, Ташкент, 1882, гл. 6.

⁴¹ Эль-Регистан. *Джувльбарс — владыка джунглей*, — в кн. «Владыка джунглей». Алма-Ата, 1966, стр. 124—128.

⁴² Н. М. Пржевальский, *Путешествие в Уссурийском крае*, М., 1947, стр. 193.

⁴³ Д. Корбетт, *Кумаонские людоеды*, М., 1957, стр. 5.

Очень часто тигр получает тяжелые ранения, нападая на дикобраза. Так, Муктасарская тигрица в столкновении с этим животным потеряла глаз и получила пятьдесят заноз в правую лапу, что сделало ее людоедом⁴⁴. Иногда виновниками такого превращения бывают недостаточно опытные или боязливые охотники. Ранив, искалечив зверя, они не идут за ним (ибо это опасно) и не добывают его. Выжив, тигр-калека превращается в людоеда.

Реже ими становятся дряхлые тигры. Реже потому, что в природе немногие животные доживают до старости. «У старого тигра,— писал Н. А. Байков,— обыкновенно стерты и обломаны зубы, нормальный рост когтей нарушается, и они становятся хрупкими, тупыми и слабыми; мускулатура уменьшается в объеме... Такой тигр уже не способен к добыванию крупной добычи... Такой зверь часто становится людоедом, так как постигает легкость подобной охоты»⁴⁵.

В последние годы появились сообщения о том, что в зонах военных действий тигры поедают трупы людей и даже нападают на раненых. Во время борьбы вьетнамцев против французских колонизаторов тигры бежали на звуки стрельбы, ибо «они уже соединяли в сознании стук огня автоматов с трупами павших солдат и ранеными... Мы не раз видели следы таких пиршеств...»⁴⁶.

Недавно в джунглях Южного Вьетнама, где идет героическая борьба вьетнамских партизан с американскими интервентами, побывала знаменитая французская журналистка Мадлен Риффо. Вьетнамский охотник рассказывал ей: «У нас здесь тигры очень опасны. Они часто пожирали беззащитных раненых партизан. В наших краях свирепствовал матерый тигр, словно специально охотившийся за партизанами»⁴⁷. Убит этот зверь был весьма оригинально: труп одной из его жертв обложили динамитом, и хищник взлетел на воздух.

В обоих сообщениях — а сомневаться в них не приходится — неясным остается главное: были ли это людоеды, лишь продолжающие охоту на человека, или обычные тигры стали людоедами при появлении множества

---

⁴⁴ Там же, стр. 5—6.

⁴⁵ Н. А. Байков. *Маньчжурский тигр*, Харбин, 1925, стр. 8.

⁴⁶ В. Жукровский. *Странствия с моим гуру*, М., 1965, стр. 218.

⁴⁷ М. Риффо, *Два месяца в Южном Вьетнаме*, — «Известия», 24.II.1965.

трупов в джунглях. Если верно последнее, то к двум причинам превращения тигров в людоедов следует добавить третью.

Мы рассказали, чем питается тигр. Но сколько же пищи нужно ему, чтобы насытиться?

Доктор биологических наук А. А. Слудский, основываясь на рационах зверей в зоопарках, пишет: «Тигр должен за сутки съесть около 10 кг мяса или чуть больше»⁴⁸. Другие ученые и охотники приводят иные цифры. Так, Н. А. Байков считает, что для насыщения тигру нужно съесть два-три пуда мяса сразу⁴⁹, а однажды этот известный натуралист проследил, как хищник в один прием съел около четырех пудов⁵⁰.

Примерно такой же аппетит и у бенгальского тигра. По словам Д. Корбетта: «Самбара тигр может уничтожить за два дня, а буйвола — за три, оставив незначительную закуску на четвертый день»⁵¹. Дж. Б. Шаллер однажды видел, как четыре шестнадцатимесячных бенгальских тигра убили буйвола и за одну ночь съели свыше семидесяти двух килограммов мяса, т. е. в среднем по восемнадцать килограммов каждый⁵². К. Андерсон рассказывает о том, как тигр за пятнадцать минут съел большую часть тела женщины⁵³. Известен случай, когда туранский тигр за ночь съел две трети взрослого мужчины⁵⁴.

А. А. Слудский считает все эти сведения преувеличенными, хотя, думается, никакого противоречия между его цифрами и данными других авторов нет. В самом деле, сидящий в клетке зверь может довольствоваться десятью — двенадцатью килограммами мяса в день. В джунглях же и тайге все обстоит иначе.

Во-первых, никто там не кормит тигров в определенное время, и, естественно, зверь, поголодавший два-три дня или неделю, вряд ли удовлетворится той нормой,

---

⁴⁸ А. А. Слудский, *Что мы знаем о тигре*, — в кн. «Владыка джунглей», Алма-Ата, 1966, стр. 313.

⁴⁹ Н. А. Байков, *Маньчжурский тигр*, Харбин, 1925, стр. 8.

⁵⁰ Н. А. Байков, *В горах и лесах Маньчжурии*, Пг., 1915, стр. 230.

⁵¹ Д. Корбетт, *Кумаонские людоеды*, М., 1957, стр. 127.

⁵² G. B. Schaller, *Ein Jahr bei den Tigern*, — «Das Tier», 1966, № 4, S. 33.

⁵³ К. Андерсон, *Черная пантера из Шиванипали*, М., 1964, стр. 132.

⁵⁴ С. Билькевич, *Туранский тигр*, — «Туркестанский охотник», 1924, № 9—12, стр. 11.

какую его собратья получают в зоопарке. Во-вторых, одно дело ходить по клетке, другое — пройти за день двадцать — тридцать, а то и все сто километров, схватиться с кабаном, протащить на себе тушу коровы, переплыть Амур. Ясно, что после такой «зарядки» аппетит будет иным, нежели в неволе. Вот почему, съедая в зоопарке десять — двенадцать килограммов, голодный тигр на воле может съесть и пятьдесят килограммов сразу. Так что нет собственно никаких причин сомневаться в достоверности фактов, сообщаемых многими натуралистами и охотниками.

По подсчетам специалистов, тигр (на Дальнем Востоке) съедает за год в среднем по тридцать крупных животных весом сто килограммов каждое, не считая другой пищи. Это, конечно, много, но ведь тигр редок, и стая волков уничтожит больше. К тому же надо учесть, что полосатая кошка убивает лишь столько, сколько ей нужно для насыщения; волки же рвут все, что смогут.

Как уже говорилась, тигры-людоеды составляют исключение из правила. Ну, а если тигр не людоед, нападает он на человека или нет? Да, нападает, но лишь при строго определенных условиях. А вообще это весьма добродушное и мирное животное.

ТИГР — ЗВЕРЬ ДОБРОДУШНЫЙ

Д. Корбетт во время своих странствований по джунглям Индии не раз близко подходил к тиграм, которые, заметив охотника, никогда не трогали его. В конце концов этот замечательный натуралист пришел к выводу, что «тигры, исключая раненых и людоедов, очень добродушны. Если бы это было не так, тысячи людей не могли бы работать в джунглях, где зачастую тигры встречаются чуть ли не на каждом шагу...»⁵⁵. Во многих районах Индии население, по наблюдениям К. Андерсона, гораздо больше боится диких слонов, чем тигров, так как слон опаснее⁵⁶. На Дальнем Востоке был случай, когда экспедиционный отряд приблизился на десять мет-

---

⁵⁵ Д. Корбетт, *Храмовый тигр*, М., 1964, стр. 122.

⁵⁶ К. Андерсон, *Черная пантера из Шиванипали*, М., 1964, стр. 86.

ров к тигру, не заметив его. Зверь встал и... спокойно ушел, не обращая внимания на остолбеневших при этом от неожиданности людей. Подобных примеров известно немало.

А вот несколько встреч с туранскими тиграми. В 1879 году один охотник на Сыр-Дарье, пробираясь через тростники, неожиданно вышел прямо на зверя, который сидел от него всего в пяти шагах. Нервы охотника не выдержали, он бросился бежать. Конечно, хищнику ничего не стоило несколькими прыжками догнать человека и убить его, но «коварное» и «кроважидное» животное этого не сделало. В 1929 году на Нижнем Пяндже тигр бросился на круп лошади, сбросил человека, лошадь утащил, но хозяина ее не тронул.

Пожалуй, наиболее впечатляющий случай описан Эль-Регистаном. Как-то один колхозник пошел искать своего пропавшего теленка. Проходя по полю, примыкавшему к тростникам, человек заметил в кустиках хлопка нечто рыжее. Решив, что это теленок, забравшийся куда не положено, колхозник огрел его палкой. «Каков же был его ужас, когда это „нечто рыжее“ заревело громовым ревом!.. Тигр, разбуженный невежливым ударом палки, гневно разинув пасть, гремел: „Аоууун! Ху-а-а-а-б!“ И, небрежно вытянувшись, смазал лапой по голове остолбеневшего от страха человека»⁵⁷. После чего хищник лениво зашагал по полю, а человек остался лежать на земле. Отделался он за столь ужасное оскорбление могучего зверя довольно дешево: кожа на голове у колхозника была содрана.

О том, насколько добродушен туранский тигр, убедительно говорит и случай, о котором рассказывается в очерке «В захолустье» Д. Иванова: после выстрела зверь напал на охотника, свалил его, постоял над ним и ушел, не добив своего врага. Ну как здесь не согласиться с Д. Корбеттом, назвавшим тигра добродушным зверем!

Уже в XIX в. Е. Т. Смирнов пришел к выводу, что «здешние тигры очень редко нападают на людей»⁵⁸.

---

⁵⁷ Эль-Регистан, *Джувльбарс — владыка джунглей*, — в кн. «Владыка джунглей», Алма-Ата, 1966, стр. 143—144.

⁵⁸ Е. Т. Смирнов, *Охота на тигров на Сыр-Дарье*, — в кн. «Владыка джунглей», Алма-Ата, 1966, стр. 52—53.

А инженер В. Соколов, охотившийся в районе Перовска в 1903—1915 годах, писал: «О случаях нападения на людей не было слышно...»⁵⁹. «Туранский тигр,— делает заключение С. Строганов,— обычно не нападает на человека. Во всех достоверно известных мне несчастных случаях столкновения с туранским тигром инициатива нападения принадлежит человеку»⁶⁰. К таким же выводам пришли и ученые, изучающие этого хищника на Дальнем Востоке.

О том, что первым всегда нападает человек, говорят подобные же случаи, описанные в очерках «Мантык — истребитель тигров», «Охота на тигра», «В захолустье».

Многих пугает то обстоятельство, что тигр нередко ходит по следам людей. На человека эта привычка грозного хищника действует угнетающе, но то, что тигр идет за человеком, отнюдь не означает, что владыка джунглей собирается напасть. С. Строганов рассказывает, что тигры нередко ходили за ним в Тигровой балке, но ни разу не предпринимали такой попытки⁶¹. По словам проф. А. Г. Банникова, зверь идет за человеком до границ своего участка и прекращает преследование, после того как тот покидает его пределы⁶².

Когда мы говорим, что преследование человека не грозит ему нападением, то, естественно, не подразумеваем здесь охотника, ранившего тигра. Ибо в этом случае нападение вполне возможно. Говоря о добродушии и миролюбии этого хищника, не надо, конечно, впадать в крайность. Так, если вы случайно встретите тигрят и вздумаете поиграть с ними или хотя бы приблизиться к ним, то предварительно лучше написать завещание. Ибо это одно из немногих положений, когда тигр, вернее тигрица, может убить человека (но, впрочем, не всегда это делает).

Проанализировав поведение тигра в случае встречи с человеком, А. А. Слудский пришел к заключению: «Тигр переходит в нападение, как правило, лишь при

---

⁵⁹ В. Соколов, *Охота на Сыр-Дарье*, — «Туркестанский охотник», 1924, № 5—8, стр. 6.

⁶⁰ С. Строганов, *Тигр в Средней Азии*, — «Охота и охотничье хозяйство», 1961, № 12, стр. 24.

⁶¹ Там же, стр. 23—24.

⁶² А. Г. Банников, *По заповедникам Советского Союза*, М., 1966, стр. 87.

следующих обстоятельствах: 1) когда он ранен и его преследуют; 2) если к нему подойти, когда он остановлен собаками; 3) при подходе человека к логову с маленькими тигрятами; 4) при случайном, неожиданном для тигра, подходе к нему ночью»⁶³. Н. А. Байков писал еще об одном обстоятельстве, при котором тигр может броситься на охотника: когда хищника в течение длительного времени преследовали, не давая возможности пость и отдохнуть⁶⁴.

Но даже при этих обстоятельствах тигр нападает далеко не всегда. Так, при отлове тигрят на Дальнем Востоке тигрицы обычно убегают напуганные выстрелами. Прежде, когда этих хищников было больше и они не так боялись людей, как в наше время, переловить тигрят без боя с тигрицей было трудно.

А вот что рассказывает Д. Корбетт о бенгальском тигре. Когда человек подходит к тигрятам, тигрица нападает не сразу. Прежде она предупреждает его рычанием, затем грозным ревом. Если человек не понимает и не уходит, «тогда уже вина за любое полученное увечье полностью ложится на незваного гостя»⁶⁵.

Итак, здоровый хищник никогда не бросается на человека первым, если только тигра не вызывают каким-либо образом на нападение. Но все, что говорится в этой главе, относится — подчеркиваем еще раз — именно к обычному, здоровому тигру. Ибо между ним и тигром-людоедом лежит пропасть. Тигр, как видите, животное довольно-таки безобидное (если его не трогают), тигр же людоед — явление безусловно кошмарное. Он нападает всегда сам, и, когда такой зверь где-либо появляется, людей охватывает ужас...

ВО ВЛАСТИ ЛЮДОЕДА

...Пустеют дороги, население запирается в домах, нередко прекращаются лесоразработки или сельскохозяйственные работы. Были случаи, когда крестьяне покидали деревни, забрасывались целые округа...

---

⁶³ А. А. Слудский, *Что мы знаем о тигре*, — в кн. «Владыка джунглей», Алма-Ата, 1966, стр. 321.

⁶⁴ Н. А. Байков, *Маньчжурский тигр*, Харбин, 1925, стр. 12.

⁶⁵ Д. Корбетт, *Храмовый тигр*, М., 1964, стр. 122.

Жителям больших городов по существу просто невозможно представить себе то состояние ужаса, которое охватывало население местности, где хозяйничали тигры-людоеды.

В конце сороковых — начале пятидесятих годов прошлого столетия тигры-людоеды неоднократно появлялись на нижней Сыр-Дарье. Дело дошло до того, что командир Отдельного Оренбургского корпуса генерал В. А. Перовский 2 октября 1851 года написал специальное донесение помощнику военного министра князю В. А. Долгорукову, в котором говорилось: «Исправляющий должность начальника Аральского укрепления майор Дамас в конце 1849 г. донес предместнику моему, что с приближением на зимовку к сему укреплению киргизских аулов в окрестностях оно появилось тигры в большом противу прежнего числе. Кроме истребления лошадей и другого скота, встреча с сими хищными зверями всегда почти оканчивалась смертью кого-либо из киргиз, которых, как оказалось по собранным сведениям, в течение 1848 и 1849 гг. заедено тиграми до двадцати восьми человек»⁵⁶.

В начале пятидесятих годов XIX века тигр-людоед напал на коменданта форта Кос-Арал и загрыз его. В 1858 году около Перовска зверь убил женщину. В 1880 году в восьмидесяти пяти километрах от Ташкента, в окрестностях одного горного кишлака, был убит тигр, также растерзавший женщину. О людоедах на Сыр-Дарье рассказывает очерк «Мантык — истребитель тигров», а о появлении этих чудовищ в Чирчикской долине (1883 год) — очерк Е. Т. Смирнова. Даже в начале XX века наблюдались случаи появления тигров-людоедов в Средней Азии.

Известны тигры-людоеды и на Дальнем Востоке. В пятидесятих — шестидесятих годах прошлого столетия нападения на людей в Уссурийском крае и в Приамурье были заурядным явлением. О некоторых из них рассказал Н. М. Пржевальский в своей книге «Путешествие в Уссурийском крае». Тигры-людоеды появлялись и позднее, вплоть до конца XIX века. Так, в 1892 году в пятнадцати километрах от Владивостока свирепствовал лю-

---

⁵⁶ В. Дьяков, А. Шнейдер, *Тигры в устье Сыр-Дарьи*, — «Охота и охотничье хозяйство», 1959, № 8, стр. 32.

доед, нападавший на рабочих лесопромыслов. Для его уничтожения пришлось организовать команду из военных охотников, которая в конце концов убила хищника.

Д. И. Шрейдер, побывавший в 1891—1893 годах в Уссурийском крае, вспоминал: «Живущему здесь то и дело приходится слышать доносящиеся из всех округов печальные вести о кровавых исходах встреч обывателей с давнишним обитателем уссурийской тайги: там хищник двух манз-рабочих заел, там — солдата унес, в другом месте — на почтовую тройку напал, в третьем — ребенка у матери вырвал и на глазах у ополоумевшей женщины сожрал, в четвертом — он уже прямо врывается в хуторок новоселов-переселенцев, со страхом, любопытством и трепетом глядящих на разрушительные подвиги невиданного ими „ситцевого“ зверя...»⁶⁷.

Но в общем-то тигров-людоедов на территории нашей страны было немного. После Великой Октябрьской социалистической революции сведений о появлении таких зверей нет. Гораздо чаще встречаются людоеды в других странах Азии. Так, в пятидесятых годах прошлого века тигры перебрались через пролив, отделяющий Сингапур от материка, и растерзали двадцать человек. На Яве в 1882 году из-за нападений тигров-людоедов пришлось переносить в другое место целую деревню. В конце XIX — начале XX века тигры свирепствовали в Корее. Но особенно мрачную и громкую славу завоевали людоеды Индии. Приведем некоторые факты.

В Нижней Бенгалии с 1860 по 1866 год тигры убили примерно четыре тысячи двести человек. В 1870—1880 годах во всей Индии от людоедов ежегодно погибало по восемьсот — девятьсот человек. В 1890 году людоеды загрызли семьсот девяносто восемь, а в 1924 году — шестьсот три человека. Некоторые из этих зверей прославились количеством убитых ими людей. Так, Чампаватская тигрица за четыре года загрызла двести тридцать четыре, а Чоугарский тигр-людоед за пять лет — шестьдесят четыре человека. В 1964 году был уничтожен людоед в штате Мадхья-Прадеш, имевший на своем «счете» двести шестьдесят семь жертв. В последнее время в Индии ежегодно погибает от тигров по несколько сот человек.

В шестидесятых годах XIX века в Центральных про-

---

⁶⁷ Д. И. Шрейдер, *Наш Дальний Восток*, СПб., 1897, стр. 319.

вициях Индии из-за нападений тигра-людоеда прекратилось движение по некоторым дорогам, жители ряда деревень покинули родные места. В 1862 году другой такой зверь, убив более ста рабочих, прервал строительство железной дороги Бомбей — Аллахабад; оно было возобновлено лишь после уничтожения этого чудовища. Одна тигрица мешала нормальному ведению сельскохозяйственных работ на площади в тысячу квадратных километров.

Убийства людей тигром, сначала редкие, становятся более частыми по мере того, как хищник осознает свою силу и превосходство над беспомощным населением. Убедившись, что человек — самая легкая и доступная добыча, людоеды наглеют все больше и больше. Постепенно они переходят от ночной охоты или охоты в сумерках к нападениям днем. Ведь днем люди передвигаются неизмеримо чаще, чем ночью, и подстеречь человека в светлое время суток опытному убийце ничего не стоит.

Тигры-людоеды нападают обычно врасплох, когда человек один. Но, убедившись в безнаказанности нападений, людоеды, окончательно обнаглев, бывает, кидаются не только на группу безоружных рабочих лесопромыслов, но даже атакуют вооруженных людей.

Постоянно имея дело с человеком, людоеды вырабатывают особую «тактику» нападения. Обычно они бросаются на жертву с расстояния, которое можно покрыть одним прыжком. Это смертельно опасно не только для безоружного, но даже для опытного хорошо вооруженного охотника, так как стрелять приходится не целясь, навскидку, и только моментальная реакция спасает очутившегося в таком положении человека. Вот почему «на сто случаев нападения тигров-людоедов бывает только один, когда жертва ускользает от зверя»⁶⁸. Неудачные охоты на людоедов, попытки перехитрить их делают этих зверей еще более осторожными, опытными, а потому и более опасными.

Отрицательную роль в борьбе с тиграми-людоедами в Индии играла господствующая в этой стране религия — индуизм. Догма о непротивлении злу и вера в судьбу в течение тысячелетий прививали людям безропотность, покорность. Население или не оказывало тиг-

---

⁶⁸ Д. Корбетт, *Кумаонские людоеды*, М., 1957, стр. 65.

рам никакого сопротивления, или сопротивлялось робко и нерешительно.

Определенную роль сыграло здесь отсутствие у населения огнестрельного оружия, так как английские колонизаторы не разрешали индийцам иметь даже гладкоствольные ружья. Но главная причина гибели столь большого числа людей от когтей тигров-людоедов в Индии кроется все-таки в пассивности населения. Бирманцы или малайцы, вооруженные лишь копьями и большими ножами, боролись с тиграми гораздо энергичнее и потому с большим успехом.

Естественно, что при обсуждении вопроса: охранять тигров-людоедов или уничтожать — не может быть и тени сомнения. Их следует уничтожать как можно скорее. К сожалению, под выстрелы охотников чаще попадают ни в чем не повинные животные, ибо убить людоеда не так-то просто. Ну, а как же охотятся на тигров?

ПЕРВАЯ ПЯТЕРКА

Способов охоты на тигров множество, и мы расскажем лишь о некоторых. В прошлые столетия индийские феодалы устраивали большие облавы на этих хищников, в которых участвовали тысячи людей и сотни слонов. В XVII веке большие охоты на тигров устраивали китайские императоры. «Эти охоты,— пишет К. Фохт,— скорее походили на военный поход, чем на охоту; тысячи вооруженных людей с сотнями слонов окружали кольцом тигровые логовища, пытаясь взять его сомкнутыми копьями; весьма редко, однако, хищник не прорывался через эту цепь, оставляя по себе смерть и увечье»⁶⁹.

В XIX веке в Индии широко практиковалась охота с сетями, расположенными в виде треугольника. В вершине треугольника сооружался помост, на котором размещались охотники. Загонщики старались загнать тигра в суживающийся коридор из сетей; если это удавалось, зверь выходил на стрелков. Но нередко он поворачивал и прорывался через цепь загонщиков.

До сих пор в Индии и Непале тигров стреляют со слонов. Эта охота более результативна и требует к тому

---

⁶⁹ К. Фохт, *Млекопитающие*, СПб., 1885, стр. 148.

же меньше людей. Так, 1 мая 1855 года в Ауде (Индия) со слонов было убито одиннадцать тигров без потерь со стороны охотников. Но, случается, полосатая кошка кидается на слона или охотника, и далеко не всегда дело обходится без несчастных случаев. Советский кинооператор Г. Асатиани, побывавший в Непале, рассказывает, что во время охоты тигр кинулся на слона и разорвал ему бок⁷⁰.

Тигров ловят в различные ловушки, капканы, западни; на тропах настораживают копья, луки со стрелами, наконечники которых иногда смазывают ядом; устанавливают и ружья, нередко по несколько сразу. Тигров травят стрихнином, а на Яве в прежние времена войны окружали этих хищников и убивали копьями.

Один из наиболее целесообразных способов охоты — стрельба с лабаза (махана), сооруженного около жертвы тигра. Иногда сооружают лабаз в месте, часто посещаемом зверем, привязывают рядом приманку (скажем, козленка) и ждут прихода хищника. Об этом увлекательно рассказывается в книгах Д. Корбетта и К. Андерсона.

Отдельные смельчаки отваживаются преследовать тигра в одиночку, хотя для подобной охоты нужно редкое сочетание таких качеств, как хладнокровие, большой опыт, отличное знание повадок тигра, мгновенная реакция и умение стрелять навскидку.

Коренные жители Дальнего Востока — гольды, нанайцы, орочи, удэгейцы — до прихода русских на тигра не охотились. Удэгейцы, например, считая хищника священным зверем, убивали его лишь в целях самозащиты или в случае нападения тигра на стойбище. Орочи убивали этого хищника, культ которого был у них очень силен, только в порядке мести за убитых им сородичей. В одном из гольдских родов существовала вера в близкое родство с тигром. Тотемы тигра известны и у отсталых лесных племен Индии.

Русские переселенцы на Дальнем Востоке подкарауливали тигров у добычи, но чаще всего охотились на этих хищников с собаками. Хорошие зверовые лайки — незаменимые помощники при охоте на тигра. Найдя след, собаки нагоняли и останавливали зверя. Если собаки бы-

---

⁷⁰ Г. Асатиани, *Охота на тигров*, — «Охота и охотничье хозяйство», 1965, № 5, стр. 54.

ли неопытные, это стоило жизни одной или несколькими из них. Охотники, определив по лаю место, где остановился тигр, подходили к нему и стреляли со ста — ста пятидесяти метров, обычно из винтовок. Так как опытных охотников, знающих повадки тигра, было немного, то несчастные случаи на подобного рода охотах происходили довольно часто.

Коренное население Средней Азии и Казахстана активно на тигра охотилось довольно редко. Во-первых, этот зверь не очень уж досаждал людям, а во-вторых, охота на него с примитивным огнестрельным оружием была сопряжена с огромным риском. Но если звери слишком наглели, им объявлялась беспощадная война.

На реках Или и Чу отважные казахские охотники, обнаружив место отдыха тигра во время полуденного зноя, подползали к нему как можно ближе и били из мултуков — фитильных ружей с прямыми нарезками. Это оружие своей дупотопностью всегда поражало русских, почему оно и упоминается во многих очерках, статьях и заметках того времени. Охотились на тигра и с подхода из юрты; этот способ подробно описывается в публикуемом очерке Е. Т. Смирнова.

Около животного, убитого хищником, устанавливали несколько ружей со взведенными курками. Веревку, соединенную со спусковыми крючками, натягивали таким образом, чтобы тигр, подходя к убитому животному, непременно задел за нее. Однако хищник редко бывал убит, чаще он уходил раненым. Обычно его не преследовали, и через некоторое время зверь или умирал от ран, или выздоравливал, или, оставшись калекой, превращался в людоеда. Этот варварский способ охоты давно уже запрещен почти во всех странах мира.

А. В. Каульбарс, проводивший в 1873 году исследования низовьев Аму-Дарьи, рассказывает: «Так как тигр враг всем, то в аулах существует обычай взаимной помощи против его нападений. Поэтому, как только пастух усмотрит вблизи стада, или уже после нападения на последнее, тигра, то он подает условный знак голосом, по которому в аулах все поднимается в миг на ноги. Всяк вооружается чем попало: ружьем, пикой, саблей, кетменем, и все с неистовым криком бросаются к стороне, куда тигр увлек свою жертву, или где он показался. Пораженный и напуганный этим шумом, зверь часто бро-

сает свою добычу, остатки которой на следующий день служат для угощения семейства и друзей хозяина погибшего животного»⁷¹.

Но все же, повторяем, специальной охоты на тигров до прихода русских не существовало. Поэтому не было ничего удивительного в том, что хищники, чувствуя свою безнаказанность, врывались в аулы, а иногда даже гуляли по стенам русских фортов, интересуясь невиданными для них сооружениями. В конце сороковых годов из добровольцев — солдат и казаков — были образованы специальные команды для истребления тигров. Но так как опыта охоты на этого хищника не было, схватки с ним обходились русским людям весьма и весьма дорого.

Охотничьи команды действовали обычно так: место, где находился тигр (чаще всего массив непролазного тростника), окружали со всех сторон и начинали медленно приближаться к предполагаемому местоположению зверя. Невидимый в чаще, он внезапно кидался на людей. Редко удавалось положить его сразу, на месте, чаще начиналась ожесточенная схватка, в ход шли штыки и кинжалы...

Во время одной из таких охот на Сыр-Дарье в середине прошлого века двое солдат были настолько тяжело изувечены могучим хищником, что вскоре скончались от ран; пятеро других были ранены, но остались в живых. Тот самый майор Дамас, о котором Перовский писал в военное министерство, в ноябре 1849 года по просьбе казахов устроил облаву на тигров. В ней участвовало сорок солдат и казаков. Зверя окружили в густых зарослях и убили, но трое рядовых были при этом ранены, а один — лишился руки. О таких же страшных схватках в тугаях и тростниках рассказывается и в повести о Мантыке и в «Охоте на тигра» Н. Н. Каразина.

Убитые и раненые при охоте на тигра в Средней Азии и Казахстане — явление обычное. Даже в начале XX века, когда был уже накоплен большой опыт охоты на этого зверя, несчастные случаи оставались нередкими. Так, перед первой мировой войной в Термезском госпитале как-то одновременно лечилось пять пограничников, раненных на тигровых охотах.

---

⁷¹ А. В. Каульбарс, *Низовья Аму-Дарьи*, — «Записки ИРГО по общей географии», т. IX, СПб., 1881, стр. 329.

Охотились на тигров не только группами, но и в одиночку. Мантык, например, один ждал зверя, идущего по его следу. Применяли для охоты на этого хищника и собак, которые останавливали тигров. Но в Средней Азии, в густых зарослях, этот способ был менее эффективным, чем в лесах Дальнего Востока.

Ставили на тигра и капканы, непременно с волокушей из тяжелого бревна. Без такой волокуши хищник или вырывался из неподвижного капкана, или отрывал лапу и уходил. Тигра обычно догоняли на лошадях, причем в погоню отправлялось чаще всего десять — пятнадцать человек, которые стреляли в хищника с лошадей.

Наибольший результат при наименьшей затрате сил и средств давала охота на засидках около добычи, не доеденной тигром, или около приманки. Недалеко от туши убитого животного вырывали яму (см. очерк «В захолустье» и отрывок из романа «В камышах») или сооружали лабаз («В камышах»). Стрельба с лабаза была более безопасной, чем из ямы. Иногда просто ждали зверя у трупов, как об этом рассказывается в повествовании о Мантыке.

Читая очерки, вошедшие в этот сборник, многие будут удивлены большим числом несчастных случаев во время охоты на тигров. Объясняется это несколькими причинами. Главное, как уже говорилось, отсутствие опыта, ясных представлений об этом животном, его повадках, силе и как следствие — легкомысленное отношение к грозному хищнику. Так, в очерке «В захолустье» охотник, уже знакомый с тигром, все же счел возможным идти на него с гладкоствольной одностволкой — оружием, явно не подходящим для такого рода охоты.

Анализ источников показывает, что в тигра стреляли когда надо и когда не надо, с любого расстояния, при любом случае, из любого оружия. Раненых зверей часто не добивали, грубо нарушая тем самым одно из основных правил охоты. Облавы организовывались иногда так неумело, что оканчивались или ранением некоторых охотников, или, в лучшем случае, бесплодной потерей времени, как это правдиво показано в очерке Е. Т. Смирнова.

Не подходящим для охоты было и оружие: вначале шомпольные ружья, затем винтовки Бердана и Мосина. Эти винтовки — хорошее боевое и охотничье оружие, но выстрел из них не останавливает тигра при прыжке,

даже при удачном попадании. Когда тигра стреляли из боевых винтовок на Дальнем Востоке с более или менее далекого расстояния, то обычно оставалось время на перезарядку винтовки. Но когда тигр нападал с расстояния в три — пять метров — в тростниках Сыр-Дарьи или Аму-Дарьи — и пуля не отбрасывала его назад, времени на перезарядку не оставалось. Охотник или погибал, или получал тяжелые ранения; иногда его выручали товарищи, а в исключительно редких случаях — кинжал.

Английские охотники в Индии чаще всего шли на тигра с двуствольным крупнокалиберным нарезным ружьем (штуцером), тяжелая пуля которого может остановить тигра даже при прыжке с близкого расстояния. Сейчас при охоте на тигров широкое применение находят крупнокалиберные охотничьи автоматические винтовки.

Но дело не только в отсутствии опыта или достаточно мощного оружия. Охота на тигров опасна всегда и для всех, хотя, естественно, в разной степени. Ведь этот хищник не хочет дешево продавать свою шкуру и в случае настойчивого преследования сам нередко переходит в решительную контратаку.

Тигр — животное высокоразвитое. В своих действиях он руководствуется не только инстинктом, но и приобретенным опытом. Сталкиваясь с людьми, тигр вскоре начинает отличать вооруженного человека от невооруженного, а затем вырабатывает «тактику», позволяющую ему или уходить от преследования, или атаковать врага в выгодный для себя момент. Поведение тигра индивидуально, и предугадать заранее, что сделает ну хотя бы раненый зверь во время приближения к нему, невозможно. «Во всех его действиях,— пишет Н. А. Байков,— видна какая-то продуманность, граничащая с разумностью и последовательностью. Обмануть и провести тигра очень трудно...»⁷². Особенно тигра-людоеда.

Раненый или здоровый, но раздраженный преследованием, тигр устраивает засаду. Он сворачивает с избранного им же направления, идет в обратную сторону параллельно своим следам, пропускает охотника вперед, затем выходит на его след и, случается, нападает сзади. Этот прием тигров успешно использовал Мантык. Он по-

---

⁷² Н. А. Байков, *Маньчжурский тигр*, Харбин, 1925, стр. 10.

ворачивался на сто восемьдесят градусов и ожидал хищника, который обычно выходил прямо на охотника. Несколько тигров отважный калмык убил именно таким способом, но в конце концов был растерзан зверем, вышедшим на его след.

Хищник не обязательно нападает сзади: в зависимости от ветра он может атаковать и с фланга. Иногда разъяренный зверь нападает спереди, подпустив человека на длину одного прыжка. Впрочем, если тигр заметит, что его обнаружили, он уходит, не нападая. Но это не значит, что хищник отказался от борьбы: нет, просто он будет выжидать более удобного случая, повторять свои маневры, иногда до тех пор, пока не растерзает охотника или сам не будет убит.

Другая особенность охоты на тигра заключается в том, что собаки, столь часто спасающие человека во время схватки с медведем, при нападении тигра помочь не могут. Дело в том, что медведь, на которого наскочивают собаки, старается схватить их и часто оставляет человека в покое. Тигр, нападающий на человека, на собак не обращает никакого внимания. Да и редкая собака решится вцепиться в грозного зверя. Сравнительно легко увертываясь от лап медведя, даже опытная собака не сможет избежать когтей гигантской кошки, если подойдет к ней слишком близко: настолько молниеносны движения владыки джунглей. Поэтому опытные лайки ближе чем на пятьдесят шагов к тигру не подходят.

Есть и еще одно существенное отличие охоты на тигра от охоты на медведя или, скажем, леопарда: многие избавлялись от «объятий» косолапого или когтей пантеры, убивая этих зверей кинжалом. Другое дело тигр: при первом же нападении он калечит или так сильно придавливает человека, что тот, даже если и сохранит присутствие духа, чаще всего просто не может шевельнуть рукой, даже не будучи в шоковом состоянии. А иногда в состоянии шока, все видя и понимая, ничего не может предпринять. Нужно редкое стечение обстоятельств, чтобы охотник, которого подмял под себя тигр, убил бы его, оставшись при этом живым.

Это возможно лишь в том случае, когда после первого нападения охотник, хорошо владеющий холодным оружием, не теряет сознания, сохраняет присутствие духа и возможность пустить в дело нож или кинжал. Так

убили тигров Мантык и Шумов — герой очерка «В захолустье». В подавляющем большинстве случаев человек, на которого накинута этот хищник, бывает убит или тяжело ранен.

Тигр опасен не только своей силой, стремительностью и внезапностью нападений. Уже само присутствие зверя, его вид, голос настолько сильно действуют на людей, что, случается, даже смелые и опытные охотники теряют хладнокровие. Вот несколько примеров психологического воздействия присутствия тигра на человека.

Е. Т. Смирнов, например, рассказывает, как в середине семидесятых годов прошлого столетия группа офицеров отправилась на охоту за тиграми. Ехали тростниками. Неожиданно шагах в двадцати от них на полянку выскочил тигр, прилег около убитой лошади и страшно зарычал. «Можно себе представить,— пишет далее автор,— что сделалось с охотниками! Храброе оренбургское воинство, забыв про винтовки, бросилось в сторону со всех ног и полегло рядами в грязную канаву...»⁷³.

В августе 1915 года три охотника поехали за фазанами в район Перовска. Увлечшись охотой, они зашли далеко в тростниковые джунгли и вдруг на небольшой поляне увидели спокойно стоявших трех тигров... Когда охотники пришли в себя, оказалось, что они, «бледные и запыхавшиеся, стоят около сторожки, от которой... начали охоту...»⁷⁴. Между тем охотники имели патроны, снаряженные пулями.

В 1878 году на Дальнем Востоке десять солдат получили приказ уничтожить тигра. Зарядив берданки, они двинулись в путь. «Враг не заставил себя долго искать и предстал авангарду в своем диком величии, без малейшего намерения уступить поле битвы. Его выражение, его движения и размеры показали солдатикам настолько внушительны, что они ретировались — ретировались настолько быстро, что некоторые обронили даже свои берданки»⁷⁵.

Не думайте, однако, что столь сильно этот хищник

---

⁷³ Е. Т. Смирнов, *Охота на тигров на Сыр-Дарье*, — в кн. «Владыка джунглей», Алма-Ата, 1966, стр. 59.

⁷⁴ Гр. Созонтьев, *Случайные встречи*, — «Охотник», 1926, № 12, стр. 11.

⁷⁵ «Охота на тигра», — «Природа и охота», 1880, № 2, стр. 327—328.

действует только на неподготовленных охотников. Вот что пишет Н. А. Байков, вспоминая одну из своих охот на тигра: «Услышав его голос, невольно крепче сжимаешь винтовку в руках. Сердце стучит в грудную клетку, начинается нервная дрожь. Чувствуешь свою полную беспомощность перед этим грозным владыкой тайги в случае его внезапного нападения из темных недр заросшего густого леса. Ощущение это довольно сильное, в чем и заключается весь интерес и заманчивость такой охоты»⁷⁶. А вот слова другого прославленного охотника: «Даже днем близость тигра, если он вас и не видит, заставляет сердце биться учащенно. Но ночью, к тому же темной, когда тигр, и не обычный, а людоед, наблюдает за вами, сердце вовсе готово выскочить из груди»⁷⁷.

Не удивительно, что охота на тигра считается одной из наиболее опасных. «Нельзя не признаться, что для открытой борьбы с этим зверем нужны необыкновенное мужество и присутствие духа»⁷⁸, — писал Е. Т. Смирнов. «Охота на тигра — самый трудный вид этого спорта»⁷⁹, — считает К. Андерсон. По мнению Н. А. Байкова, охота на тигра — наиболее рискованна и опасна⁸⁰. Таковы высказывания охотников, хорошо знающих тигра. И только человек, никогда не видевший этого зверя в естественной обстановке, мог написать о нем такую легкомысленную фразу: «Стрелять в тигра не представляет почти никакой опасности: он постоянно избегает борьбы с человеком...»⁸¹.

Учитывая все трудности и опасности охоты на тигра, известный советский охотовед Д. К. Соловьев включил его в «первую пятерку» наиболее опасных для охотника зверей земного шара. Наряду с тигром сюда входят также лев, слон, носорог и буйвол⁸². Многие охотники добавляют еще и леопарда.

---

⁷⁶ Н. А. Байков, *В горах и лесах Маньчжурии*, Пг., 1915, стр. 147.

⁷⁷ Д. Корбетт, *Храмовый тигр*, М., 1964, стр. 44.

⁷⁸ Е. Т. Смирнов, *Охота на тигров на Сыр-Дарье*, — в кн. «Владыка джунглей», Алма-Ата, 1966, стр. 56—57.

⁷⁹ К. Андерсон, *Черная пантера из Шиванипали*, М., 1964, стр. 90.

⁸⁰ Н. А. Байков, *В Маньчжурии*, — «Природа и охота», 1903, № 11, стр. 71.

⁸¹ А. Э. Брэм, *Жизнь животных*, изд. 2-е, т. I, СПб., 1894, стр. 412.

⁸² Д. К. Соловьев, *Основы охотоведения*, ч. V, М.—Л., 1929, стр. 1027.

Трудность и опасность охоты на тигров не исключает, понятно, отдельных фантастических удач, звучащих нередко просто анекдотически. Вот три ярких случая. Однажды на Сыр-Дарье солдат отправился на охоту за фазанами с шомпольным ружьем. Совершенно неожиданно он увидел мирно лежащего тигра, находившегося от него в десяти шагах. Солдат выстрелил зверю в бок — и убил его наповал⁸³. В Индии четырнадцатилетний мальчишка, только что приехавший из Англии, на первой же охоте убил двух тигров⁸⁴. Один советский специалист, работавший в Непале, как-то ехал на слоне по джунглям, неожиданно увидел тигра, выскочившего на дорогу, вскинул винтовку, выстрелил — и убил хищника наповал⁸⁵.

Вполне естественное нежелание быть убитым, жестокий отпор, который дает тигр своим преследователям, — все это вызывало (а может, и сейчас вызывает?) негодование и возмущение бездарных или просто трусливых охотников. Именно они-то, а также литераторы, наслушавшиеся о нем басен, и создали легенду о необычайной «лютости», «кровожадности» тигра, о его поразительном «коварстве». Остается только недоумевать, почему, собственно, тигр должен безропотно подставлять себя под пули охотников? Ведь именно люди проявляют коварство, уничтожая тигров всеми способами, именно людей можно обвинить в кровожадности, ибо они — а вовсе не тигры — убивают зверей просто так, без всякой нужды, без острой для себя необходимости.

На тигра охотятся не только потому, что он наносит ущерб человеку, или потому, что этого зверя считают чудовищем. Добыть тигра — мечта многих охотников: ведь шкура этого животного — вершина охотничьей карьеры. Кроме того, шкура высоко ценится своей красотой и редкостью.

Впрочем, у тигров ценится не только красивая шкура. Китайцы и корейцы, например, почти всю тушу тигра используют для изготовления различных лекарств. Кроме того, из мяса и размельченных костей приготавливается на-

---

⁸³ Е. Т. Смирнов, *Охота на тигров на Сыр-Дарье*, — в кн. «Владыка джунглей», Алма-Ата, 1966, стр. 54—55.

⁸⁴ В. Жукровский, *Странствия с моим гуру*, М., 1965, стр. 227—229.

⁸⁵ В. Н. Туркин, *Сквозь джунгли Непала*, М., 1964, стр. 114—115.

инток, делающий, по поверьям китайцев, человека храбрым. В наши дни гораздо большую ценность представляют не убитые, а живые тигры, охотно приобретаемые зоопарками.

Какие же можно дать ответы на вопросы, поставленные в начале статьи?

ОХРАНЯТЬ, А НЕ ИСТРЕБЛЯТЬ

Итак, тигр — обычный хищник, отнюдь не лютый, не ужасный, не коварный, не кровожадный, не свирепый. Это — красивое и сильное животное, отличающееся скорее добродушием, чем свирепостью. Но добродушен тигр только до тех пор, пока его не трогают.

Сейчас в СССР никто уже не выступает за истребление этого зверя. Более того, специалисты начинают даже склоняться к мысли, что тигры, если их не слишком много, животные скорее полезные, чем вредные. Хорошо известно, что в случае уничтожения всех хищников число других животных, например копытных, сначала увеличивается, а потом резко сокращается. Так, если охотники решат, что на данной территории мало оленей, и будет признано необходимым увеличить их число, истребив волков, то сразу же после полного уничтожения последних количество оленей резко возрастет, но впоследствии, через несколько лет, начнется их массовая гибель от эпизоотий. Если, конечно, «функции» волков не перейдут к другим хищникам.

Хищники в первую очередь уничтожают слабых и больных животных. Прекращение этого процесса человеком нарушает естественный отбор. Вот почему они необходимы в природе, хотя, конечно, численность их надо регулировать. Но у волков — как «орудия» естественного отбора — есть по крайней мере четыре отрицательных качества: во-первых, они уничтожают больше, чем им нужно для насыщения; во-вторых, распугивают всю дичь в данной местности; в-третьих, являются носителями бешенства; в-четвертых, регулировать их численность очень трудно ввиду быстрого размножения.

Крупные и средние кошки (львы, леопарды, рыси и т. д.) лишены тех или иных из этих недостатков, а тигр не имеет ни одного из перечисленных. Вот почему имен-

но представителей семейства кошачьих выгодно сохранять в определенных количествах, даже в заповедниках, как это делают чехи, допуская существование рыси в Татрах. Такую же роль может играть владыка джунглей в некоторых районах нашей страны.

Установлено, что в Сихотэ-Алине тигры преследуют волков. И там, где нет волков, но обитает полосатая кошка, численность животных выше, нежели там, где обитают волки, но нет тигров. «Иной раз,— рассказывает известный дальневосточный тигролов И. П. Богачев,— просто дивишься: в одном ключике тигры живут, в другом, рядом — табун кабанов пасется, изюбры кругом ходят... А вот волчьего следа не увидишь, всех волков тигрица, как кошка мышей, выловит. Волк — тот не столько съест, сколько разгонит. Где волки — там нет зверя, где тигр, там скорее и другого зверя сыщешь»⁸⁶.

Впечатление от появления тигров было настолько велико, что все писали и говорили об этом звере, гораздо меньше внимания уделяя волкам. Ведь волк невелик, не так страшен с виду, словом — животное более будничное, если так можно сказать. Другое дело тигр — зверь могучий, эффектный, страшный с виду...

И вот туранских тигров истребили, а волки уцелели и по-прежнему режут скот в Средней Азии и в Казахстане. Перечитывая старые материалы о тиграх, ныне невольно обращаешь внимание на те места, которые прежде не замечали. А было не так уж мало таких заявлений: «Возможно, что и в Хиве, например, он (тигр.— И. Ш.) больше приносит пользы уничтожением кабанов, нежели вреда»⁸⁷. Но «он» считался «лютым зверем» и поэтому подлежал истреблению независимо от того, какова была роль тигра на самом деле...

Альфред Брэм, который называет тигра «страшным», «кровожадным», самым опасным хищником на земле, между прочим, написал и такую фразу: «Для земледелия это добрый приятель, который в больших размерах играет роль домашней кошки, спасая посевы от некоторых животных, например от оленей и диких свиней, которые

---

⁸⁶ В. П. Сысоев, *Охота в Хабаровском крае*, Хабаровск, 1952, стр. 68.

⁸⁷ Д. Н. Кашкаров, *Животные Туркестана*, изд. 2-е, Ташкент, 1931, стр. 19.

сильно вредят земледельцу и от которых он не знает как избавиться»⁸⁸.

Это замечание А. Э. Брэма совершенно справедливо. Но тем не менее в Индии и сейчас уничтожают тигров и леопардов и не трогают (по религиозным соображениям) обезьян, наносящих немалый ущерб сельскому хозяйству. Отстрел же леопардов — естественных врагов обезьян — еще больше увеличивает численность последних. В Восточной Африке преследование леопардов привело к тому, что кабаны и обезьяны, размножившись в огромных количествах, стали наносить сильный урон сельскому хозяйству. Уничтожение леопардов пришлось прекратить, и теперь там этих животных охраняют, отстреливая и истребляя кабанов и обезьян.

Итак, истребление хищников бьет в конечном итоге по человеку. Ибо надо знать, кого следует уничтожать и когда истребление какого-либо вида нужно приостановить. А для этого необходимы глубоко обоснованные рекомендации ученых.

Конечно, было бы нелепо сейчас ставить вопрос о расселении тигра по всей территории его прежнего обитания. Большие площади тайги, пойменных лесов и тростников освоены, да и на необжитых землях не везде можно поселить грозного зверя. Население не выдерживает его близкого присутствия, живет в постоянном страхе и нервном напряжении, поэтому тигра можно расакклиматизировать лишь в строго определенных местах, лучше всего в заповедниках и заказниках⁸⁹.

Нам уже приходилось писать⁹⁰ о том, что тигров желательно расселить в Тигровой балке, в низовьях Аму-Дарьи, где-нибудь на нижней Сыр-Дарье и в устье Или, создав в этих местах заповедники. В них мог бы охраняться не только туранский тигр, но и вся своеобразная фауна и флора пойменных лесов и тростников. Завозить этих хищников нужно из Ирана и Афганистана, где обитает туранский тигр, то есть тот же подвид, который водился прежде в Средней Азии и Казахстане. С этим следует поспешить, иначе в Иране и Афганистане истребят последних тигров...

---

⁸⁸ А. Э. Брэм, *Жизнь животных*, изд. 2-е т. I, СПб., 1894, стр. 416.

⁸⁹ Вл. Кречетов, *Лютый зверь или украшение тайги?*, — «На суше и на море», М., 1965, стр. 325.

⁹⁰ И. Б. Шишкин, *В тугаях*, — «Охота и охотничье хозяйство», 1964, № 12, стр. 34.

На Дальнем Востоке тигры могут обитать не только в заповедниках (площадь которых следует увеличить), но и на обширных неохранных горнолесных территориях. Численность этого хищника может быть увеличена без опасности для жизни людей и без ущерба для скотоводства в пять, возможно, даже в десять раз. Увеличение количества тигров потребует строгого соблюдения двух правил: своевременно отстреливать старых зверей и никогда не оставлять подранков.

Остановимся теперь вкратце на публикуемых материалах.

«МАНТЫК...» И ДРУГИЕ ОЧЕРКИ

Материалы, включенные в сборник, не только дают представление об охоте на тигра в Средней Азии и Казахстане, но и знакомят также читателей с природой пойменных лесов и тростников, с обычаями и нравами коренного населения, показывают жизнь русских солдат и офицеров в этих районах. Если говорить о жанрах, то это документальные очерки, кроме отрывка из повести Н. Н. Каразина «В камышах».

В сборник вошла лишь часть известных нам очерков об охоте на туранского тигра. Все произведения, включенные в книгу, показывают этого хищника в те времена, когда он был еще обычен и охота на него не была случайностью. Написаны они в последней трети прошлого столетия.

Читая очерки, не следует забывать, что авторы пользуются терминами, многие из которых исчезли после Великой Октябрьской социалистической революции, например казахи везде именуются киргизами. В нашей публикации сохранен стиль очерков, оставлены все выражения и обороты речи, характерные для авторов этих произведений.

События в очерках развертываются в 1840—1880 годах, то есть в то время, когда завершилось присоединение Казахстана и Средней Азии к России. Русские войска продвигались с севера, вдоль Сыр-Дарьи, и с востока — со стороны Верного (Алма-Аты). По мере продвижения в стратегически важных пунктах сооружались форты, о которых часто упоминается в публикуемых произведениях.

В первой половине XIX века на территории Средней Азии существовало три феодальных государства — Бухарское, Кокандское и Хивинское ханства. В социально-экономическом отношении это были отсталые государства, производительные силы которых подрывались непрерывными смутами, набегами кочевников, междоусобными войнами. В результате ряда походов русских войск Средняя Азия была присоединена к Российской империи; Бухарское и Хивинское ханства стали вассалами России, а Кокандское было ликвидировано.

Несмотря на колонизаторскую политику царского правительства, включение Казахстана и Средней Азии в состав России объективно имело прогрессивное значение. Прекратились непрерывные феодальные столкновения, были созданы условия для более быстрого социально-экономического развития, роста производительных сил. Благоприятным оказалось и сближение народов Казахстана и Средней Азии с передовой русской культурой.

Авторы очерков показывают отсталость и бедность подавляющей части казахов. Очерки говорят о доброжелательном отношении русских к коренным жителям Туркестана, как обычно именовали до Великой Октябрьской социалистической революции Среднюю Азию и часть Казахстана. Известно, что передовому русскому обществу чужды были идеи расового или религиозного превосходства над другими народами. Более того, вошедшие в сборник материалы показывают, что дружеские отношения устанавливались между офицерами и солдатами Туркестанского корпуса, с одной стороны, и коренным населением — с другой. Так, Петр Касаткин, главный герой повести Н. Н. Каразина «В камышах», — желанный гость в казахском ауле. Герой рассказа «В захолустье» Шумов тесно связан с казахами и живет с ними, как говорится, душа в душу.

Наиболее интересное в научном отношении произведение — «Мантык — истребитель тигров». Написано оно офицером и охотником, подписавшимся оригинальным псевдонимом *Верненский гражданин*. В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова указывается, что настоящая фамилия автора — Б. Карпов. Судя по содержанию очерков, это был высоко образованный человек, лично знавший знаменитого Мантыка.

Очерки Б. Карпова — ценнейший источник сведений

о туранском тигре; очень хороши в них картины природы низовьев Сыр-Дарьи и сцены охоты. Написаны очерки своеобразным языком, хотя некоторые выражения кажутся нам сейчас старомодными. В 1966 году в несколько сокращенном виде очерк «Мантык — истребитель тигров» вошел в сборник «Владыка джунглей», на который мы не раз ссылались в данной статье. В настоящем сборнике очерки Б. Карпова даются с некоторыми сокращениями по тексту журнала «Природа и охота», 1880, т. IV, октябрь — декабрь.

Автор трех последующих произведений («Охота на тигра», «В камышах», «Не в добрый час») — известный в свое время русский писатель и художник Н. Н. Каразин (1842—1908). В течение нескольких лет он служил в войсках Туркестанского корпуса, участвовал в научных экспедициях (1874 и 1879 годы), изучавших природу и население низовьев Аму-Дарьи.

Каразин хорошо знал жизнь русского солдата, нравы и обычаи коренного населения, природу этих районов. Он написал ряд романов, повестей и очерков на темы среднеазиатской жизни, создал множество рисунков. Одно из лучших его произведений — приключенческая повесть «В камышах», из которой мы включили в сборник отрывки, рассказывающие о появлении тигра-людоеда и об охоте на него. Герои повести вымышленные, но сцены охоты на тигра воссозданы с документальной точностью.

Очерки Н. Н. Каразина «Охота на тигра» и «Не в добрый час» содержат некоторые любопытные факты, но характеристика тигра как «лютотого зверя» может вызвать сейчас лишь улыбку. Эти очерки печатаются с некоторыми сокращениями. Все произведения писателя даны по изданию: Н. Н. Каразин, Полное собрание сочинений, СПб., 1905 («Охота на тигра», «Не в добрый час» — выпуск XII; «В камышах» — выпуск XIII).

Рассказ «В захоlustье» представляет собой отрывки из книги Д. Иванова «Солдатское житье. Очерки из туркестанской жизни» (СПб., 1875). Книга рисует тяжелую, однообразную жизнь русских солдат и офицеров. Единственным просветом в ней, по словам автора, была охота. Картины охоты на тигров, поведение этих животных при встрече с человеком даны реалистически, с большим знанием дела, хотя из содержания книги неясно, охотился ли на этих хищников сам автор или нет.

Е. Т. Смирнов был в свое время довольно известным туркестанским охотником и активно сотрудничал в одном из лучших журналов того времени — «Природа и охота». Его очерк «Экспедиция против тигров» публикуется (с небольшими сокращениями) по тексту журнала «Природа и охота», 1883, т. II, июнь. Автор убедительно показывает, что коренное население с его жалким оружием было практически беззащитно против тигров-людоедов.

Е. Т. Смирнов с горечью и сарказмом пишет о полном провале «экспедиции» на тигров. Читая его раздраженные высказывания по адресу русских и казахских охотников, необходимо все время помнить, что автор не мог по своему положению прямо сказать, кто виновник неудачной облавы, которая привела к тому, что тигры-людоеды остались целехоньки... «Свиты его величества генерал-майор князь Витгенштейн» стоял на социальной лестнице настолько высоко, что о прямой критике не могло быть и речи. Намеков же на полную бездарность руководителя экспедиции в очерке вполне достаточно.

Все сокращения в публикуемых очерках сделаны за счет текста, не имеющего прямого отношения к теме сборника. Содержащиеся в очерках сведения о тиграх даны без изменений.

*Верненский гражданин
(Б. Карпов)*

МАНТЫК — ИСТРЕБИТЕЛЬ ТИГРОВ

*(Из воспоминаний
об охоте на Сыр-Дарье)*

I. РАИМ

Прежде чем начать рассказ об охоте на Сыр-Дарье, я поясню, что такое Раим. Этого ничтожного местечка, не значащегося даже на картах, не мудрено не знать вовсе. В те времена, в которые мы там охотились, русские в первый раз встали твердою ногою на реке Сыр-Дарье. Тогда место это име-

ло важность стратегическую и политическую. Теперь, когда русские подвинулись далеко на восток, оно потеряло свое значение и оставлено совсем.

Раим — озеро на разливах правой стороны Сыр-Дарьи; близ него — могила киргизского батыра¹ Раима, сооруженная на материке, вдающемся мысом в разливы Сыра, верстах в семьдесят от Аральского моря. На этом мысу в 1847 году было построено оренбургским генерал-губернатором Обручевым² в защиту наших киргизов от набегов хивинцев и кокандцев русское укрепление, названное Раимским, которое в 1850 году переименовано в Аральское, а в 1855 году перенесено на урочище Казала, верст с пятьдесят вверх по Сыру, и названо фортом № 1. Под этим именем оно значится и поныне на всех картах, хотя в 1868 году форт этот произведен уже в город Казалинск.

От Раима вверх по Сыру было построено в то время еще несколько крепостей до кокандской крепости Ак-Мечеть, которая, как вертеп разбойников, в 1853 году была взята штурмом графом В. А. Перовским, занята русским гарнизоном и наименована фортом «Перовский», а с 1868 года — город Перовский³. Ряд этих крепостей в то время составлял Сырскую линию до учреждения Сыр-Дарьинской области, которая вместе с Семиреченской областью составляет ныне Туркестанское генерал-губернаторство.

Укрепление Раим занималось гарнизоном — пехотою, артиллериею и уральскими казаками — в числе 1500 чинов. В таком глухом, отдаленном месте, оторванном от остального мира необозримыми песчаными и безжизненными степями, нам жилось не только скучно, но даже грустно до тошноты; каждый чувствовал тоску одиночества и смертельную скуку; никакие изобретаемые развлечения не помогали. Окрестности Раима представляют унылую картину: это край тропических жаров летом и полярных морозов зимою; нет ни единого дерева, которое давало бы хотя ничтожную тень; все печально, однообразно, пустынно и наводит тоску; здесь человек

---

¹ Б а т ы р — «богатырь». — *Прим. автора.*

² В. А. Обручев (1795—1866) — командир Отдельного Оренбургского корпуса и оренбургский генерал-губернатор в 1842—1851 гг. — *Здесь и далее прим. составителя.*

³ Г о р о д П е р о в с к и й — ныне Кзыл-Орда.

перестает заботиться о себе и лишается способности мыслить.

Самое лучшее, оживляющее развлечение была охота. Зверей и птиц вдали от Раима было бесчисленное множество. Разливы Сыр-Дарьи образовали обширные, темные, непроходимые камыши, которые в некоторых местах тянулись вдоль Сыра верст на семь шириною. Плоские возвышенности поросли колючим кустарником «подожди немного». Все эти камышовые и кустарниковые заросли составляли царство фазанов, кабанов и тигров, которыми эти места были битком набиты.

Охота на Раиме составляла не только развлечение, но и полезное упражнение для гарнизона как боевой навик. Охотники составляли особую партию, которая пользовалась особым вниманием начальства и общества: им отпускался казенный порох и свинец бесплатно, их увольняли на охоту всегда, как только они к этому позывались. Охота составляла для нас истинное наслаждение. Верстах в пятнадцати — двадцати от Раима фазанов была такая гибель, что в зимние дни мы вчетвером убивали их по восьмидесяти штук.

Охотников за зверями, особенно за кабанам, у нас было немного. Иногда случалось, что за кабанам мы ездили человек по двенадцать, рыскали по семь и десять дней и убивали, считая и поросят, штук по пятьдесят в один выезд. Охота за кабанам — дивная охота, увлекательная и ни с какою другою не может быть сравнима. После охоты на диких свиней какою ничтожною и жалкою кажется охота на зайцев и птицу. Можно утвердительно сказать, что страстный охотник на зайцев и по болотам за утками, раз побывавши на охоте за кабанам, об охоте на первых не будет думать никогда. Во всю жизнь мою не находил я лучшей и более благородной потехи, чем охота за кабанам. На этой охоте в открытом поле бьешься с кабаном вчистую, так сказать на наличную монету; это своего рода турнир. Охота на лесного кабана совсем иная: там есть возможность укрыться от раздраженного зверя за пень, за дерево, убить врага из засады. Здесь, в степи, укрыться не за что, бой идет открыто и не раз случалось — врукопашную. В камыше кабан еще опаснее; он в нем делает нападение с двух-трех шагов и так стремительно, что можно не успеть принять его, и выскакивает с такой стороны, с которой

охотник совсем его не ожидает и видеть не может; здесь все выгоды на стороне кабана. Поэтому за ушедшим кабаном в камыш один охотник идти не решается, а всегда идут по два и по три вместе, самые отчаянные и закаленные в бою охотники; здесь кабан дешево не продаст свою жизнь: он непременно кого-нибудь ранит и может положить насмерть, чему примеры бывали.

Отрадно вспомнить, как, бывало, с моим добрым товарищем П. П. Осиповым, выгнав на поляну из камышей стадо голов в сорок этих диких животных, выбираем кабана — преследовать свинью или поросенка мы считали за бесчестье и оставляли ведаться с этой мелочью другим — и на своих скакунах, имея в руках по пистолету с взведенными курками, мчимся за ним, как вихрь. На полуверсте нагоняем его непременно. Тут начинается опасная борьба, требующая ловкости и хитрости, если не удастся во время погони одним выстрелом из пистолета в шею или ухо положить кабана на месте, а это удавалось нам нередко, этим мы щеголяли, это была наша гордость. Кабан скачет быстро, и из казачьих лошадей догоняла его разве сотая; наши же с товарищем лошади были далеко не казачьи. Много позже моего коня на полях охоты растерзал тигр у меня на глазах. Я не выдержал своего горя, и оно выразилось слезами: я упал на труп коня и плакал долго, как о тяжелой потере; сожаление о потере превратилось в тоску. Коня этого я любил беспредельно, я был к нему привязан, как ни к кому; помню, нередко я приходил съедать свой скромный завтрак к нему в стойло, у его головы; я приходил в его тесное стойло ночью и спал у ног его, не боясь, что его подковы могут успокоить меня навеки; помню, как, холя его по гриве, я разговаривал с ним, а он, как вкопанный, стоял, склонив ко мне красивую голову, и слушал, будто понимая меня, а может быть, и понимал. Я звал его Ксанфом, как Ахилл звал своего коня под Троей.

Мир праху твоему, мой благородный конь! Теперь у меня совсем иные страсти, совсем иные привязанности, более сильные, но это не мешает мне помнить тебя, мой умный конь, хотя двадцать пять лет прошло с тех пор, как я зарыл тебя.

Охота за кабанами так сложна, так разнообразна и так была на Раиме богата эпизодами, что стоит особого

рассказа, что я и сделаю потом. Правда, удовольствие охотиться за кабаном сопряжено с немалой опасностью: сильный и озлобленный зверь может не только лошадь, но и самого охотника изуродовать и запороть клыком насмерть; но все-таки шансы успеха на стороне последнего. Я хочу говорить об охоте, где уже удовольствие самого смелого и ловкого охотника вытесняется той страшной опасностью, с какой сопряжена охота за тигром; тут уже на место удовольствия выступает отчаянная удаля и дерзкая отвага; здесь вероятностей на успех охотнику очень мало, здесь шансы на победу почти все на стороне тигра: один момент, одно мгновение пропущено — и охотник растерзан в клочки. На подобную охоту уже никто не ездит из дилетантизма: плохое удовольствие побывать в когтях у тигра! Многие, бывало, храбрились в стенах крепости, пока не видели зверя; но как приходилось встретиться нос к носу с тигром, так тотчас и «лапка задрожит».

В Раиме, где было полторы тысячи чинов гарнизона, всего и был только один настоящий охотник, уральский казак из калмыков, дивный Мантык, чертовски сложенный физически; человек этот был одарен такой силой воли, таким хладнокровием и присутствием духа, что вызывал невольное удивление. Из двуствольного ружья, с ножом в руке он бил тигров один без всякой сторонней помощи. Жаль его — он давно спит в сырой земле, сраженный тринадцатым тигром. Решиться идти на тигра одному и одержать тринадцать таких побед — это не безделица. Единственный современный пример такой отваги — француз Жерар, истребитель африканских львов, но Жерар не столько взял с бою свою славу, сколько ему сделали ее французы, трубя во всех газетах и по всему свету о его подвигах⁴. Будем же и мы петь Мантыка, как нашего Мелеагра⁵, как нового Геракла. В моих записках имеется несколько случаев боя Мантыка с тиграми, и я расскажу о них. Лебединую же песнь, спетую им с тринадцатым тигром, я поберегу для финала.

Мантык редко бывал на месте, в укреплении, а всегда бродил по камышам, степям и охотился за кабаном и

---

⁴ С. Жерар (1817—1864) — французский офицер, охотник на львов, прославившийся своей отвагой.

⁵ Мелеагр — древнегреческий герой, убивший огромного кабана, который опустошал окрестности города Калидона.

птицей; увидеть его в казарме была редкость. Однажды он собрался вдвоем с казаком на диких свиней и на всякий случай взял принадлежности на тигра, потому что в тех местах встречи с тигром тотчас по выходе из жилья не были редкостью. Два дня ходил он без всякой добычи. Пешему кабан дается не скоро, и то случайно или подкарауливанием, а это было не в природе Мантыка: ему терпенья не дал бог; на тигра тоже не натыкался, хотя находил свежие следы лап, отпечатанные на солонцах... Чтобы отдохнуть, поесть, напиться, поразведать, Мантык зашел в кибитку одного киргиза и начал с ним разговор, как водится, с Адама. По-киргизски Мантык говорил отлично. Во время разговора вдруг они слышат отчаянный крик. Бросаются из кибитки и видят бегущего к ним с воплем киргизенка, пасшего неподалеку баранов хозяина кибитки; в киргизенке просто души нет: бледный, как покойник, все лицо обезображено ужасом, слов разобрать было нельзя; наконец кое-как поняли, что тигр напал на его стадо, схватил козленка и унес в камыш. Вбежать в кибитку, схватить ружье было для Мантыка делом одного мгновенья, и он вылетел из кибитки с быстротою ядра из пушки. По указанию киргизенка, потом по следам тигра и крови козленка Мантык с товарищем пустились бежать во весь дух в густоту камыша. Сажень чрез полтора или двести от места, где паслись бараны, в камыше была чистая поляна; на этой поляне тигр, услышав погоню по пятам, бросил добычу. Мантык, увидев козленка, останавливается, останавливает товарища и тотчас отступает назад, в камыш.

— Тигр не покинет добычи и вернется за козленком сейчас же — я это знаю, подождем, покараулим, — прошептал товарищу Мантык.

На цыпочках пробрались и скрылись они в густом камыше, саженьях в пятнадцати от козленка. Направление, по которому ушел тигр, осталось от них в левой руке. Позиция чудная! Сели рядом, осмотрели курки, пистолы, а Мантык — и нож, который имел размеры кинжала, и приготовились попотчевать тигра иным блюдом. Сидят и ждут, притаив дыхание, лишь подергиванием бровей передают один другому нужные знаки. Ничто не шелохнется, тихо, как в могильном склепе. Чрез полчаса послышался треск слева. Тигр по камышу ходит мастерски, редко хрустнет что-нибудь у него под лапой.

— Идет! — шепнул Мантык.

С этим словом показался из камыша тигр всею головою до плеч и остановился. В разливах Сыра камыш растет густой, толстый, аршин шесть вышиной и оканчивается на полянах не опушками, а в обрез, точно деревянный забор или стена; из такой стены и вышел тигр; голова его с плечами и лапами были видны в обрез. Тигр посмотрел во все стороны, на минуту остановил глаза на козленке и со всей осторожностью, медленно, но важно, со свойственной ему только одному гордой осанкой, подошел к нему, один раз рывкнул и остановился правым боком к охотникам и, таким образом, подставил верную цель. Тигр обнюхивал козленка.

Медлить более нельзя.

Мантык спустил оба курка разом.

Этим выстрелом из двух стволов отбросило тигра в противоположную сторону и свалило с ног; жеребья⁶ попали ему в переднюю лопатку и вылетели в другую. Рана неотразимо смертельная. Однако же тигр тотчас встал, страшно рывкнул и после маленькой паузы заревел, как только может реветь один тигр, взмахнул хвостом и пошел прямо по выстрелу на охотников.

— Стреляй! — шепнул Мантык товарищу.

Казак спустил курок — осечка!

Минута была страшная! Осечка ружья в пятнадцати саженьях от раненого тигра — вещь ужасная. Трудно сохранить самообладание и закаленному охотнику. У казака потемнело в глазах. Но Мантык не смутился ни на одно мгновение; его ничто не могло заставить потерять присутствие духа; он и не мигнул от осечки, он даже ее и не заметил, как сказывал потом, он весь превратился во внимание и, заметив, что тигр шел на них и шатался, разом смекнул, что тигр в предсмертных судорогах, что он идет к ним обеспамятев, бессознательно. В нападениях своих тигр проворен и быстр, как выстрел, а тут...

---

⁶ Жеребий, жеребьи — крупные рубленые куски свинца неправильной формы, применявшиеся в старину русскими охотниками для стрельбы крупных зверей на близком расстоянии. Этим же термином обозначались и другие снаряды для охоты, например, пуля, надрезанная таким образом, что при попадании в тело зверя она разрывалась на несколько частей. В Средней Азии жеребьем называли цилиндрическую пулю, отлитую по калибру ружья.

— За мной! — закричал Мантык и мгновенно кинулся к тигру, схватил его за хвост и, чтобы свалить, начал дергать его из стороны в сторону, крикнул товарища, который хотя и оторопел, но прибежал на помощь; вдвоем они свалили тигра и ножом покончили с ним.

После казак сказывал, что в тот момент, как осеклось ружье его, он начал читать себе отходную и не видел, как побежал Мантык к тигру: он был убежден, что тигр растерзает их в куски, и опомнился уже тогда, когда услышал крик Мантыка, звавшего его на помощь.

Оказалось, что это была тигрица; по соскам заметили, что у нее есть дети, и киргизы сказывали, что они видели на днях маленьких тигрят. Однако же двухнедельные поиски не привели ни к чему: тигрят не нашли нигде.

Другой подвиг Мантыка был еще опаснее и еще резче выказывает присутствие духа этого замечательного охотника. Мантык от кого-то получил весть, что в окрестностях урочища Арык-Балык⁷ появился тигр и наводит ужас на кочующих там киргизов: он поедал не только киргизский скот, но не давал спуску и самим киргизам. В один какой-то черный день этот тигр подкрался к киргизу, воровавшему рыбу из чужой расставленной в Сыр-Дарье сети. Киргиз был так занят выпутыванием рыбы из сети, которую он вытащил для этого на берег, что и не заметил, как подкрался к нему тигр, который взял его под плечи обеими лапами и поволок на расправу в камыши. Таким образом, хищник хищнику достался на обед. На другой день от бедного киргиза нашли только одни кости. Немного дней спустя после этой оказии два киргиза ехали верхом на одной лошади по тропинке в густом камыше. С быстротой молнии выпрыгивает из густоты камыша тигр, схватывает заднего киргиза с лошади, а оставшийся на ней, передний, дал стрелка — и был таков, благословляя Аллаха, что тигр схватил не его. Киргизы переполошились; они боялись выйти на два шага из своих кибиток в одиночку: окрестность тигр держал в блокаде.

Слух о проказах этого тигра имел на Мантыка действие, равносильное действию искры на порох: он спрыгнул с места, выслушав этот рассказ, как будто под ним

---

⁷ Арык — «канава»; балык — «рыба». — Прим. автора.

загорелась земля, и подговорил какого-то казака помочь ему в отыскивании тигра. Минут через десять в казармах их уже не было. В первый день они не нашли тигра, даже не видали свежих следов его; на другой день они напали на следы хищника и по направлению их пошли ускоренным шагом. Камыш становился все гуще и гуще, так что охотникам трудно было проходить и различать на снегу отпечатки лап. И удивительно! В такой густоте камыша, где человек с усилием пролезает и едва может пройти несколько сажен без отдыха, тигр уходит от вас в пяти или шести саженях впереди, и ни одна камышинка не поломаётся, и ничто не хрустнет под его ногой. Прислушивание в подобных случаях решительно бесполезно: тигр пройдет около вас — и вы не услышите; лишь только глаза, и то с трудом от темноты камыша, видят отпечатки лап на снегу; к тому же от густоты камыша след уже сам по себе неясен.

Наконец охотникам стали попадаться все признаки недавнего присутствия тигра; следы показывали, что он только что прошел здесь. Вот следы начали кружить: это значит, что тигр сметил охотников, это его обычный маневр к нападению — тигр имеет обыкновение, когда его преследуют, выходить на следы преследователей, идти сзади них и нападать с тыла. Для нападения на кабанов к своему обеду он прибегает к иной тактике. А очень интересно видеть, как ловит он этих животных. Мне удалось быть скрытым свидетелем боя тигра с кабаном на чистом месте, но рассказ об этом будет еще впереди. Заметив, что след тигра вышел на их собственный след, который даже потоптан тигром, Мантык остановился и обернулся налево кругом — в ту сторону лицом, откуда шел.

— Видишь? — шепнул Мантык товарищу, показывая на следы тигра, отпечатанные поверх их следов. — Тигр хитрый, надо его перехитрить. Ты ступай дальше, вперед, по следам, а я присяду и подожду тигра; при первом моем выстреле беги ко мне.

Мантык не ошибся. Едва казак отошел от него сажен на двадцать, как явился тигр со всей бдительной осторожностью, остановился и поднял голову, увидав Мантыка. Хвост замотался из стороны в сторону, глаза готовы выскочить из орбит. В такой позе он был бы необыкновенно красив, если бы не был так величественно стра-

шен. Через минуту он прилег к земле, как кошка, и принял ту позу, с которой обыкновенно делает решительный скачок на свою жертву. В этой позе он может поколебать недостаточно решительного охотника; надо иметь необыкновенную силу воли, чтобы не дрогнуть. Бойцов на смерть разделяли четыре аршина. Тигр сделал движение... В этот роковой миг Мантык спустил оба курка разом. Тигр упал кувырком, головою под себя, не рывкнув. Алая кровь полилась по снегу. Когда прибежал казак, товарищ Мантыка, все было кончено: тигр был распорог бездыханный. Две пули прошибли тигру лоб, одна от другой в том самом расстоянии, на котором лежали в камерах. У Мантыка рука не дрогнула!

Я был далеко от Сыр-Дарьи, на другом конце нашей обширной России, когда получил из Раима от одного из моих друзей письмо, в котором писали, что один киргиз принес в укрепление небольшого тигренка, живого, которого посадили в клетку; мать его убил Мантык с помощью этого киргиза; потом вскоре убил в товариществе со многими охотниками и отца. Но, писали, последний недешево уступил свою шкуру: он изранил семь человек — самого Мантыка, одного казака, одного солдата и четырех киргизов, солдата и казака смертельно, они умерли на четвертый день.

II. ТАЛЬБУГУТ

На бывшей Сырской чинии, вошедшей в настоящее время в Сыр-Дарьинскую область Туркестанского края, в 1848 году был построен на берегу Сыр-Дарьи форт Тальбугут для охранения в этом месте переправы караванов из Средней Азии

в Россию. Гарнизон форта состоял из пятидесяти уральских казаков, двух урядников и одного офицера, начальника форта. Строений никаких не было: люди помеща-

лись зимой и летом в кибитках и домашнюю жизнь вели решительно по-киргизски, то есть посреди кибитки стоял таган, на тагане котел, в котором варилась пища, очень разнообразная и изобильная.

Сыр-Дарья здесь кишмя кишит рыбою, и поэтому в ней недостатка никогда не было. Главнейшая рыба была сазан, лещи, сомы и осетры. Киргиз из проруби саком при разведенном камышом огоньке, около которого он и греется и оттаивает сак, ловит от 400 до 600 штук лещей в одну ночь. В котле рыба чередовалась дичью из кабанов и фазанов. От изобильной свежей пищи и здорового климата люди в форте всегда были полны и здоровы.

Единственным развлечением была охота за фазанами, кабанам и тиграми, особенно последняя. Один только сбор на предстоящую охоту был в гарнизоне настоящим праздником.

Зимой в кибитках казаки отогревались разложенным посредине огнем, а у есаула, у которого помещался и я, посреди кибитки стояла чугунная печка, в которой весь день поддерживался огонь; поэтому в кибитке было тепло, так что мы проводили день в одних рубахах, когда снаружи температура была до двадцати пяти градусов, а иногда и до тридцати градусов мороза; по ночам же, в которые воздух в кибитке остывал всегда до уровня наружной температуры, мы укрывались тулупами и спать было тепло и здорово; но зато по утрам или по какой-нибудь надобности ночью не совсем-то было приятно вылезать из-под теплых одеял. Случай, о котором я хочу говорить, был зимою, снег был неглубокий и выпал дня за два. Обстоятельство это важно в последующем рассказе.

В одну из особенно морозных ночей с вечера показался туман и ночью настолько сгустился, что в пяти или шести шагах различать предметы было довольно трудно. Мы улеглись спать. Я уже порядочно выспался и спросонок слышу, что наши лошади в стойлах, сделанных из камыша, около самых кибиток, стоят тревожно и фырчат — как они обыкновенно делают, когда видят или чувствуют опасность, — что прежде с ними не было. Меня взяло сомнение. Вдруг слышу, что часовой прокричал три раза: «Кто идет!» — и потом: «Убью, кто идет!». Я приподнял голову, чтобы явственнее слушать, и стал вслу-

шиваться. Часовой с кем-то вполголоса переговаривался, у нашей кибитки кто-то приподнял дверь и стал держать меня за ногу: «Сударь, сударь, встаньте, в форте тигр».

Если бы семьдесят труб апокалипсиса⁸ разом грянули в ту минуту, они не произвели бы на меня того впечатления, какое произвела фраза: «...в форте тигр». Я спрыгнул с постели, как бы под действием гальванического тока. Надеть калоши, накинуть на плечи тулуп и выскочить из кибитки было делом одного мгновенья. Смотрю — туман гуще, чем с вечера; через него едва заметно светит луна; слышу — за задним фасом, на берегу Сыра, тревожный говор казаков; я к ним.

— Где же тигр?

— Вот здесь прошел впереди меня по льду Сыра, шагах в шести или семи, — ответил мне часовой.

— Да как ты узнал, что это тигр?

— Я полагал сперва, что это человек, и хотел было совсем стрелять, но он на оклик мой и на приближение к нему рывкнул, я и догадался, что это за вещь.

— Ну, теперь мы ничего не поделаем; чтобы поймать птичку, не нужно пугать ее. Утро вечера мудренее. Идем, друзья, спать, а ты, часовой, держи ухо востро, а то как раз достанешься тигру на завтрак.

Вошел в кибитку, укутался в тулуп, но под впечатлением случившегося никак не мог заснуть. Зажег спичку, посмотрел на часы — ровно два, а это было в последних числах января, и рассветало в семь часов. Слышу в казачьих кибитках оживленный говор и трескотню огонька. Я встал и пошел к казакам, мимоходом взглянул на термометр: ртуть стояла ровно на двадцати трех градусах ниже нуля. В кибитке все сидят вокруг пылающего огня, подкладывают камыш и ведут речь о посещении тигра.

— Просто срам, сударь, — заговорил один, увидев меня, — тигры на форту у нас шляются, скоро станут таскать нас из кибиток, как овец из овчарни.

— Да, действительно, одолжил, каналья; эта дерзость не должна быть ему прощена. Поутру нужно будет нагрянуть к нему в гости по неостывшим следам.

---

⁸ «Апокалипсис» (или «Откровение Иоанна») — последнее из включенных в Библию сочинений, излагающее в виде фантастических видений якобы данные богом откровения о судьбах человечества.

— Завтра же с него шкуру долой! — отчеканил один из сидевших.

— «Не хвались идучи на рать, а хвались идучи с рати» — говорит мудрая пословица, — выпалил другой.

Пока шел подобного рода разговор, показалась заря. Я пошел будить есаула.

— Вставайте, П. И-ч, рассвело; я вам скажу важную новость.

— Уж не кокандцы ли? — пробормотал есаул, поднимая голову.

— Нет, почище кокандцев: изволил посетить нас тигр; должно полагать, высматривал лошадок наших.

— Ну?

— Пока ничего больше; перемолвился с часовым, который едва не послал ему пулю и хорошо сделал, что воздержался. Вставайте и пойдёмте осмотрим след.

— Идем; только прикажите, чтобы приготовили чаю.

Мы вышли. На дворе было полное утро, солнце подходило к небосклону, а туман поднимался массой и образовывал облака. Пошли прямо на след. Оказалось, что тигр вышел из камыша по замерзшим болотам на первый фас, постоял немного времени около контрэскарпа, перепрыгнул ров на берму⁹, отсюда вскочил на вал, около которого стояли в сделанных из камыша стойлах лошади, тут немного посидел на корточках и, убедившись, что до лошадей ему не добраться, тем же следом перепрыгнул ров обратно. Почувяв близко страшного зверя, лошади зашевелились, зафыркали и тем возбудили внимание часового. Это самое фыркание слышал и я спресонок.

— Извольте видеть, он к лошадям подходцы делал, — сказал есаул. — Недурно!

Далее тигр пошел вдоль фаса к Сыр-Дарье, где спустился на лед саженьях в десяти от часового, и вдоль реки прошел мимо последнего саженьях в пяти, когда и окликнул его часовой; от этого оклика тигр пошел прочь, на средину реки, откуда правым плечом повернул кругом и параллельно переднему пути ушел восвояси, в камыш.

---

⁹ Ф а с — прямолинейный участок крепостной ограды; э с к а р п — внутренняя (прилегающая к стене или валу) отлогость наружного рва укрепления; к о н т р э с к а р п — передняя, ближайшая к противнику отлогость рва; б е р м а — уступ у верхнего края окопа.

Далее следить невооруженным было бы без толку. Мы вернулись в форт.

— Не идти за этим тигром было бы непростительной ошибкой; надо отправиться на поиски сейчас же. Вахмистр, прикажи-ка охотникам собраться на охоту, предварительно позавтракав поплотнее, и пойдём платить тигру за визит.

Отдав такое приказание, есаул вошел в кибитку, и мы принялись за чай. В сборах на охоту прошел добрый час. Мы выступили в числе четырнадцати человек. Есаул скучил около себя охотников и сказал им наставление:

— Не забывайте, молодцы, что успех такой охоты зависит от исполнения следующих условий: идти тише тени; в случае нападения самого тигра на охотников ближайший товарищ должен стрелять в упор; в камыше не расходиться поодиночке, а непременно вдвоем. Ну, теперь с богом, вперед.

Мы пошли по следам. У Мантыка ушки на макушке! У него так сверкали глаза, что он, казалось, никого не видел; он пошел передовым, остальные за ним, один за другим.

Местность, по которой нам предстояло отыскивать тигра, каждый из нас знал в мельчайших подробностях. В пояснение рассказа оговорка эта необходима. Сначала след тигра вел нас по небольшому камышу, но чем дальше, тем камыш становился выше и гуще и, наконец, до того стал густ, что передовому охотнику идти без усталости двадцать или тридцать сажен не было возможности; мы стали меняться, не останавливая движения вперед, так что передовой свернет в сторону и примыкает сзади, следующий за ним идет впереди далее. Следы тигра едва можно было разбирать. Тигр шел камышом не по прямой линии, а постепенно сворачивал в стороны, как бы блуждал.

Мы почти все утомились, как вдруг передовой закричал: «Здесь!» — и шарахнулся назад, свалив с ног шедшего за ним, а этот — следующего, так как шли рядами плотно. Мы, задние, разумеется, бросились вперед. Была небольшая прогалина, поросшая кугой¹⁰.

— Где тигр? — спросили чуть не все в один голос.

---

¹⁰ К у г а — здесь: болотная растительность. Нередко обозначает отдельный массив тростников.

— Я видел, как он встал из куги и ушел вот в эту сторону, — ответил испуганный передовой.

Оказалось, что тут было его логовище. Я приложил к постели руку: она была теплая, тигр встал сию минуту.

— За мной, — сказал Мантык, — не надо давать ему опомниться, а держать его в страхе и напасть стремительно.

Указания такого веского авторитета, каким был для нас Мантык в деле охоты, всегда производят магическое действие. Все быстро тронулись с места и пошли по пятам тигра. Пройдя этак сажень около ста, мы услышали писк какого-то животного и ворчанье тигра. На этот раз — по очереди — я был передовым. Собрав сколько оставалось во мне в наличности сил, я стремительно бросился вперед и через десять или пятнадцать шагов на небольшом просвете увидел трепещущую выдру, из шеи которой каплями точилась горячая кровь. Удирая от нас, тигр мимоходом, одним махом лапы, задавил на завтрак подвернувшуюся выдру, но мы помешали ему. Я поднял выдру; серебристый отлив ее шерсти показал нам всю ценность ее шкуры. Впоследствии мы продали ее за пятьдесят рублей. Выдра показала нам, что тигр голоден, следовательно особенно опасен для охотника. Нужно было не дремать. Очень голодный тигр бросается на человека с страшным остервенением, и кровожадности его тогда нет меры; смятого под себя охотника он терзает с ожесточением. Я сообщил это охотникам.

Рассматривая выдру, мы вместе с тем немного отдохнули и сообразили, что из преследования тигра по пятам путного ничего не выйдет. Мы знали, что по направлению, куда ушел тигр, камыш прерывался узкой полосой чистого места и сажень через десять начинался снова; промежуток этот порос небольшой кугой, кустами — отличное место для засады. Мы решили разделиться на две партии, и одну послать на это место, и, таким образом, отрезать тигру путь отступления и принудить его принять бой, если не удастся из-за куста положить его наповал. Влево от нас было открытое чистое поле; направо тянулась Сыр-Дарья. Следовательно, тигру другого выбора не было, как идти чрез этот перешеек. Есаул обратился ко мне:

— Возьми ты с собою вот этих семь человек, беги на то место, чтобы предупредить тигра, и займи подходя-

щие пункты, а я с остальными охотниками пойду по пятам; но только смотрите, молодцы, не зевайте.

Думать больше было нечего. Мы вышли на степь и беглым шагом, что только было силы, побежали к назначенному месту; добежав до него, повернули направо, к Сыру, идя медленным шагом, осмотрели снег до берега и убедились, что тигра мы опередили. Обернувшись лицом в ту сторону, откуда шли, мы заняли пункты по двое рядом, так, чтобы быть скрытыми от тигра, и стали ждать. Я повесил кинжал на руку, на привязанный к рукоятке темляк, осмотрел курок карабина и встал на одно колено. Минут через десять послышался треск по камышу с той стороны, в которой мы оставили есаула. При треске этом забилося не одно сердце. Пустить пулю в преследуемого тигра — это не то, что пустить заряд по зайцу. Трескотня идет все ближе, ближе — и вот наконец выходит есаул с охотниками и при виде нас закричал:

— Где же тигр?

— Он здесь не проходил, — отвечаю я.

— Быть не может, — возразил есаул и вместе с этим бросился к месту, на котором оставил следы.

Оказалось, что тигр, уходя от преследования охотников, наткнулся на одного из наших, караулившего под кустом, которого он заметил прежде, чем тот его, отретировался на десять шагов и обошел нашу цепь к степной стороне так мастерски, что фланговая пара казаков его не заметила.

В одну секунду пролетело соображение, что тигр впереди нас только на десять минут, что должны мы еще раз предупредить его, — и мигом с моими охотниками я пустился бегом опять в обход, оставив есаула преследовать тигра. Так как путь нашего обхода шел по чистому месту параллельно камышу, которым шел тигр, то мы бежали кучкой. Рассчитывая, что мы уже опередили его, повернули вправо, в более чистое место, на котором было больше куги, чем камышу, — и только было начали делиться попарно, как вдруг один из передовых казаков закричал: «Вот он!». Я взглянул по тому направлению, куда смотрел закричавший, и увидел в сажнях четырех от себя тигра, стоявшего к нам левым боком, с повернутой в нашу сторону и поднятой вверх головой, похлестывавшего себя хвостом по ребрам. Я не успел еще доста-

точно налюбоваться им, как крикнувший казак бросился к нему, чтобы выстрелить в упор. Но тигр сделал то же, и в тот момент, когда последний приподнялся на задних лапах, чтобы перепрыгнуть куст для нападения, казак выстрелил почти в упор: пуля вошла тигру в грудь навывлет в спину. Однако он моментально смял казака под себя — и пошла зубная расправа. Рев тигра и отчаянный крик казака были ужасны. Окрестность, спокойно дремавшая доселе в ненарушимой тишине, может быть от века, вдруг была потрясена страшным шумом боя. Кто-либо в стороне, внезапно услыхавши этот крик, не мог не заключить, что тут идет спор о жизни и смерти. Казак, ближе всех стоявший к этой свалке, дал стрелка, но отчаянный крик охотника, терзаемого тигром, и наше приближение заставили его вернуться; он сделал выстрел, но не в упор, как бы это следовало истинному охотнику, а издалека, как негодный трус, и, разумеется, дал маху. Бросается Мантык и, приложив дуло своей двустволки к передней лопатке тигра, спустил курки; в один момент с этим выстрелом мой кинжал вошел в грудь между ребрами по самую рукоятку. Как теперь смотрю на эту картину: у тигра как бы подкосились ноги, он опустился и придавил всей массой своего тела лежащего под ним казака, глухо застонал, медленно стал сваливаться и, наконец, упал правым боком на землю; только бессознательные вздрагивания мышц были последним признаком последних минут его жизни. Это произошло так быстро, что, когда вышли из камыша преследовавшие охотники, все было уже кончено.

Мы тотчас высвободили из-под тигра истерзанного казака; он был весь в крови, жалобно стонал и поминутно говорил: «Не шевелите руку». Оказалось, что кость левой руки повыше локтя была зубами зверя расколота в куски; около кисти на теле кровавые раны от зубов, на правом боку четыре раны от четырех когтей лапы. Изуродованный и сильно потрясенный нравственно, казак идти не мог. Нужно было подумать о доставлении его в форт. Казаки сняли с себя ременные пояса, опутали ими два ружья и таким образом устроили носилки, на которые уложили страдальца и донесли до форта, откуда в телеге отправили в военный госпиталь, в укрепление Раим, где руку ему отрезали, раны вылечили, потом дали чистую, и казак без руки жив и здоров поныне.

Когда подносили к форту израненного казака, оставшиеся в нем высыпали из кибиток встретить пришедших.

— Кого это так несут?

— Потапычева, — был ответ.

— Вот видишь — говорил я тебе: не хвались идучи...

— Да, правда, товарищ, — простонал раненый казак, — меня выдал Лагашкин: я бросился на тигра с надеждою, что он поддержит меня, а он, как баба, изменил мне.

Охота кончилась, и охотники вернулись в форт в три часа пополудни. За тигром послали телегу, на которой поздно ночью и доставили его в форт, а поутру следующего дня увезли в укрепление Раим. Это был самец длиною от ушей до хвоста в два с половиной аршина, вышиною в один аршин семь вершков.

Из этой охоты всего живее остался у меня в памяти факт, относящийся не столько к области физиологии, сколько психологии. Нам вздумалось попробовать, вкусно ли мясо тигра. В Раиме служил мой приятель, у него был хороший повар, и мы попросили его сделать нам из задней части тигра котлеты. За стаканом хорошего вина тигровое мясо показалось нам не только сносным, но далеко лучше говяжьего; может быть, это казалось только на первый раз, как разнообразие — не знаю, потому что пробу повторить не удалось. Но все-таки котлеты мы ели с удовольствием. Вдруг нелегкая несет в нашу компанию казачьего офицера А. М. Бородина, заклятого старовера екатерининских времен и по счастливым обстоятельствам забытого смертью.

— А ну-ка, старина, пройдишь-ка по водочке, сглотни котлетку и скажи, хороши ли?

Бородин выпил водки и съел, по-видимому с удовольствием целую котлету.

— Ну что, каковы? — спрашиваю его.

— Великолепные котлеты, — отвечал Бородин.

— Угадай, старина, из какого они мяса?

— Что тут гадать, конечно, из говяжьего.

— Вот и не угадал, это от тигра, что вчера убили.

— Неужели? — с ужасом спросил Бородин. На лице его выразилось страшное омерзение, как будто он проглотил тарантула.

Ему поклялись.

Он кинулся к двери, на двор, и там мгновенно произошла с ним рвота, и настолько сильная, что по выходе котлет его тянуло желчью. Мы удивлялись силе предубеждения, всосанного человеком с молоком матери. Не скажи мы правды, рвоты, конечно бы, не было. Бородин после этого никогда не приходил ко мне и, встречаясь, не кланялся.

III. КАБАНЫ

Еще не успели улечься впечатления минувшей охоты на тигра, как охотники в форте стали проситься ехать на диких свиней. Выпал свежий снег; термометр показывал пять градусов ниже нуля, одним словом время самое благоприятное для охоты.

Осмотрев свои охотничьи принадлежности, я лег спать. Задолго до рассвета меня разбудил Мантык.

— Вставайте, сударь, скоро рассвет, у нас похлебка готова, а для вас поставлен самовар: пора ехать.

Русский Ахилл горел нетерпением.

— Встаю. Позаботься, Мантык, чтобы взяли с собой одну или две рогатины, — проговорил я ему вслед.

Рогатиной мы называли кол с широким острым железным наконечником вроде копья, на который мы принимали в особых случаях набегающего кабана.

Пока завтракали охотники, пили чай, седлали лошадей, — показалась заря. Я отдал приказание выезжать. Охотники, в числе десяти человек, выстроились вне форта, перед воротами. Вышел есаул, прочитал нам приличное наставление, дал восемь дней сроку, и мы поехали.

Солнце только что начинало показываться на небосклоне, когда мы переехали Сыр-Дарью и направились далее гуськом, то есть один за другим. В тех странах

жилажных дорог нет, а есть только тропы, пробитые конными и пешими по всей безбрежной степи. Киргизы иначе и не ездят. Летом можно ехать рядом или кучей, без дороги, а зимою, при глубоком снеге, это немыслимо и по необходимости приходится держаться тропинки и плестись один за другим, как гуси. Кто у кого выучился так ходить — киргизы ли у гусей или гуси у киргизов — решить трудно. Такая езда не позволяет вести разговор, а потому невыносимо скучна и утомительна.

Таким образом проехали мы по направлению к Кунан-Дарье верст с двадцать, пока не добрались до восточной оконечности большого совсем круглого озера Камбакты. Озеро это очень рыбно, и рыболовство на нем производится киргизами круглый год; оно кругом поросло неширокой полосой камыша с опушкой из куги. Дикие свиньи обыкновенно кишмя кишат в подобных местностях. Коренья камыша и куги, называемые киргизами чакын, составляют любимую пищу свиней; солонцеватый ил в камышах зимою не мерзнет, и свиньям удобно рылом вырывать их. Но самая главная причина предпочтения, отдаваемого свиньями таким небольшим камышам, заключается в том, что свиньи находятся здесь в полной безопасности от тигра: последнему негде сделать засаду, и свинья всегда может увидеть его вовремя. Поэтому в подобные камыши тигр никогда и не показывается.

Мантык свистком подал сигнал рассыпаться по опушке и осмотреть, нет ли свиней. Во многих местах оказались свежее рытье и следы.

Подъехав к более удобному месту, мы сняли с себя теплую одежду, сбросили все, что было привязано в тороках¹¹, и сложили в кучу, даже не прикрыв ее чем-либо: кочующие здесь киргизы оставленное другими считают священным. Неиспорченные цивилизацией народы не знают пороков цивилизованного человека. Осмотрев оружие, мы сели на коней и тотчас условились, как начинать охоту. Четыре охотника были посланы вперед занять место, где камыш суживался или вовсе прерывался, причем им было приказано соблюдать мертвую тишину, так чтобы гонные свиньи не могли и

---

¹¹ Торока́ — узкие сыромятные ремни, перегнутые вдвое и прикрепленные к седлу.

заподозрить их. Поджидать свиней предоставлялось или пешими, или на лошадях, как найдут удобным. Остальные охотники вытянулись в линию поперек камыша во всю его ширину, от льда озера до открытой степи, по возможности таким образом, чтобы один охотник видел другого; в противном случае приказано было перекликаться.

К первой партии охотников принадлежали я и Мантык, и мы заняли с ним места верхами на лошадях не вдалеке один от другого. Стоим и ждем. Минут через пятнадцать до слуха нашего стала доноситься перекличка загонщиков. Вижу: охотник с правой стороны вскинул ружье к щеке и прицелился, потом снова опустил ружье; не успел я еще сообразить, что бы это такое значило, как почти над самым ухом моим раздался легкий треск камыша и знакомое фыркание! Только я приложился, как фланговый охотник неистово закричал: «Здесь, в степь, в степь!» — и стремглав бросился из камышей. Дело было понятное: свиньи, слыша погоню с одной стороны, пошли в сторону нашей засады, не заметили нас прежде, чем мы их, и кинулись через степь в другие камыши. Выскакав из камыша, я увидел в степи стаю свиней, штук двадцать пять или тридцать, направлявшихся к видневшимся верстам в семи непролазным камышам. Следовало во что бы то ни стало не допустить свиней до этого камыша. Я дал поводья Ксанфу, и минуты через две он врезался в самую середину стада; подскакивая, я успел заметить двух кабанов и четырех или пять свиней; остальные были поросята. Я надел на кабана и погнался за ним. Вижу: кабан огромный и мне одному одолеть его будет нелегко и небезопасно. Я оглянулся и стал звать Мантыка и товарища, П. Осипова. Но меня никто не слушал: каждый гнался за избранной жертвой. Вскинув за спину ружье, я вынул пистолет и стал кружить зверя, чтобы он скорее утомился. Вскоре он перестал скакать и побежал рысью. Подскакиваю к нему почти в упор, стреляю ему в ухо; кабан падает на передние колена; привычная к охоте лошадь останавливается с ним рядом. Соседство опасное — и я поспешил отдалиться. Вижу скачущего ко мне П. Осипова. Я поднял фуражку и закричал:

— Родной, скорее, скорее!

Тем временем кабан дал тягу. Я быстро опередил

его и преградил дорогу. Сильно уставший и оглушенный выстрелом, кабан, видимо, не имел сил броситься на меня; он остановился и сел на задние ноги, стоя на передних, мордой ко мне. Подскакал Осипов; мы встали так, что кабан был между нами.

— Нужно слезть с лошадей и вступить в рукопашную,— сказал я прискакавшему товарищу.

— Слезай! — был ответ.

Мы слезли и бросили лошадей непривязанными. Горько мы потом раскаивались в этом.

— Положим его пулями,— сказал Осипов.

Мы дали по выстрелу, и кабан упал на брюхо, плашмя, подогнув морду. Мы кинулись к нему и за щетины повалили на бок. Зверь пробовал было согнуться, но мой кинжал по рукоятку вошел к нему в ребра, около передней лопатки. Кабан вздрогнул, протянул ноги, с минуту еще мышцы его судорожно подергались и — все кончилось. Пули из ружья расшибли обе передние лопатки; мой первый выстрел из пистолета пробил кабану ушную кость, пуля прошла сквозь язык и вышла в нижнюю челюсть.

Пока происходила возня с кабаном, лошади наши дали стрелка; мы увидели их уже за версту скачущими во весь дух к киргизскому аулу. Нужно было бежать и поймать беглянок во что бы то ни стало, а это не так легко: им могло вздуматься улизнуть восвояси, в форт, и тогда — прощай охота! Осипов, как лучше меня владеющий киргизским языком, побежал за лошадьми, а я остался у кабана. Сев верхом на него, я закурил сигару, отдохнул, потом зарядил ружье жеребьем и пистолет пулей. Часа через полтора явился Осипов с лошадьми. Оказалось, что он нанял конного киргиза, который и поймал их около табуна, к которому они пристали; но так как заплатить за труды было нечем, то ему пришлось отдать киргизу рубашку.

Стали рассуждать, что нам делать с кабаном и где могли быть наши охотники, которых нигде не было видно. Взлезши на лошадей, мы встали на седлах на ноги: необозримая степь, покрытая белым саваном, сливалась с горизонтом, и на ней не было видно ни души. Мы уже решили снять с узд чумбуры¹², привязать одним

---

¹² Ч у м б у р — повод к недоуздку или узде.

концом за морду кабана, а другим — за хвост лошади и таким образом увезти его в лагерь, как вдруг увидели вдали всадника, ехавшего к нам трусцой — обыкновенным киргизским аллюром. Всматриваемся, видим — Мантык.

— Ну что, как дела? — спросили мы, когда он подъехал к нам.

Мантык разразился бранью и поведал нам, что только он один убил свинью, гнался за кабаном, но не догнал, из прочих же охотников никто ничего не убил.

— Я послал их к чертям и поехал отыскивать вас, — отчеканил Мантык. — Никто ничего не убил, бабы они, — продолжал он ворчать.

Привязав к хвосту лошади чумбуром кабана за морду, мы поехали в лагерь, где нашли всех охотников. Нарубили камышу развели огонь, стали палить кабана и сварили чаю. Может быть, подумают, что мы поставили самовар или, по меньшей мере, вскипятили воду в дорожном медном чайнике. Нет, мы обходились гораздо проще: вскипятим воду в простом чугунном котле, в котором готовим обед, положим чаю и пьем с хлебом без сахара из тех же деревянных чашек, из которых едим.

Ярко пылал большой костер; мы сидели вокруг огня, вели разговор о завтрашней охоте, а кабана со свиньей переворачивали на огне с одного бока на другой. Вскоре подъехал к нам киргиз, слез с лошади и, положив обе руки на грудь, низко поклонился, произнося: «Ассаляу маликым!». Мы ответили: «Маликым ссалям!». Пригласили его сесть в наш круг и предложили чаю с хлебом. Но седой старик, как правоверный мусульманин, увидев нечистое животное, отказался от всего. Мы спросили о его здоровье, о здоровье его скота и сами получили от него те же вопросы. Без этой церемонии здешний номад никакого разговора начинать не станет: это необходимая прелюдия всякой беседы с киргизом, но спросить о здоровье жены считается у них верхом неприличия.

После небольшой паузы киргиз стал рассказывать, что к его кибиткам повадился ходить большой кабан, вырывает и пожирает заготовленный ими на зиму запас зернового хлеба, на днях ранил подвернувшуюся корову, а небольшому бычку распорол брюхо, что кабан этот сделался страшен его семейству, его жена и дочери

боятся ходить за камышом на топливо и что у них нет средств его отвадить; неподалеку от кибитки кабан устроил гайно¹³, на котором его сегодня видела старшая его дочь. Мантык зашевелился, выслушав рассказ, и был готов схватить ружье и бежать с киргизом; но я остановил его и, напомним, что всего только одиннадцать часов, посоветовал отправиться за кабаном всем вместе после уборки свиней, палившихся на огне. Через час все мы ехали за киргизом и версты через две подъехали к его трем кибиткам, из которых высыпало к нам все его семейство. Все в один голос рассыпались в жалобах на кабана. Потому ли, что я был одет немного лучше других, или моя лошадь была красивее лошадей остальных товарищей по охоте, ко мне подошла девушка и, показывая пальцем в камыш, проговорила очень скоро и звонко, как серебряный колокольчик:

— Я сегодня видела его лежащим в своей постели, пойдем, таксыр¹⁴, я покажу тебе.

— А почему ты знаешь, что я тюря¹⁵?

Она быстро обвела меня и мою лошадь глазами и еще быстрее отрезала:

— Я не ребенок!

— Ну, пойдем, покажи кабана, моя красавица.

— А вот постойте, я только возьму лук и стрелу,— сказала она и шмыгнула в кибитку, из которой также проворно выскочила с очень хорошим луком с костяной оправой и одной стрелой, хорошо оперенной, с костяными ушами и железным наконечником.

— Что же ты взяла одну стрелу? — спросил я.— Возьми штуки две или три.

— У нас всего и есть только одна стрела; будь у меня их несколько, я не только прогнала бы кабана, но и убила бы его.

Пройдя с полверсты, девушка остановила нас.

— Вот здесь, в камыше, шагов десять до его постели, я сейчас его выгоню,— сказала она.

— Нет, нет, погоди, нам надо еще сговориться!

Чтобы кабан от нас не утек, мы распорядились следующим образом: два охотника отправились через камыш

---

¹³ Г а й н о — гнездо зверя.

¹⁴ Т а к с ы р — «господин». — *Прим. автора.*

¹⁵ Т ю р я, т ю р а — «начальник». — *Прим. автора.*

и встали на льду озера, против того места, где мы остановились с девушкой; вправо и влево, в самом камыше, встали тоже по два охотника, так что кабан, если бы вздумал дать тягу, должен был непременно наткнуться на кого-либо из нас. Когда по соображению охотники заняли назначенные им места, мы вчетвером тронулись за девушкой. Через минуту она подняла руку, чтобы мы остановились, и медленными шагами, пристально всматриваясь вперед, вошла в камыш. Мы с взведенными курками не спускали с нее глаз. Вот новая Аталанта¹⁶ подняла лук, натянула тетиву — стрела загудела. Раненый стрелою кабан с быстротою молнии вскочил с гайна и полетел в сторону озера.

— Берегись! Кабан раненый! — закричал Мантык.

Мы что есть духу кинулись за ним. В этот момент раздался выстрел одного из охотников, стоявших на льду; пуля рикошетировала около ног моей лошади. Кабан выбежал на озеро, но, встретив эту неожиданность, на мгновение остановился, поднял рыло кверху, как бы недоумевая, что бы это значило, и быстро бросился вдоль камыша. Один охотник из нашей группы неосторожно налетел на него; кабан бросился к лошади и одним взмахом клыков разрезал повыше колена задней ноги все жилы до кости. Нога повисла, как плеть; сгоряча лошадь брыкнула задом довольно сильно, и седок полетел с нее вверх ногами. Кабан поскакал далее и наткнулся на поставленных там охотников; с их стороны тоже раздавался выстрел. Все мы, скучившись, в беспорядке бросились за кабаном; поднимается суматоха, охотники начинают горячиться и делают ряд промахов. Порядок исчез, но все, однако, держались от кабана на приличной дистанции. Видя себя окруженным со всех сторон и получив несколько пуль, раненый зверь «сел в осаду».

Осадой у охотников называется то положение кабана, когда он, видя себя окруженным и не надеясь прорваться, садится на задние ноги и выжидает удобный момент, чтобы броситься на кого-нибудь. В таком положении кабан очень опасен; нападения его в это время стремительны и ужасны. Тигр придерживается той же тактики, но только он не садится, а ложится на брюхо, как кошка.

---

¹⁶ А т а л а н т а — в мифологии легендарная женщина-охотник

Не успели мы сговориться, как, видим, нелегкая несет одного охотника, Бухаича, пешим, с ружьем в руках прямо на кабана; я хотел остановить безрассудного, но кабан с быстротою молнии бросился на него, сбил с ног и придавил передними ногами. Видя неминуемую гибель Бухаича, я в один миг подскакал к ним и остановился так близко к кабану, что мог достать рукой его щетину. Кабан, видя меня около себя, уже не мог рвать смятого им охотника. В кабане торчала стрела, пущенная девушкой.

— Лежи смирно, Бухаич, не шевелись и не дыши!

Моментально закинул я ружье за плечи, выхватил из кобуры пистолет и спустил курок.

Кабан соскочил с охотника и зубами схватил меня за голенище вместе с путилищем — ремнем, на котором висит стремя. Бухаич вскочил и дал стрелка; я выхватил кинжал, чтобы нанести удар кабану в шею, но меня предупредил Мантык: он подбежал с рогатиной, которую и вонзил кабану в ребра по самую трубку; кабан захрюкал, но, сорвавшись, быстро кинулся на Мантыка, вышиб из рук рогатину и слегка задел клыком его руку немного выше ладони. Сгоряча не почувствовав этой раны, Мантык успел вновь схватить рогатину и принять на нее кабана в грудь пониже горла; кабан, яростно тряс рогатину, рвался к Мантыку; я спрыгнул с коня, снял со спины ружье и пустил весь заряд в лопатку почти в упор. Кабан грохнулся на землю, один раз вздрогнул и перестал дышать. Все слезли с лошадей. Не успел я осмотреться, как Бухаич кинулся мне в ноги:

— Спасибо вам, сударь, жить заставили; если бы не вы, кабан загрыз бы меня. Дай вам бог...

— Эх, товарищ, не то говоришь,— прервал я, поднимая его,— если бы не я, то другой бы это сделал, мне только посчастливилось первому, вот и все. Не благодарить ты меня должен, а убить, как негодяя, если бы этого я не сделал. Мы обнялись. У Мантыка кровь текла ручьем. Мы и не помышляли о том, какой опасностью грозила эта рана; нам показалась она ничтожной, но не то вышло потом. Мы стали снегом обтирать запекшуюся кровь, которая наконец остановилась; рану перевязали оторванным лоскутом от рубахи одного казака.

В это время подошла девушка; Мантык вынул из кабана стрелу, обтер снегом кровь нечистого животного и

подал ее героине; мы охотно бы предложили ей, как Мелеагр Аталанте, шкуру с кабана, но что во времена язычества принималось за любезность, у современных магометан сочлось бы оскорблением.

Привязав кабана к хвосту лошади, мы поволокли его к кибиткам. Свою лошадь я отдал девушке; она ловко села в седло и, как птица, полетела к аулу. Все охотники пошли пешком. У кибиток мы увидели бедную лошадь, изуродованную кабаном, уже истекающую кровью; она никуда не годилась: все жилы на ноге были перерезаны, нога моталась, как подвешенное полено, кровь лилась неудержимо. Много думать было нечего: хозяину кибитки мы продали ее за два барана, и так как был уже поздний вечер, то остановились у него ночевать. Одежду, кабана и свинью, оставленную на первом месте охоты, вскоре перевезли к кибиткам.

Хозяин очистил нам приличное место в кибитке и попросил в нее войти. Привязав лошадей на выдержку, чтобы не запалить, мы вошли в кибитку; оружие внесли с собою и повесили на унины¹⁷. Хозяин послал сына привести на ужин барана. Мы отклонили эту любезность, отговариваясь тем, что у нас есть свой баран.

— Гость в руках хозяина, — лаконически ответил старик.

Привезли барана, зарезали и опалили. Опаленный баран, как палят русские свинью, всегда вкуснее, чем без шкуры. Разрезав всего барана на части, положили его в котел, под которым тотчас же и запылал камыш: вокруг огня на кошмах и подушках сели хозяева и гости; женщины поместились в тени, на втором плане: магометанский обычай не терпит женщин в обществе мужчин.

Пока продолжался на обычную тему разговор с хозяином, почтенным патриархом, баран сварился. Котел сняли с тагана, и хозяйка стала выбирать из котла и раскладывать по чашкам вареное мясо. Старшая дочь, наша амазонка, принесла в одной руке медный таз, тщательно вычищенный, в другой — кумган¹⁸ воды, а на плече длинное холщовое полотенце, и началось обмывание рук.

---

¹⁷ У н и н ы — палки, из которых изготовляют решетчатые стенки и верх кибитки; круг, в который эти палки вверх втыкаются, называется к а р а ч о й. — *Прим. автора.*

¹⁸ К у м г а н — «чугунный кувшин». — *Прим. автора.*

Без этого обряда киргизы за пищу не принимаются: и понятно, у них ложек нету, и зсякую пищу они едят пальцами, а жидкую пищу пьют через край. Потом хозяйка указала каждому место, разостлала перед всеми что-то вроде скатертей и стала разносить в чашках мясо. Мне принесла первому самые почетные куски — голову, часть грудины, небольшой кусок печени и чуть не полкурдюка сала; остальным одну чашку на двоих. При каждой чашке был положен нож азиатского изделия.

— Нет, она сделала не так! Хозяйка не знает, что мы в долгу,— сказал Мантык и, потребовав порожнюю чашку, переложил в нее из моей баранью голову, а из других печеньку, остальную часть курдюка, сала и грудину и с некоторою торжественностью поднес все это Аталанте, громко сказав:

— По русскому обычаю, тебе следовало бы отдать всего кабана, как первой, нанесшей ему рану; но ваша вера не позволяет нам это сделать. Прими эти малые части пищи, как знак нашей большой благодарности.

Девушка зарумянилась, как утренняя заря, смутилась и, видимо не зная, как поступить, посматривала то на отца, то на мать. Отец с улыбкою видимого удовольствия произнес: «Ал!» («Возьми»). Девушка приняла чашку одной рукой, другую положила на грудь и звонким, как колокольчик, голосом сказала: «Кулдук!» («Благодарю»).

— Мантык, каналья, не только охотник, но и джентльмен; такой прыти прежде я за ним не замечал,— заметил мне Осипов, принимаясь за еду.

Началось дружное истребление мяса; ели прямо пальцами, облизывая их по временам. Я пригласил к своей чашке хозяина, и каждый из охотников сделал тоже, пригласив кого-либо из членов семьи, мужчин. Пригласить женщину было бы непростительным нарушением киргизского этикета. Я уже был готов оставить еду или по крайней мере отдохнуть, как хозяин взял в горсть кусок печени, мяса и сала, поднес к моему рту, который я принужден был открыть, и все втиснул туда, подгоняя пальцами; я чуть не подавился и едва-едва проглотил все минут через десять. От этой любезности нельзя отказать, не обидев хозяина, так как она служит у киргизов выражением радости хозяина гостям. Разумеется, я тотчас же отплатил ему тем же.

По окончании еды опять явились на сцену таз, кумган с горячей водой и снова началось обмывание рук. После этого подали в нескольких чашках отвар из съеденного барана, который и пили на манер чая, причем чашки переходили из рук в руки. В конце концов хозяин сложил ладони обеих рук, поднял их перед лицом, что сделали тоже остальные киргизы, и прочитал молитву... Затем каждый обеими руками погладил лицо.

Ужин кончился, и мы отправились спать.

...Задолго до рассвета я услышал говор охотников и треск пылающего костра около кибиток. Это означало, что охотники палили вчерашнего кабана. Я вышел к ним. Был только пятый час; холод градусов в пятнадцать давал себя чувствовать; на чистом небе не виднелось ни одного облачка.

— Мы решили, не знаем, как вы,— заговорил Мантык, подходя ко мне от места, на котором вчера возились с кабаном,— начать охоту далее, вдоль берега озера; в случае удачи — вернуться домой, в случае же неудачи — перевалить на урочище Акжунь и подвинуться к камышам Арык-Балыка.

— Дельный план. А рука что? Это для меня самое главное.

— Перевязал сегодня свиным салом; кажется, как будто болит меньше вчерашнего. Рогатиной владеть не могу, но ружьем и кинжалом — без помехи.

— Готовьте-ка чай, до рассвета далеко, успеем еще подумать; выпьем чайку, и ума прибудет.

Небольшой чугунный котел с водою зашумел. Явился хозяин, предложил нам только что подоенного молока и коровьего масла, чему мы были очень рады и положили то и другое в котел; когда все это вскипело, всыпали туда чаю, сняли с огня котел, и чай был готов.

Пока пили чай и исправляли кое-что расшатавшееся и оборвавшееся, совсем рассвело. Все казавшееся нам лишним мы сняли и, оставив в кибитке на попечение гостеприимного хозяина, отправились налегке. Несмотря на боль в руке, Мантык ехал молодцом.

Свиньи по утрам долго спят и отправляются на корм не раньше десяти часов; с вечера же ложатся очень поздно. Это аристократы звериного царства. Едва мы проехали место вчерашнего боя, как стали попадаться следы свиней и рытье. Мы собрались вместе и после непро-

должительного совещания порешили на том, чтобы пятеро охотников остались здесь и по сигналу ехали бы всю ширину камыша поднимать свиней: Мантык же, я и двое других охотников двинулись на рысях далее, туда, где камыш всего более суживался, и там должны были сесть в засаду. Я, кажется, говорил уже, что весь камыш кругом озера тянулся лентою не шире тридцати сажен; в стороне степи росла куга, и в ней-то рылись свиньи, доставая корни. Рытье это нередко изумляло нас. Случалось быть на охоте в двадцатипятиградусные морозы; земля промерзала глубоко и крепко. Свиньи же своими мордами отваливали такие глыбы земли, какие человеку в силу было отколоть только железным ломом.

Проехав сажен полтора ста, мы увидели перерыв камыша, свернули в него, спешились и заняли места. Лошадей каждый охотник поставил около себя в треноге. Все притаились. В таком выжидательном положении внимание бывает так сильно напряжено, что становится слышным биение сердца и ничтожный шелест упавшего листа заставляет обернуться. Наконец долетает до нас гайканье охотников-загонщиков, ближе и ближе... Вдруг с их стороны послышался выстрел и крик: «Берегись, кабан!».

«Будет потеха», — подумал я и стал осматриваться по сторонам. Вижу: Мантык поднял ружье к щеке и что-то высматривает в глубине камыша, затем выстрелил и с быстротою стрелы бросился в камыш с криком: «Скорей!». В ту же секунду послышался второй выстрел со стороны другого моего соседа. Подбегаю к Мантыку, в ожидании затеять возню с кабаном и вижу: перед ним грепещется огромная свинья. Жеребий в шею положил ее на месте. Но, услышав крики: «На степы! На степы!», я побежал назад к лошади и, мигом сняв с нее треногу, поскакал в степь. Семья свиней мчалась в ту же сторону, в которую убежали вчерашние, за ними все пять охотников. Я дал нагайку лошади и пустил поводья.

Проскакав около ста сажен, моя лошадь поскользнулась и, перекувырнувшись, со всех ног грянулась на землю. Не успел я мигнуть, как очутился под лошадью, и притом довольно мудреным образом: я лежал под нею на спине, а лошадь седельной подушкой лежала поперек на груди, ногами вверх, так что из нас образовался как бы крест. Можете представить мое отчаянное положение:

я должен был выносить на груди тяжесть рослой лошади! Я едва дышал, звать на помощь и кричать нечего было и думать и в ужасе ожидал, что лошадь опрокинется к моему лицу и окончательно меня придавит. Но умный конь недвижно лежал на мне, как бы инстинктивно сознавая, что его попытка встать может быть для меня гибельна. В таком положении лежал я четыре или пять минут, пока не прискакал какой-то всадник, спрыгнул с коня, взял за ноги мою лошадь, сдвинул ее к моим ногам и, заставив ее встать, взял меня за плечи и поднял. Это был Мантык.

— Эк вас угораздило! Все ли у вас цело? Садитесь скорее, а то уйдет! — сказал он и поскакал дальше.

Падение совершенно ошеломило меня, зрение помутилось, и предметы, казалось, кружились вокруг. С усилием всматриваюсь в ту сторону, куда помчался Мантык, и наконец начинаю различать, в версте или больше, охотников, скачущих вереницей, а впереди них несущихся свиней. Вскочив на лошадь, я бросился вслед за ними.

— Я возьму кабана, не выдавай меня! — крикнул я, обгоняя Мантыка.

— Спешите! — успел он крикнуть мне вслед.

Перегоняю двух охотников. Быстрота лошади моей была настолько велика, что я проскакал их [словно] бы мимо стоячих; нужно было особенно крепко сидеть, чтобы не выскочить из седла. Да, это был редкий конь! Теперь я еще более ценю его достоинства: около тридцати лет прошло с тех пор, а подобной лошади я еще не встречал. Смерть гналась — сколько раз он спасал меня от нее.

Впереди виднелись камыши: из опасения, что свиньи успеют скрыться в них, я дал нагайку своему коню и стал настигать стадо. Позади всех бежали поросята. Я закинул ружье за спину, вынул пистолет и, направив коня на поросенка, нагнулся с седла и спустил курок почти в упор — поросенок растянулся. Не останавливаясь, скачу через середину стада, обгоняю кабана, бегущего впереди, и отрезаю ему путь. Я не боялся, что он бросится на меня, так как не сомневался в том, что он измучен продолжительной скачкой. Действительно, кабан и не подумал защищаться, а повернул в сторону и пошел рысью — признак изнеможения. Остальные члены его семьи кинулись врассыпную, кто куда глядел. Завер-

нув кабана на охотников, я схватил со спины ружье. Кабан, не зная, куда бежать, а также от усталости, остановился. Прискакал Мантык и, спрыгнув на полном карьере с лошади, стал подходить к кабану. Не успел я еще вынуть левой ноги из стремени, как раздался его выстрел. Кабан упал на колени; Мантык бросился к нему и за щетины свалил на бок. Я побежал на помощь, и мы вдвоем придавили его. Кабан, однако, силился вырваться.

— Держите крепче его голову,— сказал Мантык.

Обеими руками я уцепился за щетины кабаньей морды, а Мантык запустил кинжал в горло и перерезал его вместе с жилами. Кровь хлынула из раны и окрасила снег. Пока мы возились с кабаном, что продолжалось несколько минут, один за другим подъезжали к нам охотники. Один из них привез на седле поросенка, убитого мною на скаку. Тут только я заметил, что перевязка на руке Мантыка была вся в крови; очевидно, при возне с кабаном он разбередил свою рану. Действительно, когда мы сняли бинт и натерли ее чистым снегом, то оказалось, что рука распухла и самая рана расширилась. Мантык чувствовал усиленную боль. Продолжать охоту было бы безумием, а потому, перевязав рану чистым холстом, мы решили ехать домой. Мне нетерпеливо хотелось знать, что за стрельба была в камыше, когда мы сидели в засаде. Оказалось, что один из охотников, гнавший свиней на нас, наткнулся на свинью, лежавшую на гайне, и убил ее на месте; другой охотник, сосед мой по засаде, увидел выскочившего на него поросенка и промахнулся.

— Что это вы так плохо вчера охотились? Никто ничего не убил, а свиней как было много. Срам!

— Лошади не догоняют,— отвечали охотники,— нашим до вашей далеко!

Привязав кабана и поросенка за морды к хвостам лошадей, мы двинулись к стану; часть охотников повернула за убитыми в камыше двумя свиньями. Таким образом, добыча нашей двухдневной охоты состояла из трех кабанов, трех свиней и одного поросенка.

Было одиннадцать часов дня, когда все собрались около кибитки, у которой оставался пеший казак и наш скарб. Предстояло решить, каким образом доставить нашу добычу в форт? Тащить по земле семь штук привя-

занными к хвостам лошадей двадцать верст с лишним было бы нелепо, тем более что у нас был один пеший с седельной сбруей. Решили нанять у хозяина двух верблюдов, на что он и согласился за один рубль. Верблюды паслись не близко, и так как мы навряд ли бы успели не только приехать в форт, но даже выехать до вечера, то решили переночевать. К тому же мы устали и проголодались; нужно было отдохнуть. Тотчас же привязали лошадей на выдержку, оружие внесли в кибитку, зарезали барана и опалили, положили его в котел целиком, и огонь запылал...

Задолго до зари мы были уже на ногах. Кончив чай, стали выючить свиней на верблюдов; на одного из них сел пеший охотник со всей сбруей запоротого коня. Ровно в восемь часов утра мы пустились в путь, а в двенадцать были в форте, сделав за четыре часа около тридцати верст. Кабан, убитый нами с помощью девушки, вытянул без внутренностей одиннадцать пудов двадцать семь фунтов.

Рана на руке у Мантыка стала принимать опасный характер. На другой день его отправили в военный госпиталь, в укрепление Раим, где он пролежал около месяца и вышел оттуда с двумя сведенными пальцами. Впоследствии это было причиною, что он не мог справиться с тигром, который его и растерзал.

IV. КОС-АРАЛ

Одновременно с укреплением Раим в семидесяти верстах от него, в устьях реки Сыр-Дарьи, на одном из островов, образуемых ее рукавами и называемом Кос-Арал, на берегу Аральского моря был построен форт

для охранения кочующей там очень богатой орды от набегов хивинцев, которые собирали с нее зякет (подать), а вдвое более того грабили. Кос-Арал — название киргиз-

ское и означает в переводе «птичий остров»: *кос* — птица, *арал* — остров.

Укрепления форта имели форму равностороннего треугольника, на углах которого были воздвигнуты бастионы, вооруженные каждый одной пушкой; стены были возведены из сырцового кирпича; по причине песчаного грунта рва не было. Гарнизон состоял из пятисот солдат пехотинцев, ста казаков и из нескольких десятков артиллеристов, потребных для трех орудий.

Разливы Сыра в восточной части острова образовали множество больших и малых озер, топей, которые поросли сплошной массой камыша — единственной крупной растительностью тамошней местности. Камыши эти были битком набиты дикими свиньями, около которых держались и тигры; воды острова, равно как и по всему устью Сыра, были заняты в буквальном смысле слова мириадами водяной птицы. Гуси, лебеди, пеликаны, различные породы уток положительно покрывали воды, и шумный крик их не умолкал ни днем, ни ночью. Красные фламинго встречались здесь только на перелете; но красавец фазан был коренным жителем. По всей плоской возвышенности острова кочевали киргизы-игинчи (хлебопашцы), главным образом возделывавшие ячмень и просо. Ежегодные урожаи здесь сравнительно с урожаями внутри России баснословны. Ячмень и пшеница дают сам-тридцать и сам-сорок, просо — сам-двести и сам-триста, а случается иногда и сам-пятьсот. Все посева поливаются искусственно, посредством устроенных канав, почему неурожаи здесь неизвестны. Рыба во всех водах кишмя кишит: осетры, сазаны и лещи в реке и море, караси, лини и щуки в озерах. Климат здесь здоровый. В течение двух лет моего здесь комендантства не заболел ни один человек, чему, конечно, много способствовала обильная и вкусная пища из говяжьего и свиного мяса и рыбы; свежая осетровая икра за солдатским обедом была таким же обыкновенным явлением, как черный хлеб с мякиной у крестьян в некоторых великорусских губерниях.

В 1851 году, осенью, я был назначен начальником этого форта. В первые дни мне показалось здесь скучно до тоски. Книги и журналы приходили сюда очень поздно; не было никаких служебных занятий, ни одного офицера, вообще образованного человека, с кем бы можно

было поговорить, не говоря уже о женщинах. Аральское море зимою не мерзнет, форт выстроен шагах в тридцати от берега, и неумолкаемый прибой морских волн наводил страшную тоску. Единственным развлечением в нашей монотонной жизни была охота за зверями и птицами.

Дождавшись прочных заморозков и снега, я стал формировать партию охотников. В Кос-Аральском форте мне пришлось, однако, иметь дело с людьми иного закала; охотниками оказались только солдаты четвертого батальона, то есть народ пеший, следовательно, охота теряла половину своего интереса. Я стал посылать на разведки и вообще наводить справки о звере. Оказалось, что киргизам отбоя нет от свиней; они подходят к аулам, вырывают ячмень и просо из ям, в которых киргизы сохраняют весь летний сбор, ходят вместе с киргизским скотом в табунах коров и баранов и самих киргизов решительно не боятся.

Тигры к аулам не подходят, скот киргизский не трогают, что было весьма естественно: легко добывая себе свиней, тигры не нуждались в более трудно добываемой добычи.

Темные, беспредельные камыши, терявшиеся на горизонте, не допускали облавной охоты; в таких камышах можно бить свиней, только подкарауливая их. Но такого рода охота казалась моим сотоварищам слишком скучной: тут не было возможности выказать им свою удалость. Я стал выжидать такого случая, который и не замедлил представиться.

В один счастливый день я получил известие, что вблизи форта на льду замерзшего залива, по которому летом росла куга и осока кучками — кулигами, были замечены следы одиночного тигра и другого, с детенышем! Меня так и подмывало ехать на охоту; но не было ни одного охотника, на которого бы можно было положиться. Говорили мне, что в гарнизоне есть солдат Григорьев, смелый и ловкий охотник, но я что-то плохо этому верил, а потому ради более вящего успеха охоты послал тройку лошадей в Раим за Мантыком. Это было в два часа пополудни, а к десяти часам утра следующего дня тройка вернулась назад с Мантыком, сделав сто сорок верст не кормя.

Так как Мантык, спеша ко мне, не спал более суток,

то я дал ему добрый стакан водки, сытную закуску, и он завалился спать. Тем временем я собрал охотников, которых явилось восемь человек, снабдил их всем, в чем они нуждались, и выдал свинец на жеребья. Они не годятся для дальней стрельбы, но на близком расстоянии летят верно и производят весьма разрушительное действие.

В два часа пополудни я разбудил Мантыка. Мне хотелось вместе с ним осмотреть местность, в которой жили тигры. Взяв на всякий случай одни ружья, я, Мантык и еще один вызвавшийся охотник отправились туда на лошадях. Настоящие, густые камыши начинались верстах в двух от форта; в соседстве они были все вырублены на дрова. В камышах и по опушкам мы нашли много свежего свиного рытья и в двух местах следы тигров. Камыши были обширные и настолько сплошные, что об охоте на свиней нечего было и думать. Это было бы все равно, что гоняться за щукой в море. Свиньи быстро шмыгают по камышам, поглядеть на себя не дают, а иногда кабан, свинья, особенно же поросенок так крепко затаиваются, что охотник может пройти в двух шагах и не заметить их; случается, впрочем, хотя и очень редко, что охотник сметит притаившуюся свинью и положит ее на месте. В таких обширных камышах успешнее можно охотиться за тиграми. Тигр при виде охотника уходит медленно, с некоторой важностью, с полным сознанием своей силы, а если заметит, что его преследуют, то при удобном случае и сам переходит в наступление. Но подобная охота возможна только зимой, когда мороз подернет все твердой корой; к тому же на лето тигры на острове не остаются.

Мы подъехали к кибиткам, расположенным на кряже, из которых вышли навстречу нам два киргиза и тотчас узнали во мне коменданта; один быстро схватил мою лошадь под уздцы, а другой поднял руки, чтобы принять меня с лошади. Окрестные киргизы имели к начальнику форта уважение. В кибитке слышалась возня: там расстилали ковры, кошмы и укладывали подушки для принятия почетного гостя. Я, однако, отказался от предложения войти.

— Не видали ли вы где поблизости тигров? Не знаете ли где-либо здесь тигровое логовище?

— Тигры всегда устраивают свои пристанища в глу-

бине камышей, и мы ходить туда боимся,— отвечал один из киргизов,— но мы нередко видим, как они выходят на степь. Сегодня по направлению к форту прошел один тигр, очень большой, *сюз чек калай улькун* (слов нет, какой большой).

— Ну, они ничего вам дурного не делают, не трогают ваш скот?

— Нет, в этом году не нападают, а все-таки мы от них настороже: от жены и от тигра всегда нужно иметь за поясом кинжал. Недавно один тигр напугал нас, но вреда не сделал никакого.

— Как так?

— Дней семь тому назад, поздно вечером, мы всей семьей сидели вокруг огня; в котле варилось мясо, дочь моя подкладывала камыш в огонь. Камыш был длинный, так что один конец пучка был в огне, а другой, более половины, был наружи, за дверью; дверь была опущена. Только дочь хотела было вдвинуть камыш в огонь, а сдвинуть его не может: наружи камыш кто-то держит. Дочь встала, чтобы посмотреть, отчего камыш нельзя подсунуть в огонь, приподняла дверь, свет вырвался в пространство и осветил лежащего на камыше тигра. С визгом дочь закричала: «Ой баяу! ¹⁹ Чулбарс!» — и шарахнулась в кибитку. Я схватил горящий камыш из-под котла и бросил его в тигра, на нем вспыхнула шерсть, и нам слышно было, как она затрещала; тигр вскочил и быстро исчез в темноте. Все семейные мои страшно перепугались и только с восходом солнца решились выйти из кибитки.

— На свете нет никого, кто бы не боялся тигра,— прибавил киргиз после небольшой паузы.

Солнце подходило к небосклону; до форта было версты три. Мы поехали по льду, разливами Сыра, которые местами поросли кугою. Я поднял голову, чтобы посмотреть, далеко ли до форта. Солнце готовилось скрыться за горизонт; впереди нас, саженьях в шестидесяти, между кулигами ²⁰ куги паслась киргизская лошаденка, стреноженная на подножном корму; мы ехали тихим шагом.

---

¹⁹ О й б а я у — слово непере译имое, употребляемое только при испуге. — Прим. автора.

²⁰ К у л и г а — здесь: небольшой участок болотной растительности.

Вдруг из одной кулиги куги с ревом выпрыгнул тигр и бросился на лошадь. Мы инстинктивно остановились и схватили ружья. Лошадь шарахнулась от тигра, но на льду поскользнулась и упала на колени. В одно мгновение тигр ловко схватил ее левой лапой за голову между ушей, а правой за горло около груди. Лошадь поднялась на ноги и усиливалась вырваться, но ноги ее скользили по гладкому льду. Тигр, упершись задними лапами, скользить которым мешали его когти, так ловко перебросил через себя лошадь, описав ее в воздухе дугу, и с такой силой ударил ее об лед, что, с минуту подрыгав шогами, она испустила дух. Тигр немедленно вырвал несколько кусков мяса из загривка; кровь полилась на снег и забила фонтаном из артерий. Лошади наши все это время тревожно фыркали, порываясь дать тягу.

Мы попробовали прогнать тигра и пустились было к нему вскачь, но лошади уперлись, не желая повиноваться, а при ударе нагайки бросались в стороны и опрокидывались назад, так что трудно было удержаться в седле. Заметив нас, тигр отошел от лошади сажен на десять и лег в куге, приподнимая по временам голову. Стрелять с лошадей было немыслимо; затеять бой пешими мы не осмелились, так как не имели холодного оружия и поэтому не считали себя достаточно сильными; тигр занимал очень выгодную позицию для обороны и наступления, притом был голоден, следовательно всего опаснее. А самое главное — настолько стемнело, что было невозможно ручаться за верность выстрела. Нам оставалось только ехать в форт. Что тигр не бросит своей добычи, пока всю не съест, в этом не было ни малейшего сомнения, так же как и то, что мы найдем его завтра невдалеке. Обменявшись с Мантыком такими мыслями, мы тронулись в обратный путь. Первым приказанием по приезде было — не давать моему боевому коню в ночь сена, а ограничить дачу корма тремя гарнцами овса. Жирная лошадь с пустым желудком всегда быстрее и выносливее.

Отобранные мною семь человек охотников были совсем наготове. Условились с восходом солнца быть уже на конях. Обыденная казарменная жизнь мгновенно изменилась; приготовления к охоте отразились на всем гарнизоне, рассказы о тигре с лошадью слышались с разными вариантами во всех углах. В надежде, что вместо определенных семи охотников я могу взять и больше, ста-

ли приготавливаться и некоторые другие. Движение в казармах сделалось почти общим. Осмотрев необходимое вооружение, я лег спать, но долго проворочался в постели, пока заснул. Едва забелел восток, как меня разбудил Мантык.

— Вам к чаю готовы пельмени и котлеты,— проговорил он скороговоркой.— Вставайте, ваше благородие, самовар кипит.

— Относительно тигра новостей никаких нет? — поспешил я спросить.

— Как узнаешь, что он там делает? — проворчал Мантык.— Часовой сказывал, что около убитой лошади всю ночь выли волки; тигр, должно быть, ел лошадь, а волкам же давал, те с горя и принялись выть.

Я вышел во двор. Было совершенно тихо, и в этой тишине явственно слышался только прибой волн, как будто они били прямо в стены форта; небо было совершенно ясно; звезды начинали гаснуть; охотники приготавливали оружие и седлали лошадей. Около конюшни денщик седлал моего коня; я подошел к нему; конь радостно заржал, увидав меня. Так приветствовал он меня каждый день, когда видел меня первый раз после ночи. Мы так свыклись один с другим, что и не могло быть иначе. Семь лет он носил меня на хребте, и за эти семь лет он не видел на себе другого седока. Привязанность его ко мне выражалась и в других случаях. В летние месяцы казачьи лошади паслись на подножном корму общим табуном, в который я пускал и моего коня погулять на воле без узды. Когда случалась мне в нем надобность, поймать его табунщикам при быстроте его было трудной задачей; часов по пяти и более, а иногда и целый день употребляли на его поимку. Мне же он давался тотчас, как я являлся к нему на глаза с уздой; заржет, бывало, увидев меня, подойдет ко мне и протянет голову, на которую я надеваю узду и передаю его денщику. Это знают все мои сослуживцы, которые и теперь живы.

Покончив с пельменями и котлетами и одевшись, я вышел во двор. Охотники сидели на лошадях; у двух из них были рогатины, у Григорьева — карабин с тесаком вместо штыка; все они выглядели молодцами и, видимо, горели нетерпением сразиться с тигром. Мы тронулись прямо к вчерашней лошади, задавленной тигром. Солнце

только что показалось из-за небосклона. Подъехав к лошади сажень на десять, я, чтобы не загоптать следы тигра, остановил охотников и вместе с Мантыком освидетельствовал лошадь: правая ляжка оказалась вся съеденной; снег кругом был истоптан только следами тигра; значит, он держал волков на почтительной дистанции.

— Теперь вопрос в том, куда ушел тигр, где мы его должны искать? — обратился я к Мантыку.

— Он где-нибудь лежит близко, — отвечал Мантык, — первое — сыт, а потом он ни за что не расстанется с лошадью, пока всю не съест; уж волкам он ее не оставит — шалишь.

— Да, это верно. Но все-таки где он теперь? Разъедемся в разные стороны, сделаем круг и обрежем след. Ты поезжай направо, я поеду налево. Если заметишь сегодняшней выходной след, свистни; я сделаю то же.

Следы вчерашний и сегодняшней на снегу различить легко, не так, как летом, на песке и другой мягкой земле. Мы разъехались. Минут через пять я услышал свист, на который и поспешил. Мантык напал на следы тигра, которые шли от лошади по направлению к видневшимся вдали камышам. Кругом было обширное ровное место, местами покрытое большими и малыми кулигами куги.

— Уйдет в камыши, и тогда прощай наш тигр! — сказал я.

— Пусть превращусь я в улитку, если тигр это сделает; он где-нибудь лежит тут в куге; только надо ехать очень осторожно.

Здесь кстати заметить, что Мантык, как калмык, был буддийского вероисповедания, в котором переселение душ после смерти тела в животных есть основной догмат.

Я дал знак остальным охотникам подъехать к нам. Необходима была крайняя осторожность, о чем и было передано подъехавшим. Тотчас же все сняли ружья и взвели курки, Мантык и я повесили на руки кинжалы, и все тронулись по следам. Все куги тигр обходил, по видимому направляясь в камыши; наконец вошел в одну кулигу, которую мы тотчас же окружили, но, найдя выходной след, поехали по нему дальше. Тигр, как надо было полагать, выбирал место отдыха потеплее и помягче. Пройдя около ста сажень, он стал поворачивать к тому месту, где лежала убитая им лошадь, и вошел в другую кугу, которая имела в окружности не менее ста пятидеся-

ти сажен или около сорока сажен в поперечнике. Объехали кругом эти кугу — выходных следов не было. Не оставалось никакого сомнения, что тигр тут, в этой кулиге. Куга была высокая, густая, но от гололедицы и инея нагнулась, переломалась и так перепуталась на вышине груди человека, что пробираться по ней было чрезвычайно трудно.

— Что делать? — спрашиваю я Мантыка.

— Тигр тут, — отвечал он.

— Это я знаю без тебя.

— Надо идти к нему в кугу пешком; на лошадях ничего не сделаешь.

— Место боя для нас крайне невыгодно, — возразил я, — тигр растреплет нас в клочья.

— Может быть и так, — отвечал Мантык, — но ничего больше не придумаешь. Надо решиться.

Позвав остальных охотников, мы слезли с лошадей, стреножили их и оставили одних в отдалении от места действия. Затем все мы расположились кругом кулиги попарно, по возможности на равном расстоянии. Я стал вместе с Мантыком, и по условному знаку все двинулись по направлению к центру. Со всех сторон слышался треск ломаемой и выдергиваемой куги. Почти все охотники видны были головою и плечами. Подвигались медленно; куга так перепуталась и смерзлась, что каждый шаг вперед доставался не без усиленной работы.

Вдруг вижу: над кугою показывается голова тигра, затылком ко мне. Чтобы предупредить Мантыка и не отдать ему славу первенства на этой охоте, я поторопился взбросить ружье к щеке и, рассчитывая, что коническая пуля со стальным наконечником из дельвиновского карабина положит тигра наповал, выстрелил. Но неуместная ревность, похожая на зависть, на этот раз, как, впрочем, и всегда, не послужила ни к чему: я промахнулся. В одно мгновение с выстрелом тигр быстро бросился на охотника Григорьева, шедшего к нему прямо перед глазами, ближе других; Григорьев подставил ему нож, примкнутый к ружью вместо штыка, на который тигр и сел с разбега всею своею тяжестью; нож вошел в него, как в тесто, по самую трубку. Тигр зарычал, метнулся, сломал нож, который и остался в нем, одним взмахом лапы вышиб ружье у Григорьева, смял его под себя и пошла, как нам казалось, зубная расправа. Быстро под-

бежать на выручку мешала куга, стрелять было тоже нельзя — тигр с охотником как бы утонули в куге; слышно было только свирепое ворчанье зверя и возня.

Мгновенно выхватив из рук одного охотника рогатину, Мантык явился перед тигром и уже готовился заколоть его рогатиной, как тигр предупредил его: оставив Григорьева, он быстро бросился на Мантыка и наткнулся на подставленную рогатину, которая вошла между передних ног, отчего он потерял равновесие и упал на лед, увлекая в своем падении и Мантыка; оба, однако, быстро вскочили на ноги; тигр с ревом и разинутою пастью так стремительно кинулся снова на Мантыка, что последний не успел схватить кинжал, снова сбил его с ног и, перепрыгнув через него, выскочил на чистый лед и побежал в другую кугу; вслед ему раздались несколько выстрелов, и все охотники кинулись за ним, забыв о Григорьеве. Тигр вбежал в другую кугу, обширнее первой, и там лег, как бы утонул в ней. В минуту куга была окружена со всех сторон. Мантык крикнул, чтобы охотники не входили в нее, а ограничились одним наблюдением. Подбежал окровавленный Григорьев; из правой щеки у него сочилась кровь и капала на полы полушубка; все лицо было вымарано кровью, шаровары изорваны.

— Я думал, что тигр тебя совсем изуродовал и что нам придется тебя отсюда унести,— сказал я Григорьеву.— Что он тебе повредил?

— Пустяки: когтем проткнул щеку, на голове ссадил шкуру и на правом бедре сделал несколько ран зубами.

И это пустяки! Вот каковы были люди, составлявшие партию охотников!

— Позвольте нам, ваше благородие, только вдвоем с Григорьевым идти к тигру, а остальные охотники пускай стоят настороже, а то стрелять опасно — можно убить своих.

Я согласился. Мантык и Григорьев взвели курки и пошли в кугу, где встретили их те же затруднения. Они шли медленно, с крайнею осторожностью, в настоящем случае вполне руководствуясь правилом: «Один раз шагнуть и десять раз оглянуться». Вдруг почти из-под ног охотников выскочил тигр и бросился на Мантыка; последний выстрелил, за ним Григорьев; мы успели только увидеть, как тигр с разинутою пастью сел передними лапами на плечи Мантыка спереди, а последний схватил.

его левой рукой за горло и оба свалились в кугу! Послышалась оттуда возня, рывкнул тигр, и через секунду или две все стихло. Разумеется, в тот же момент все охотники бросились на место свалки. Когда мы подбежали туда, то увидели тигра, лежавшего в предсмертных судорогах и вылезавшего из-под него Мантыка. Во время падения тигр перевернулся к ногам Мантыка, который, имея таким образом руки свободными, схватил висевший на руке кинжал, запустил его в брюхо тигра, распорол его нараспашку и затем быстро ударил около передней лопатки. Все это было делом одной секунды. Мантык отделался только порванной одеждой и двумя царапинами от когтей на правой ноге.

Я по опыту знаю, что в то время, когда зверь бросается на охотника из-под ног, последнему очень трудно дать верный выстрел. Этим также объясняется, почему выстрелы Мантыка и Григорьева, сделанные почти в упор, не положили тигра на месте. Верный выстрел возможен, только когда стреляешь не торопясь.

Таким благополучным исходом битвы в неблагоприятной для нас местности мы обязаны именно тому обстоятельству, что тигр был не в меру сыт, голодный, он наделал бы нам много хлопот. Разумеется, не менее верно и то, что в удобной для нас местности этим числом охотников мы сразу положили бы всякого тигра.

В полутораста саженьях от места боя виднелись на материке три кибитки. Растерзанная накануне лошадь принадлежала хозяину одной из этих кибиток. Вся наша перепалка происходила в виду киргизов, высыпавших из аула. Когда все кончилось, они присоединились к нам, дивились величине тигра; хозяин заеденной лошади, пустив целый поток брани, пинал его, плевал на него и затем обратился ко мне с просьбой не обидеть отказом посетить его кибитку. Я согласился и поехал к нему с торжествующим Мантыком; остальные охотники отправились в форт за телегой, чтобы увезти тигра.

...Когда я приехал в форт, тигр уже лежал посреди не площади. Это был один из самых больших зверей; он весил одиннадцать пудов двадцать два фунта и имел в длину от хвоста до ушей 2 аршина 14 вершков. Более крупных тигров я в жизни не видал; снятая с него шкура отослана была мною раимскому коменданту, который отправил ее в Оренбург к графу В. А. Перовскому.

Весною 1852 года я был назначен в рекогносцировочный отряд и вместе с тем для производства триангуляции пространства между реками Куван-Дарьей и Сыр-Дарьей. Меня сменил майор Плюснин, человек мне совершенно незнакомый, которого я видел при сдаче ему форта в первый и последний раз: он скоро умер от когтей тигра.

Со съемочным отрядом мы стали лагерем около хиинской крепости Хаджа-Нияз. Здесь я получил известие о смерти Плюснина. В июне месяце Плюснин шел пешком в одной рубахе на сенокос, который производили солдаты гарнизона. Путь его лежал густым камышом по узенькой тропинке. Не дошел он сажень пятидесяти до стана косцов, как вдруг из чащи камыша выпрыгнул тигр, бросился на Плюснина и смял. На отчаянный крик последнего и рев тигра в одну минуту явились солдаты и увидели своего начальника плавающим в крови. Тигр изорвал на нем рубашку и, сжав когтями одной лапы правое плечо, перерезал плечевую артерию, из которой кровь забила фонтаном, — и был таков. Разумеется, не поспеши солдаты, и от Плюснина остались бы одни кости. С перепугу майор не мог встать; его подняли и на руках принесли в форт. Все усилия остановить кровь не привели ни к чему. Оставалось последнее, но безнадежное средство — скорее везти больного в Раим. Снарядили лодку, уложили в нее майора и лямкой потащили в крепость. Через несколько часов на полдороге, Плюснин умер и в Раим доставили его труп.

Съемка пространства между реками Сыр-Дарьей и Куван-Дарьей кончилась; отряд в начале июля вернулся в Раим. При встрече нашего отряда комендант крепости подошел ко мне.

— Отдыхайте, К., у меня до вас есть небольшое дело. Наверное, вы не откажетесь побывать на Кос-Арале?

— Хоть на Барсе-Кельмес²¹, полковник!

Меня очень заинтересовало, зачем я нужен коменданту на Кос-Арале. Три дня спустя я был позван.

— Я хочу поручить вам убить тигра, который заел Плюснина. Для этого возьмите любых охотников, бар-

---

²¹ Барса-Кельмес — остров на Аральском море: барса — «пойдешь», кельмес — «не воротишься». — Прим. автора.

кас и плывите. С вами намеревается ехать турист, немец Левенталь, с которым я вас познакомлю.

Такое поручение мне показалось более чем странным. Уж не дослышал ли я, так ли понял слова полковника? «Убить тигра, который заел Плюснина» — да как я узнаю, что тигр, которого, положим, я убью, будет тот самый, который съел Плюснина. Это недоумение я высказал полковнику.

— Я уже все успел узнать, — ответил он, — теперь на острове только и есть один этот тигр. Вы знаете, что на Кос-Арале летом тигры не живут; этот же тигр опоздал уйти на материк. Вода кругом острова теперь очень высока, и тигру уйти с острова нельзя.

На следующий день, в десять часов утра, Левенталь, Григорьев, Мантык и я сели в баркас. День был жаркий, ветер дул ровно и сильно. В жарких странах на безбрежных равнинах ветер не приносит прохлады: он там так же зноен и жгуч, как раскаленная атмосфера. Мы подняли парус и раскинули палатку. По быстрому течению Сыра баркас летел со скоростью пятнадцать — двадцать верст в час. От Раима до моря река течет по совершенно гладкой равнине; оба берега поросли стеной густого и высокого камыша, на темной зелени которого отдыхало наше зрение. Иногда из камыша выплывала лебедка с серыми лебедятами или пара гусей с гусятами — и, завидя нас, тотчас скрывались обратно; по временам слышался крик фазана, призывающего свою самку. Сомы, стоявшие у берегов и на поверхности посреди реки, при приближении баркаса с шумом волновали воду, ударяя по ней широким плесом, и быстро опускались на дно.

— Кос-Арал видно! — воскликнул рулевой.

Мы встали на ноги и увидели, что входим на кос-аральский рейд. Ровно в два часа пополудни мы причалили к пристани, сделав семьдесят верст за четыре часа. На острове в это время созревал хлеб; на пашнях киргизам от свиней не было отбоя; по ночам они большими стадами производили значительные опустошения; на пространстве какой-нибудь десятины стояли несколько киргизов-караульщиков и отгоняли свиней. Узнав, что мы приехали поохотиться, каждый из киргизов звал нас на свой хлеб. О тиграх отозвались, что замечают иногда в разных местах свежие следы, но где они постоянно живут — не знают, так как скот они не трогают.

— Мне не верится, чтобы здесь был только один тигр,— сказал я Мантыку.— Разве можно обшарить такие огромные камыши, чтобы с уверенностью сказать, что здесь один тигр или два?

— Разумеется, нет,— отвечал Мантык.— Какое нам до этого дело? Нам бы только поохотиться. Не убьем тигра — жалко, а подвернется какой, убьем и скажем, что тот самый, который съел Плюснина.

Мы решили в эту же ночь идти на киргизские хлеба и караулить свиней. Но для этого нужно было отправиться пораньше, чтобы до сумерек осмотреть пашни, обозреть окрестность и выбрать приличные места для засады. Плотно пообедав, я, Левенталь и Григорьев в четыре часа оставили форт. Мантык пошел один искать следы тигра. Пашни начинались верстах в двух. По приходе мы увидели кругом пашен бесчисленные следы свиней; около краев, а частью в середине колосьев были оборваны, обгрызаны, и местами хлеб был сильно помят. С ожесточенными ругательствами показывали нам на это киргизы. Мы принялись искать места, удобные для подкарауливания. Нужно было выбрать такое место, с которого не было бы видно головы сидящего охотника, для чего требовалось или чтобы хлеб был выше человека в сидячем положении, или чтобы был куст; кроме того, разумеется, необходимо, чтоб с этого места было удобно стрелять. Левенталь не хотел занять отдельное место и упросил меня пустить его на одно место со мною. Я согласился, хотя весьма неохотно, так как это очень невыгодно: свиньи поразительно чутки; от постоянной опасности быть схваченными тигром они делаются чрезвычайно осторожны. Два охотника вместе поэтому имеют вдвое более шансов быть замеченными. Выбрал себе место и Григорьев. Понятное дело, мы должны были хорошенько заметить направление другой засады, чтобы из опасения убить вместо свиньи товарища не стрелять в этом направлении.

Солнце скрылось; было тихо, ничто не шелохнется; месяц как бы не двигался среди неба. Вот наконец потухла и заря, совсем смерклось, и наступила глухая ночь. В южных странах день быстро сменяется ночью, не так, как в северных, где летний вечер сменяется не ночью, а утром. Месяц светил, однако, так ярко, что можно было читать книгу. Мы разошлись. Левенталь и я взвели кур-

ки и уселись на углу пашни, в густом и высоком просе, лицом к полю, так что могли наблюдать обе стороны угла. Я просил Левенталя, чтобы он сидел со мною, как мертвый, так как не только малейшее движение, но даже слишком громкое дыхание могло испортить все дело. Если же это покажется трудно выполнимым, то предложил занять отдельное место, но не пенять на меня, если я, не зная, где он сидит, пушу заряд по тому направлению и пуля вместо кабана попадет в него. Все нужные наблюдения я принял на себя.

Прошел час в томительном выжидании; на небе показались облака, которые по временам закрывали месяц; я начал чувствовать боль в согнутой спине. Вот что-то в правой стороне щелкнуло, как будто что сломалось, потом послышалось пыхтенье. Осторожно повернув голову в ту сторону, я увидел две точки, двигавшиеся вдоль пашни прямо к нам; ухо различало уже два пыхтенья, одно впереди другого, по временам шум срываемых кистей проса и чавканье. Вот послышались шаги, ближе и ближе. Я притаил дыхание. Мимо нас так близко, что я мог бы достать стволom, прошла свинья, но сзади ее раздавалось более громкое пыхтенье, по которому я признал кабана. Левенталь хотел поднять ружье к щеке, но я дернул его за локоть и приложил указательный палец к носу.

Пройдя пять или шесть шагов, свинья остановилась и начала рвать и есть просо; немного не доходя нас, остановился и кабан. Я уже стал раскаиваться, что пропустил свинью, как услышал его приближение и, перестав дышать, подавил локтем Левенталя, давая знак сделать то же. Почти около моего уха кабан сорвал ветку проса; вот он начал огибать угол и, пройдя прямо перед глазами, остановился. Живая двенадцатипудовая масса едва не задевала меня: нас разделяло пространство в три шага.

Вдруг кабан поднял морду и подозрительно фыркнул: своим тонким чутьем он услышал незнакомый запах. Еще мгновение, и он бы улизнул. Но я поспешил предупредить его и, подняв ружье, пустил заряд ему в бок около лопатки. Эхо выстрела загрохотало далеко, перекатываясь по степи. Кабан сделал два прыжка и растянулся. Жеребий изломал ему ребро и разорвал сердце. Мы побежали к кабану; его массивное тело еще

слегка вздрагивало в предсмертных судорогах, но через минуту все кончилось

Прибежал Григорьев. Он тоже готовился выстрелить в крупную свинью, но мой выстрел испугал ее. Оставаться долее на этом месте было бесполезно: свиньи в эту ночь сюда уже не придут. Следовало или идти домой, или идти на другие хлеба. Левенталь и Григорьев избрали последнее, а я отправился в форт, куда и пришел в одиннадцать часов ночи. Поутру следующего дня, пока я спал, Григорьев распорядился привезти убитого кабана и свинью, которую убил после меня, оставшись с Левенталем. Я потребовал к себе Мантыка.

— Ну сказывай, что узнал о тигре?

— Ничего не слышал, нет и признака. Слышал ваш первый выстрел, думал, не отзовется ли на него тигр, долго прислушивался, наконец услышал второй выстрел перед рассветом, пошел на этот выстрел, нашел Григорьева, от него отправился на форт, взял телегу с лошадью, и втроем привезли кабана и свинью.

В этом не было ничего утешительного. Оставалось дать выспаться охотникам и тогда подумать, что делать. Два дня искали мы тигра, видели его свежие следы, но были ли то следы того тигра, которого нам велено убить, узнать было нельзя. Что тигры на острове есть — это не подлежало сомнению; но как найти их? Ведь теперь не зима, непрерывного следа нет, а камыши обширны, как море. Я стал терять всякую надежду и готов был вернуться в Раим. На четвертый день часов в десять утра пошел ко мне Мантык и попросил меня позволить ему сходить в один недалний камыш около пашен, в котором он видел свинью с поросятами; он надеялся поймать если не всех поросят, то несколько штук. Охота была слишком заманчива, чтобы не соблазниться ею, и я пошел с Мантыком. Как и все охотники, мы пошли не прямым путем, а заходили на осмотр мест, лежащих в стороне. Свинья с детьми от своего гайна не уйдет, следовательно, мы могли охотиться на нее, когда захотим.

Кос-Аральский остров прорезывают несколько оросительных канав. Вдоль одной такой канавы мы направились в дальнейший путь. Вал, образовавшийся из этой канавы, был на той стороне, по которой мы шли, канава — за валом, а за канавою начинались темные, непролазные камыши. Пройдя этим валом с версту или пол-

горы, вдруг мы услышали впереди, саженях в двадцати, страшный рев тигра, отчаянный визг свиньи и громкий треск камыша.

— Тигр напал на свинью, — сказал мне Мантык.

Что только было силы пустились мы бежать на крик, немного нагнувшись, чтобы не быть замеченными. Подбежав к месту боя, мы легли поперек вала и стали понемногу поднимать головы. Нам представилась интересная картина: тигр грыз кабана, кабан сажал на клыки тигра. Кабан очень ловко увертывался и, видимо, старался вырваться из могучих когтей кровожадного врага, но не мог; они не раз становились на дыбы; кабан все норовил дать стрелка, но тигр наконец схватил его левой лапой за голову около ушей, а правой — за спину и начал грызть затылок; таким образом, кабану было невозможно пустить в ход клыки, все усилия его вырваться были напрасны, и сражение, видимо, было им окончательно проиграно. Рев тигра и визг кабана были ужасны. Усиливаясь вырваться, кабан возил на себе тигра кругом, и камыш на этом месте был совершенно притоптан. Ключья щетины и мяса, вырываемые из шеи кабана пастью тигра, летели во все стороны; весь камыш был окрашен кровью. Кабан изнемог, стал возиться все тише и тише и наконец упал. Тигр прогрыз ему шею и позвоночный столб, так что голова совсем отделилась от туловища. Умаялся и тигр: он лег на брюхо около окровавленного трупа своего противника, высунул язык и усиленно дышал.

«Так вот ты где, приятель, предмет наших поисков!» — подумал я и подал знак Мантыку. Осторожно положили мы стволы на вал, прицелились, я щелкнул языком — условленный знак — и два выстрела раздались, как один. Когда рассеялся дым, мы увидели тигра, трепещущего на месте в предсмертной агонии. Одна пуля пронзила голову, другая вошла через переднюю лапатку. Можно было поручиться, что тигр не слышал наших выстрелов. Тигр и кабан были привезены в форт.

— Тот ли это тигр, который съел Плюснина? — спросил я Мантыка, улыбаясь.

— Разве тот тавренный был? Если не поверит комендант, пусть справится.

V. СМЕРТЬ МАНТЫКА

Постоянные, почти непрерывные охоты имели следствием то, что звери в окрестностях Раима стали редки и приходилось ездить на охоту за сотни верст. Свиньи удалились в непочатые еще камыши в устьях Куван-Дарьи и Джаман-Дарьи и в верховья Сыра, к Ак-Мечети, в 1853 году взя-

той штурмом и переименованной в форт Перовский. Тигры, неизменные спутники свиней, последовали за ними. В 1855 году, в котором я по обстоятельствам службы навсегда оставил Сыр-Дарью, охота на свиней и тигров была здесь уже редкостью. Судьба забросила меня в Грузию — «прекрасный, пышный край земли».

Мантык в 1858 году состоял в числе чинов гарнизона в форте Перовском и по-прежнему не изменял своей страсти, чуть не живя в степях и камышах. Я пропускаю несколько охот, в которых Мантык вступал в единоборство с тиграми и клал их мертвыми; о некоторых из этих охот я не имею достаточных сведений, о других, более замечательных, было уже мною рассказано в «Северной почте» (1859 год, № 192) и Гр. И — евым в «Русском шивалиде» (1858 год, № 21).

В 1858 году в ноябре месяце в форте Перовском выпал первый снег. Мантык после двенадцати геройски убитых им тигров собирался искать тринадцатого. А слухи были, что тигры сильно пошаливают, то где-нибудь коровку задушат, то барашка унесут. Но в темных частях камышах отыскать тигра без следов было столько же трудно, сколько и опасно: не зная, где тигр, легко попасть к нему в когти. Понятно, насколько обрадовал Мантыка выпавший снег. В тот же день, поутру, прискакали в форт два киргиза и потребовали, чтоб их допустили к коменданту. По поспешности и настойчивому

требованию киргизов было заметно, что случилось что-то необычное, — и их повели к начальнику форта. Через пятнадцать минут к последнему позвали Мантыка, от которого все узнали следующие вести.

В камышах озера Кутан расположился на зимовку аул, в котором находились и кибитки прискакавших киргизов. Жена одного из них, беременная в последнем периоде, пошла рано поутру рубить камыш на дрова. Киргизы ближний к кибиткам камыш не вырубают на дрова, а берегут как защиту от буранов и ветров, поэтому за дровами ходят дальше; здесь напал на нее тигр, разорвал у нее живот в тряпки и съел восьмимесячного ребенка со всеми внутренностями матери. Тигр съел бы ее всю, но вслед за нею шла, тоже за дровами, другая женщина, меньшая ее сноха; услышав рев напавшего тигра и отчаянный крик его жертвы, она тотчас побежала назад и рассказала об этом киргизам, которые с топорами и мотыгами отогнали зверя.

Комендант форта, генерал Дебу, предоставил Мантыку отыскать этого тигра. Заранее готовый к такой охоте, Мантык, конечно, только и ждал подобного случая и, сопровождаемый казаком и двумя солдатами, через полчаса оставил форт. На месте, на котором тигр растерзал женщину, снег был окрашен кровью. По осмотре следов оказалось, что тигр пошел в глубину камыша. Тигр от места, на котором ему удалось сытно поесть, далеко не уходит, а ложится поблизости, чтобы спокойно переварить съеденное. По следам, ясно отпечатавшимся на свежем снегу, охотники прошли с полверсты и наконец вошли в такой густой, толстый и высокий камыш, что идти в нем было весьма трудно. Вдруг на небольшой прогалине, поросшей густой кугой, охотники увидели тигра; он сидел на задних лапах и, по-видимому, прислушивался. Прежде чем Мантык успел взбросить к щеке свою двустволку, тигр одним прыжком скрылся в камыше. Надо заметить, что тигр никогда не бросается на охотников, если их несколько, но одному не дает пощады; на троих или четверых он кидается только в крайнем случае, когда очень голоден или когда ему преграждены все пути отступления. В этих случаях нападения его неотразимы и нужно иметь много мужества и ловкости, чтобы не потеряться и вступить в бой с таким страшным врагом. Стоит пропустить одно мгновение — и сражение проиграно.

Мантык с товарищами пустились за тигром. Отвязаться ли вздумал тигр от преследователей или был еще недостаточно сыт, только он прибегнул к своему известному маневру, то есть начал кружить, вышел на следы охотников и поменялся с ними ролями — из преследуемого обратился в преследователя. Лишь только Мантык заметил, что тигр кружит и что его след уже находится поверх их следов, как остановился и предупредил своих спутников, что дело приближается к развязке и что тигр сам напрашивается на нее.

— Тигр хочет кинуться на нас сзади, но если он увидит, что мы ждем его вчетвером, то уйдет и опять начнется бесконечное преследование. Отойдите вы в сторону, спрячьтесь так, чтобы вас не было видно, а я подожду его здесь один. Но как только услышите мой выстрел, немедленно бегите ко мне. На верность выстрела я надеюсь, но всяко бывает...

Не так говорил прежде Мантык. Его слова всегда были уверенны, решительны; в этом же наставлении товарищам звучала неприятная нота сомнения. Сердце — вещун; оно предчувствовало у Мантыка что-то недоброе.

Охотники удалились, а Мантык обернулся лицом в ту сторону, откуда пришел, и опустился на правое колено. Минут через пятнадцать послышался легкий треск и глазам Мантыка предстал во всем величии царственный обитатель сырских камышей — могучий тигр — и остановился. Зубы его оскалились, глаза загорелись, хвост захлестал направо и налево. Вот он прилег на брюхо и затопал задними ногами, то есть приготовился к прыжку. Мантык держал ружье у щеки и ни на одно мгновение не спускал прицела с широкого лба зверя. Тигр сделал движение... Мантык спустил оба курка разом... Взят ли он неверно лоб тигра на цель, или дрогнула рука, только пули вошли тигру в грудь, пониже горла, то есть сделали раны, ничтожные для него. Со всею стремительностью тигр смял Мантыка и с бешеным ревом стал терзать его, так что он не успел даже схватиться за кинжал, висевший сбоку. Прибежавшие охотники трусили: у них не хватало духу вмешаться в бой и выручить товарища. Мантыку, однако, удалось привстать из-под тигра на колени, обнять обеими руками врага около задних ног и бросить его о землю, но через мгновение борьба закипела снова.

— Гибну, братцы, стреляйте; если заденете меня — ничего, только стреляйте, — кричал Мантык.

Но трусы медлили, и, уже когда тигр, снова опрокинув Мантыка, стал с остервенением грызть его и когда Мантык отчаянным голосом закричал: «Помогите, спасите!», подбежал казак Раннев и выстрелил в тигра и упор. Таким выстрелом следовало бы сразу уложить тигра, но этого не случилось: выстрел был неверен. Тигр бросил Мантыка, кинулся на Раннева и смял последнего. По крику Мантыка солдаты запустили в бока тигра прижнутые к стволам ружей ножи и тем положили конец бою. Тигр издох на Ранневе, который встал из-под него невредим. Мантык же был не в состоянии подняться: тигр раздробил ему в куски бедренную кость правой ноги, измял правое плечо в бесформенную массу и содрал на голове местами кожу. Бедный Мантык весь с головы до ног обливался кровью. Каким-то чудом кинжал, висевший у Мантыка на бедре, оказался сорванным с пояса и был найден далеко в стороне.

Немедленно дано было известие в форт, и вскоре явился комендантский тарантас. Бережно уложили Мантыка и привезли в госпиталь. Усиленные старания докторов и отеческие заботы генерала Дебу не повели ни к чему: через пять дней Мантык скончался.

Так кончил славные дни свои знаменитый Мантык, помрачивший славу прославленного Жерара. Французский охотник бил львов из засады, из-за камней и скал, так сказать из-за угла. Этот же русский охотник уничтожал тигров в открытом бою, в единоборстве, решиться на что Жерар не смел и думать. Эти два знаменитых охотника имели только одинаковую участь: Жерар растерзан львом, Мантык загрызен тигром.

Последний тигр, брошенный на весы, потянул девять пудов двенадцать фунтов. Чтобы поднять и бросить о землю такую живую массу, нужна была силища не французская!..

Уральск, 22 января 1880 г.

Н. Н. Карзин

ОХОТА НА ТИГРА

Длинный ряд эпитетов, которыми тигра наградил изобретательный на все человек, указывает на его разбойничий характер: «хищный, коварный, злобный, свирепый, кровожадный, бешеный»... и так далее и ни одной гражданской доблести. Да и самые условия жизни этого хищника таковы, что, зародись в нем хотя одна искра добродетели, ему придется тотчас же положить зубы на полку и отказаться от удовольствия существовать на белом свете.

Вся жизнь тигра от самой минуты, когда его облизнет своим шершавым язы-

ком нежная маменька, и до самой смерти есть непрерывный поход с переменным счастьем, с удачами и неудачами, с блестящими победами, за которыми следует роскошное пиршество, и с поражениями, после которых приходится несколько дней зализывать кровавые рубцы и царапины и поститься с пустым желудком неопределенное время.

Самый непримиримый и заклятый враг тигра — человек; во-первых, самые доходные статьи — овцы, телята, лошади и разная домашность — зорко оберегаются человеком, и для того, чтобы до них добраться, надо или очень ловко уметь красть, или же покончить предварительно со сторожами; а во-вторых, самые «цари природы» составляют довольно лакомое блюдо, и тигры, которым несколько раз удалось попробовать человеческого мяса, до такой степени входят во вкус, что предпочитают ему всякое остальное и всю свою жизнь посвящают нераздельно этому совсем уже не гуманному промыслу.

Итак, между человеком и тигром идет непрерывная борьба «не на живот, а на смерть»; эпизоды этой в высшей степени разнообразной и интересной борьбы с ее особенностями, обусловленными местностью и степенью развитости одной из борющихся сторон — человека, составляют задачу моего рассказа, списанного прямо с натуры, без прикрас и романтических вымыслов, так любимых большинством туристов и охотников.

Дело было под вечер. Сибирские казаки подогнали уже табун с пастбища к самому лагерю на Чирчике, разобрали коней на приколы и торбы с ячменем навесили.

К ночи начинало морозить.

С краю у дороги лежали и тлели кучи сухого навоза, и белый, тяжелый дым стлался наискось, по-над плетеными камышовыми кибитками, над залитыми весенней водой берегами Чирчика, и тянулся далеко — вплоть до самой крепости, где стояло над рекой красное зарево от горевшего тростника на ротных солдатских кухнях.

Днем еще было очень тепло: хоть в одной рубашке так в пору; а к ночи, особенно к утру, когда вся окрестность белела от утреннего мороза и, словно высеребренный, колыбался камыш над лиманами (заливами), жут-

ко приходилось сибирякам в их холодных кибитках; плотно жались они друг к другу под войлочные кошмы или выползали греться у костров, там и сям разложенных под кручей.

Старый киргиз, пастух из Джулдамы, приехал верхом на своем тощем карабаире¹, потянул носом воздух и прищурил глаза; где-то мясное варилось, и на морозе запахивало сальцем... Задребезжала труба сигнальная: зовут к водопою... Прислушался киргиз: больно хорошо, — и побрел к лагерным воротам, где было поллюднее и казаки толпились у возов с артельным ячменем.

Пастух новость привез сибирякам, и новость занятную.

— А вы поглядывайте, — говорил он, — зимой не слышать было, а вот вчера сам видел двоих; на эту сторону из-за Дарий перебрались и от ваших косяков (табунов) недалеко ходят!

— А мы нешто без глаз, — говорили казаки, — чай, тоже свои мерена — не казенные!

А другие добавляли:

— Хоть бы поглядеть, братцы, что за штука такая джувльбарс²; говорят, страшная!

Потолковали, посмеялись, пастуха накормили, а потом и говорить перестали; однако на пастьбу стали выезжать с оглядкой; ружья заряжали каждый раз; а коли приходилось соснуть, то не все вдруг, как прежде, а тоже стали соблюдать очередь, потому — кто знает, что может случиться.

Дня через три рано утром, чуть только стало светать, два сибиряка из молодых — Ерошка и Данило Мамлеев — на неоседланных конях погнались из косяка в лагерь. Невзнузданные лошаденки бойко рысили рядышком, махая всклокоченными гривами. Скоро они поравнялись с барханом, который виден с чиназской дороги; там уже не более версты осталось до лагеря: длинные ряды кибиток чуть виднелись в утреннем тумане, и по ветру еле-еле доносило людские голоса и собачье тьявканье.

Оба коня шарахнулись и громко захрапели. Ерошка чуть-чуть удержался на своем, а Мамлеев так и загремел на мерзлую землю.

---

¹ К а р а б а и р — потомство от жеребца туркменской породы и кобылы казахской породы.

² Д ж у л ь б а р с — по-киргизски «тигр». — Прим. автора.

Что-то длинное полосатое лежало шагах в двадцати в канаве, вытянувшись во всю длину и спрятав широкую, круглую морду между передними лапами.

Поднялся Мамлеев на ноги, поглядел, куда ему Ерошка указывал, и снял из-за плеч винтовку.

— Пали, дядя, что ли... я опосля! — шептал ему Ерошка, едва сдерживая своего «буланку»; а «лысый» Мамлеева, задрав хвост кверху, давно уже вынесся на дорогу и скакал уже почти что у самого лагеря.

Пеший казак раза два прицеливался; приложится и посмотрит через прицел: что за диковина? А диковина лежит и не пошевелится, только кончик хвоста чуть вздрагивает, да у самого носа сухая трава колышет от сдержанного дыхания.

Гулко загудела винтовка. Тигр рывкнул, подпрыгнул аршина на два вверх и закружился на месте.

— Стреляй, брат, стреляй! — кричал Мамлеев, не попадая в дуло новым патроном.

Буланка вертится, как дьявол, трещит веревочный повод в сильной казачьей руке — как тут стрелять?.. Соскочил Ерошка на землю: его буланка подрал вслед за лысым. Близко подобрался сибиряк и выстрелил... Свалился тигр на бок, всадил в землю вершковые когти и замер.

Стали швырять в него комьями: не шелохнется. Ну, надо полагать, что издох.

Данило еще раз выстрелил для верности, только клочок красноватой шерсти взлетел на воздух.

Оставили казаки на месте свою добычу, а сами пошли в лагерь за лошадьми и телегой.

Весь лагерь собрался к пятой сотне — посмотреть на убитого зверя. Шестеро дюжих казаков едва сволокли его с телеги. Завыли собаки по лагерю, и лошади уши насторожили: потому — чуют.

Ну уж хвастались Ерошка с Мамлеевым: мы — не мы... Просто, хоть на десять таких тигров — то это все нам наплевать!..

Пришел из слободки бессрочно-отпускной солдатик; давно он уже живет в отпуску, с самого взятия Ташкента Черняевым и рыбной ловлей промышляет, а то и охотой забавляется. Что заработает, то и пропьет, благо кабаков в Чиназе больше, чем остальных домов, и везде торговля идет без задержки — нельзя пожаловаться.

Пришел солдат и посмеивается.

— А вы не больно храбритесь,— говорит,— это вас господь пронес милостиво: потому, тигра-то брюхата, а в таком случае все равно что человек, что зверь — от драки норовит подальше. А коли б,— говорит,— не было этого положения, он вам лохматку-то встрепал бы!

— Ладно! Мы еще поглядим, как встреплет-то, — проворчал Мамлеев, а сам на брюхо тигру поглядывает. — «То-то, — думает, — его как будто маленько раздуло!».

Стали взрезывать. Смотрят: парочка маленьких, словно котята, желтенькие такие, головастые, а поперек уже черные полосы показываются.

Вынули тигрят и всякий потрох, набили брюхо полынью и клевером (хотели к губернатору целиком в Ташкент везти, так чтобы не протух дорогою) и на арбу кокандскую взвалили.

— Ну, теперь, ребята, вы берегитесь, — говорил бессрочный, — по одному они никогда не ходят. Теперича вы хозяйку ухлопали, хозяин вам спуску тоже не даст: либо на вас, либо на ваших конях, а он зло свое сорвет-таки!

Сказал это слово солдат, посвистал своего Полкашку с оторванным ухом и заковылял по дороге к слободке, к тетке Бородихе в гости.

Ну и зорко же берегли казаки после этого случая и себя, и добро свое; сторожа все ночи глаз не смыкали, а в цепи вокруг косяков огни раскладывали; и ничего, бог миловал. Недели две все было спокойно. Слыхали раза два в камышах, на острове, глухое рычанье на утренней зорьке, но на эту сторону сам-то не показывался: тоже понимал, что не просто живут, а с оглядкой.

Прошло недели три. Мамлеев и Ерошка давно уже пропили ту пятидесятирублевую бумажку, что от губернатора за шкуру получили, и все пошло как по-старому. Был, правда, один случай, который напомнил казакам, что плошать не следует, да и о нем скоро забыли: не до того было. У сотенного одиннадцатой сотни славная была кобыла, рыжая, из орды: походом она жеребеночка принесла, такого шустренького, и ходил этот жеребеночек с маткой в общем косяке. Раз вечером пропала кобыла. Искали всю ночь, так и не нашли ничего, хотя кругом все изъездили. К обеду только пришла лошадь в

лагерь — одна без жеребенка, и весь зад в тряпки ободран, так что смотреть даже страшно: значит, в хороших руках побывала, в таких, что шутить не любят.

Рано утром шестеро казаков переправились вплавь через Чирчик и поехали, захватив с собою арканы, высмотреть, где бы удобнее было жать камыш на казачьи кухни; поблизости-то еще на зиму все пообчистили и до густых зарослей пришлось проехать верст пять, если не больше.

Дорога пошла узенькая, только что конному пробраться; по сторонам можно было по брюхо провалиться, потому — топко. Заехали казаки в камыши, такие камыши, что, словно лес, стоят справа и слева. Шажком друг за дружкой тянутся, посвистывают, трубочки покуривают, а ружья только у двух заряжены, а у остальных так только, для важности, за спинами болтаются, и патронов не захватил никто, кроме тех, что в ружьях.

Сзади всех ехал здоровенный казак Трофим Козаков; поотстал он немного, подкову киргизскую нашел на тропинке, так слез поднять, пригодится. Не успел он снова сесть на своего коня, как около него вдруг заревело что-то в камышах и перед самым лицом показалась громадная морда с красным, как огонь, языком и с белыми острыми зубищами.

— Батюшки, он самый! — взвыл Трофим, стараясь высвободиться из-под тяжести зверя.

Крепко налег на него тигр, повалив его поперек дороги. Зубами он схватил казака за левую руку повыше локтя и, не разжимая челюстей, мял ее во рту, так что кости трещали, а когтями впился в бок и за шею.

Не отпуская ни на одну секунду своей добычи, страшная кошка зорко следила за каждым движением остальных казаков и беспокойно била длинным хвостом по сухим стеблям измятого камыша.

Сильно оробели земляки с первого раза; у лошадей шерсть поднялась дыбом, а конь Трофима стоит тут же рядышком, смотрит мутными глазами на зверя и трясется, как в лихорадке. Часто случается, что на лошадей при встрече с этим животным нападает такая паника, что они останавливаются, как вкопанные, и как будто совсем забывают о том, что у них есть две пары сильных ног, которые могли бы спасти их от беспощадного, страшного прожоры.

Наконец оправились сибиряки, и те, что были с заряженными ружьями, взвели курки и потихоньку стали подъезжать к тигру.

Шагах в трех оба выстрелили разом. Дико завыл раненый зверь, подпрыгнул вверх выше камыша и рухнул в самую чащу; через несколько секунд казаки снова увидели его, уже в шагах в ста от себя, когда он, сделав громадный прыжок, показался над камышами.

Не решились казаки преследовать тигра, да и не с чем было; подобрали израненного, окровавленного Трофима и тихонько поехали в лагерь, приговаривая:

— Вот те грех. Экая притча случилась!

Закопошились сибиряки, когда узнали, какая беда случилась с Трофимом, и порешили промеж себя, что этого дела так оставлять нельзя. Отпросились у полковника — и в тот же день восемь человек что ни на есть лучших стрелков отправились в камыши.

Часа через полтора пришли на то место, где зверь мял их товарища; бурые пятна от крови виднелись на тропинке, и камыши в той стороне, куда ушел тигр, были местами обрызганы.

Шагах в двадцати нашли след когтистых лап, отпечатки задней пары были сильно углублены; здесь тигр сделал свой вторичный прыжок, здесь же казаки остановились и стали совещаться, как им поступать далее.

Поговорили малость самую и решили идти цепью по два человека, звено от звена не так чтобы очень близко, но и не далеко, чтобы голосом впору хватало. Пошли. Придерживались больше к средним, к тем, что шли по самым следам.

Все время им попадался камыш, обрызганный кровью на пол-аршина от земли; под одним из густых кустов тигр ложился ненадолго, тут и крови было побольше; потом опять шагов на десять виднелись следы круглых лап с подобранными когтями — здесь, видно, еще был сделан громадный прыжок, потому что след обрывался и казаки никак не могли отыскать его продолжения.

Снова собрались казаки, обошли кругом раза два, не нашли следа да и только, словно сквозь землю провалился. Промаялись вплоть до той поры, что уже к самому низу солнышко спустилось — и потянулись по камышам длинные тени, озолотились пушистые метелки, и засвежело по лиманам.

— Ну, знать, неудача, не в добрый час вышли! — решили охотники и все толпой побрели обратно на дорогу.

— А энто что, братцы? — сказал молодой казак, шедший впереди всех, и голос у него дрогнул и оборвался.

До той поры казаки шли молча, и этот тревожный оклик кольнул всякого в сердце и по телу мурашки забегали. Подняли глаза охотники — и все разом увидели то, что целый день искали так неудачно.

Широко шагая, далеко оттягивая назад задние лапы, тигр шел, почти касаясь земли своим грязно-белым брюхом; казалось, что длинное, полосатое тело ползло по сухим камышам. Без звука, без малейшего шелеста скользил зверь по зарослям, опустив к самой земле голову, обрамленную густыми белыми бакенбардами, и волоча за собою длинный кольчатый хвост. Он, казалось, не замечал охотников, хотя зеленые глаза его в сумерках горели, как светляки, и каждому казаку чудилось, что свирепый взгляд обращен именно на него. Восемь человек, каждый с винтовкой в руках, стояли неподвижно, словно очарованные.

Тигр шел наискось, расстояние между ним и казаками становилось все меньше. Вот он перешел через тропинку, ни один прутик не заслонял его от пуль, а охотники все стояли да глядели. Приостановился страшный зверь, прилег на землю и глухо зарычал, как бы раздумывая: начинать ли ему схватку или не стоит связываться; вероятно, последняя мысль переселила, потому что тигр тихонько, не оглядываясь, начал удаляться от стрелков.

Две пули, одна за другой, глухо стукнули в живое тело.

Заревело раненое животное и только хвостом мелькнуло в густой чаще.

— Врешь, не уйдешь! — закричал один из казаков, Трофимов племянник, и бросился вслед за уходящим зверем, за ним кинулись остальные.

Никто не разобрал, как и что такое случилось в такой гущине, где повернуться было трудно. Несколько выстрелов блеснули в темноте, слышался тяжелый человеческий стон и хрипение насмерть раненного тигра.

Вытащили казаки на чистое место своего мертвого врага, потускнели страшные глаза, и оскаленные зубы прикусили конец высунутого на бок языка.

Вынесли и казака, что попал в недобрые лапы; целое

бедро у него было вырвано, и горячая кровь хлестала пршина на три. Перевязали раненого кое-как рубашками и понесли домой на ружьях. Так и не приходил в себя бедный казак, помер часа через три в судорогах.

Дешево досталась казакам хозяйка, да не так легко поладили они с хозяином: один казак на тот свет отправился, а другому руку до самого плеча отрезали.

Однако за шкуру пятьдесят рублей все-таки получили от губернатора: зачем пропадать, годится детишкам на молочишко.

Не знаю, чем руководствуется тигр при выборе жертв, когда несколько живых существ, да еще разнообразных, предоставляют ему одновременно одинаковые условия для нападения, но только выбор этот бывает чрезвычайно оригинален.

Раз под вечер между Джульдамой и Чиназом — когда русские не успели еще вырубить и сжечь всех камышей в окрестности и по обеим сторонам узкой дороги много выше всадника колыхались пустые беловатые метелки — шажком пробиралась небольшая группа всадников.

Это был сборщик податей Кураминского района со своими помощниками и слугами джигитами. Всех путешественников было человек восемь, и поезд этот тянулся довольно длинной вереницей. Впереди всех, задрав пушистый хвост, бежала небольшая дворовая собака с бубенчиком на косматой шее.

Вдруг громадный старый тигр, перепрыгнув ближайšie к дороге кусты молодой джиды, показался на тропе, между последним и предпоследним всадниками. Размашисто шагая, почти скользя по земле, хищник в несколько мгновений обогнал всю кавалькаду, схватил бедную собаку, прежде чем кто-либо успел опомниться, — и скрылся. Жалобный собачий визг раздался по крайней мере шагах в трехстах от места нападения.

Это случилось почти в виду киргизских аулов, расположенных поблизости дороги, так что легко слышны были человеческие голоса и в вечернем воздухе пахло дымом горевшего камыша.

С большим трудом перебрались мы через Чирчик между Ташкентом и Той-Тюбе: река эта, разветвляясь на несколько рукавов, широко разливается по каменистому руслу, и переправа тянется по крайней мере с версту.

Небольшой слой мокрого снега выпал на глубокую грязь, и колеса нашего легкого казанского тарантаса вязли почти по ступицу. Измученная тройка едва вытаскивала экипаж, натягивая, как струну, веревочные постромки.

Холодный ветер бил в лицо, по небу неслись разорванные темные тучи. На тощих деревьях по сторонам дороги сидели печальные грачи, прижав свои мокрые головы так, что только длинные, толстые клювы торчали на виду. Поминутно слышалось вытье волков или тревожное хлопанье мокрых крыльев спугнутой нашим приближением пары уток.

Чуть-чуть рассветало.

Несколько конвойных казаков, завернувшись в верблюжьих башлыки, плелись по сторонам и сзади экипажа, и у всех была одна заветная дума: «Когда же наконец кончится эта проклятая дорога?..».

Вдруг вся тройка замялась на совершенно ровном месте и остановилась. Коренная попятилась назад, пристяжные жалась к оглоблям. Лошади храпели и насторожили уши; верховые казачьи кони тоже обнаружили небольшое беспокойство.

После нескольких ударов кнута и криков, не принесших желанных результатов, мы вышли из тарантаса с намерением исследовать причину страха. Первый открыл ее джигит-киргиз, ехавший с нами на козлах, и указал нам.

Заветной чертой, которую не решались перешагнуть наши кони, был свежий след тигра, перерезывающий дорогу; рядом с отпечатками лап виднелась широкая полоса, будто бы животное волочило за собой громадную тяжесть.

Судя по свежести следа, зверь прошел не более как за несколько секунд перед нами; если бы было немного светлее, мы, вероятно, видели бы его в то время, когда он переходил дорогу.

Глубокие впадины следов на наших глазах засасывались топкой солонцеватой грязью.

Повозившись немного с лошадьми, мы одолели-таки овладевшую ими панику и тронулись дальше.

Скоро зачернелось перед нами длинное строение. Это был *караван-сарай* (постоялый двор), стоящий вдали от всякого жилья на полдороге между переправой и Той-Тюбе.

Передний фасад этого здания составляли две небольшие сакли, сложенные из глины, и между ними ворота с навесом, запирающиеся двумя довольно толстыми жердями.

Просторный открытый двор был обнесен высокой глинобитной стеной. С одной стороны двора, вдоль стены, тянулся легкий навес с нагроможденными на нем запасами топлива и клевера. Несколько тощих коров и десятка три овец и коз жалась от холода по углам двора; две оседланные лошади стояли под навесом, покрытые с головами теплыми, ковровыми попонами.

Первое известие, которым встретил нас пожилой таджик, хозяин двора, было то, что за час перед нашим приездом у него был непрошенный гость, наделавший хозяину много убытков.

Старик взял фонарь, повел нас в глубину двора и указал нам тигровые следы одинаковой величины с виденными нами на дороге.

Тигр перескочил через стену аршина четыре вышиной, несмотря на крики и шум перепуганных обитателей нахально побегал по двору, как бы выбирая, чем бы лучше поживиться, и наконец, схватив большой шерстяной *кап* (батман) с бараньим салом, стянул его с арбы и прежним путем отправился восвояси. В капе было более восьми пудов сала, накопленного хозяином для ташкентского базара.

Так вот что волок полосатый вор, напугавший так нашу усталую тройку!

Раз как-то мне особенно везло: моя Альфа вела себя очень хорошо, не порола горячки, по обыкновению, и твердо выдерживала стойку. Пар шесть красивых фазанов висело у меня на поясе, и я, увлекшись удачной стрельбой, довольно далеко забрел от форта.

Волнистая местность, густо заросшая джидой и саксаулом, прорезывалась там и сям узенькими тропинка-

ми, проложенными верблюдами, которые очень любят лакомиться молодыми побегами этой чисто степной флоры. Помимо этих тропинок почти невозможно было пробраться, да и не делая подобных попыток, вы рисковали возвратиться домой в костюме Адама, оставив на колючих шипах степного терновника бранные остатки своего костюма. Только несокрушимые кожаные киргизские шаровары — чамбары — да армячиные серые рубахи могли с успехом выдержать борьбу с этой колючей растительностью.

У меня была короткоствольная, горластая ижевская двустволка, которая была превосходно только мелкими номерами дроби и с очень небольших расстояний: такие ружья особенно хороши для стрельбы фазанов — птицы нежной, не требующей большой силы удара, а между тем вылетающей из чащи быстро и неожиданно.

Последний убитый мною фазан перекувырнулся в воздухе и наискосок упал в кусты, шагах по крайней мере в тридцати от дороги. Альфа кинулась за ним и несколько минут не возвращалась. Вдруг я услышал боязливое повизгивание моей собаки, и вслед за этим мой добрый спутник выбежал из чащи со всеми признаками сильного испуга.

«Что бы это могло значить?» — подумал я и решился исследовать причину страха.

Осторожно раздвигая колючие ветви, я начал пробираться между кустами, пристально всматриваясь вперед. Едва я прошел шагов двадцать, как меня поразил острый спиртуозный запах, похожий на тот, который всякому удавалось слышать в бродячих зверинцах. Я тронулся еще шага четыре вперед и ясно расслышал тихое, но уже сердитое мурлыканье.

Благоразумие подсказывало мне начать немедленно отступление, а любопытство заставило меня раздвинуть стволами ружья ближайшие ветви саксаула.

— А, вот оно что!..

На небольшой, плотно умятой площадке, не более сажени в диаметре, лежала пара недельных тигрят. Они были ростом с обыкновенную кошку, только гораздо массивнее сложены, и с большими, совсем уже не по росту головами.

Братцы, а может быть и сестрицы, усердно теребили именно моего фазана, ссорясь между собой уморитель-

нейшим образом. Увидя мою бороду и стволы, молодые зверьки примолкли и, не выпуская из зубов птицы, попятись назад, моргая со страху глазенками; залепленные пухом рыльца тигрят были очень комичны.

Однако долго наблюдать эту картину было не совсем удобно; с минуты на минуту могла вернуться маменька, и с чем я мог ее встретить? С моим ружьем, страшным только для фазанов, а уже никак не для такой крупной дичи.

Это теперь, вне всякой опасности, я припоминаю подробности моей встречи, а в ту минуту сердце прыгало у меня в груди и душа ушла если не совсем в пятки, то, наверное, очень неподалеку от них.

Тихонько, задом, я стал отступать на тропинку. За всяким кустом мне чудился страшный шорох... Я начинал проклинать свое любопытство.

Едва я выбрался на чистое место и немного перевел дух, как, подобрав левою рукою свой тяжелый ягдташ, чуть не бегом пустился улепетывать — подальше от страшного соседства. Альфа держалась у самых ног: она была напугана больше своего господина.

Заунывный рев долетел до моего слуха; я поддал ходу. Через минуту этот рев повторился не более как в полуверсте за мной, потом еще ближе. Зверь меня преследовал... это было ясно.

Какое-то внутреннее чувство заставило меня обернуться; я обернулся и остолбенел...

Тигрица находилась от меня не более как в ста шагах; с глухим, сердитым рычанием она бежала по моим следам.

Спасаться бегством нечего было и думать, а уж если и приходилось погибать, так лучше не даром: надо было сделать все, что только возможно с таким слабым оружием, какое было у меня; со мной даже ножа не было: подобная неряшливость более нежели непростительна; приходилось за нее дорого разделяваться.

Я взвел курки и присел на одно колено. Тигрица приостановилась в восьми шагах от меня и прилегла на тропинку. Мы смотрели в глаза друг другу. Страшная минута, о которой даже теперь я не могу вспомнить без внутреннего холода.

Минуты две мы находились в таком положении. Зверь начинал заигрывать со мною: то прищурит свои свире-

тые глаза, то подвинется ползком еще на шаг вперед, и все это сопровождалось зловещим рычанием, вылетающим из-за страшных, оскаленных зубов.

Я целил как раз в глаза зверя. Я решил не дожидаться прыжка — момента, в который я легко мог бы промахнуться, — и выстрелил...

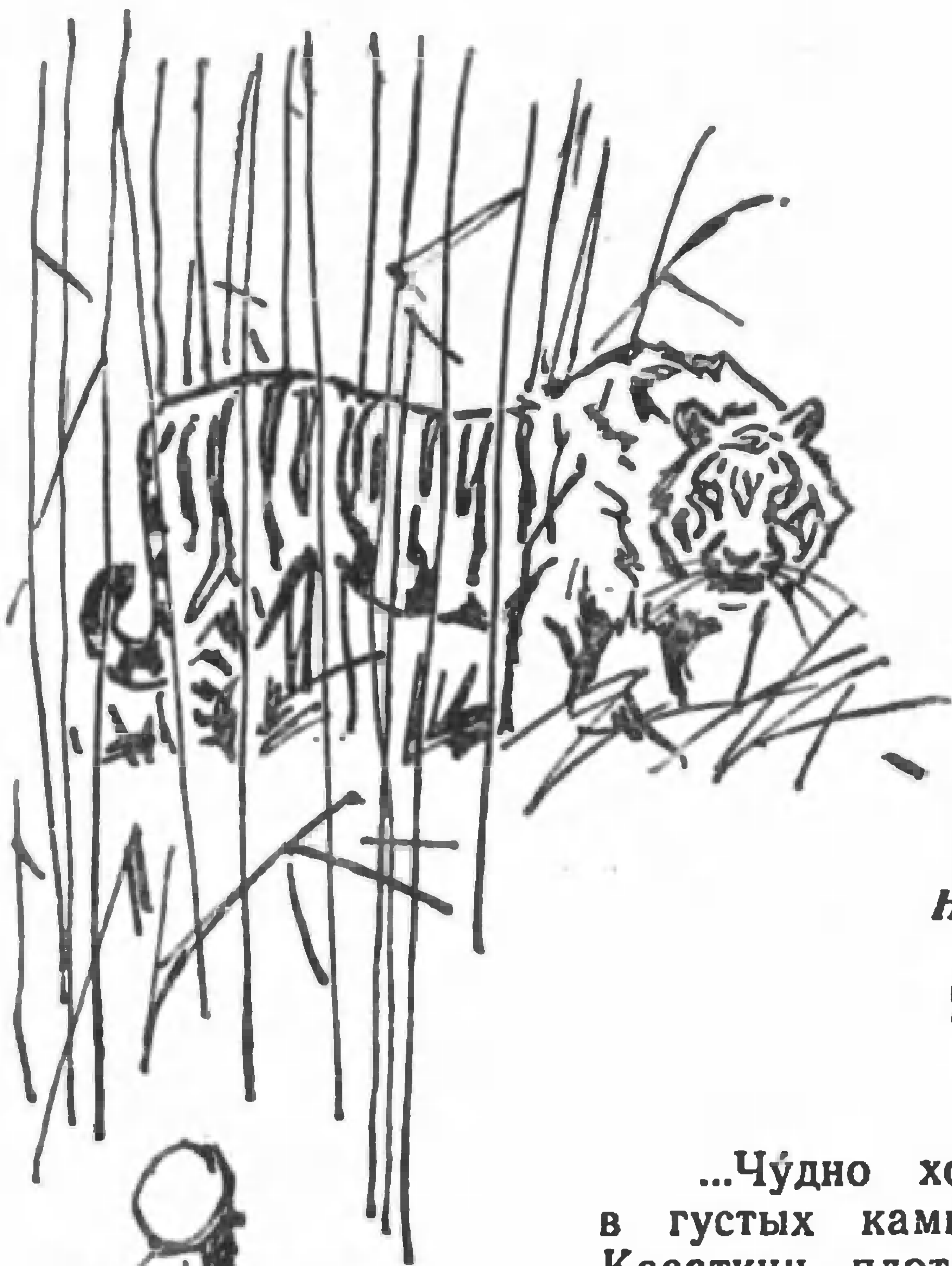
С ужасным ревом тигрица поднялась на дыбы. Боже!.. Как громадна она показалась мне в это мгновение! Ломая вокруг себя сучья, зверь метался и прыгал, обтирая свою морду передними лапами; эти бешеные скачки были бессознательны — тигрица была слепа: я выбил ей разом оба глаза.

Что есть духу, бегом, бросив на дороге оборвавшийся ягдташ и фазанов, я пустился по тропинке и уже на берегу Дарья, в виду глиняных укреплений форта, упал на землю в полном изнеможении.

Моя Альфа улеглась рядом со мною, держа в зубах одного из растерянных мною фазанов, которого она успела подобрать во время нашего позорного бегства.

Через неделю киргизы, пасшие верблюдов в саксауле, набрали на полуобглоданный волками труп тигрицы. Бесчисленные муравьи доканчивали работу четвероногих падальщиков, киша черными толпами около разлагающегося трупа.

Тигрят, несмотря на все старания, не могли отыскать вовсе, хотя целая неделя употреблена была именно на это предприятие.

Н. Н. Карзин

В КАМЫШАХ

...Чудно хорошо было в густых камышах, когда Касаткин, плотно позавтракав у гостеприимного Нурмеда, выбрался из полувыворевшей полосы, прилегающей к самому берегу реки, и попал в нетронутую, первобытную глушь почти тропических джунглей. Все, куда только ни хватал глаз, представляло собою непроходимую, сплошную чащу гигантских стеблей: пушистые метелки высоко колыхались, рисуясь в дымчатой синеве утреннего неба; словно кусочки зеркал, блистали и искрились покойные затоны; нога вязла в мягком мхе болотистых прогалин, а ты-

сячи самых разнообразных ярко окрашенных птиц поминутно вылетали из-под ног, поднимались на недостижимую высоту, исчезая в воздушном пространстве, или, стелясь над самыми зарослями, перелетали на другое, более спокойное место.

Дикая свинья с поросятами шарахнулась из-под густого куста джиды, хрюкнула, оцетинилась на подлетающую к ней с лаем Альфу, но заметила парусиновую рубаху охотника и тяжело побежала меж кочек, спасая свое хрюкающее и повизгивающее семейство. Острая, ушастая мордочка степного волка показалась невдалеке и спряталась; живая, блестящая, словно стальная пружина, змейка переползла через кабанью тропу, по которой шел Касаткин, и стала зарываться во мху, шипя и выставляя по временам свою злую головку... Тс!.. Альфа сделала мертвую стойку.

— Берегись! — чуть слышно произнес Касаткин и осторожно взвел курки, прижав спусковые крючки, чтобы не слышно было щелканья.

— Пилы!

Глухо хлопая крыльями, вылетел громадный фазан-петух, ярким пятном блеснув на солнце.

Синий дымок выстрела закрыл его на мгновение, ветер подхватил эту далекую струйку, подхватил и два-три цветных перышка, замелькавшие в воздухе, а убитая птица, перекувырнувшись раза два, как камень полетела вниз, прямо в чащу, — и ее длинный хвост показался еще длиннее, мелькая в этом быстром полете.

Не успел охотник продуть ствол ружья, не успела Альфа принести отысканного фазана, а уже справа и слева еще слышится тревожное хлопанье крыльев — и из камыша, словно ракеты, взлетают красные птицы.

«Бух! бух!» — только и слышится в камышах, и протяжное эхо несет далеко звук этих выстрелов, несет до самого аула, временно расположившегося у затонов. Встревоженная киргизка внимательно прислушивается к непривычному звуку, оставив на минуту тяжелый пест, которым она толкла сухое просо в неуклюжей деревянной ступе.

Десятка два верблюдов паслись в сторонке — и те подняли глупые мохнатые морды и перестали пережевывать свою вонючую жвачку; тощие собаки, игравшие с голыми закопченными ребятами, подняли усиленный

вой; а сам старый пастух Гайнула прикрикнул на свою разыгравшуюся отару, прислушался еще немного и машинально пощупал нож за поясом, как бы думая: «Все лишняя осторожность не мешает. Мало ли какого дьявола принесет с той стороны, где слышатся эти подозрительные выстрелы!».

А Касаткин, знай, палит и палит; и забыл он в эту минуту все на свете, кроме ружья и на славу выдрессированной Альфы...

Солнце высоко поднялось, стало над самой головой и сильно припекает верхушки зарослей. Устал Касаткин — сел на одну из кочек, что оказалась посуше; снял шапку и вытер платком свой вспотевший лоб.

— Есть хочешь, а?.. Погоди: вот придем в аулы — там дадут тебе хорошую баранью кость, — погладил он по голове Альфу, все как-то жавшуюся к его боку.

«Верно, в сумке кусок чего-нибудь съестного остался, она чует», — подумал охотник и стал шарить рукою именно в том отделении, где могло бы оказаться съестное. Однако ничего не оказывалось.

— Да ты чего визжишь?.. Чего ластишься?.. Эге, кто там?..

Касаткин стал подозрительно оглядываться. Он заметил наконец, что собака беспокоилась — и ее гладкая шерсть, особенно на шее, становилась дыбом, и в визге ее слышались то боязливые, то сердитые ноты.

Два желтых, круглых, как пятак, глаза пристально смотрели на Касаткина сквозь решетку камышовых стеблей. От этих глаз охотника отделяло не более двадцати шагов. Вздрогнул Петр Михайлович — и как ни привык он к подобным встречам, но все-таки невольный холод пробежал по всем его жилам.

Не спуская глаз со страшного противника, охотник ощупал в кармане свинцовые круглые пули и осторожно опустил их в стволы своего ружья поверх зарядов. Медленно сполз он с кочки, прижался к ней боком, став на одно колено, почти присел к самой земле и приложился.

— Альфа, тише... сиди смирно! — шептал он собаке, которая вертелась и грозила подтолкнуть руку охотника в самую критическую минуту.

Страшные глаза вдруг мгновенно исчезли. Только тихий шелест камыша слышался на том месте, и как-то подозрительно колыхнулись высокие стебли совсем не в

том направлении, как колыхал их налетающий из степи горячий ветер.

«Что за черт?! — удивился Касаткин. — Хитришь, брат, знаем мы твои все уловки!..».

И, не меняя позы, остался на том же месте, только стал пристально поглядывать по сторонам: не покажется ли враг где-нибудь справа или слева.

Почти полчаса охотник находился в таком положении: ноги затекали, колени онемели, руки дрожали, и глаза стали слезиться от постоянного напряжения.

«Ушел, должно быть!..» — подумал он, несколько приподнялся и сел опять на кочку, расправляя свои усталые члены.

Альфа тоже успокоилась и отбежала даже от ног своего хозяина за каким-то немаловажным делом.

По всему видно было, что тигр, заметивший, как охотник принял меры к встрече (вероятно, хищнику уже приходилось встречаться с человеком), поспешил отретироваться, благоразумно уклоняясь от неверного боя.

Проголодался Касаткин сильно и направился в ту сторону, где стояли кибитки дальних аулов. Шел он с оглядкой, осторожно: не выскочит ли засевший на тропе враг — и часа через полтора ускоренной ходьбы выбрался на простор, где по извилистому берегу солонцеватого затона стояло несколько киргизских кибиток.

— Ой-ой!.. — неистово завизжала краснощекая толстая девка и спряталась за кучи нарезанного камыша. Она была совсем голая и чинила иголкой свою синюю бумажную рубашку. Касаткин по деликатничал и сделал вид, что не заметил сконфузившейся степной красавицы.

— Амань (будь здоров)! — произнесла старушка, что толкла в ступе просо.

— Откуда Аллах принес? — произнес старый-престарый киргиз с совершенно пожелтевшей бородой, весь темно-коричневого цвета, и, казалось, можно было пересчитать все самые мельчайшие косточки под этой жесткой старческой кожей.

— Из камышей, — отвечал Касаткин. — Да будет над тобою милость пророка, Мулла-Ашик! — приветствовал он старика и пожал протянутую ему костлявую руку.

Это был отец старого Гайнулы, к которому у Касаткина было поручение от Нурмеда-перевозчика.

— Много настрелял красной птицы! — сказал Мулла-

Ашик, указывая на пояс охотника, весь увешанный дичью.

— Да чуть такого не подстрелил, что сам не рад бы остался! — сказал Касаткин, опускаясь на войлок рядом со старым киргизом.

— Всё каргаулы¹ больше! — заметил другой киргиз, помоложе, неожиданно вывернувшись из-за кибитки.

— А чего же еще? Я шел больше все сухим местом; другой птицы не попадалось!

— Кого же ты чуть не подстрелил? — спросил старик.

— Джульбарса (тигра). Подобрался он ко мне тихо-тихо, еще бы минута — пропал бы совсем, да спасибо — собака почуяла; ну, я и успел приготовиться!

— Она у тебя умная, — заметил Мулла-Ашик и поласкал Альфу. — Не то что наши поджарые! — он кивнул головой десятка на два тощих борзых собак, лениво гревшихся на самом припеке. — Те глупые, ничего не понимают!

— Ну, что же джульбарс-то? — любопытствовал другой киргиз.

— Ушел!

— Ой-ой! Ну, спас тебя Аллах, а то бы опять, как в прошлом году... Помнишь?

— Еще бы забыты! А Гайнула где? — спросил у старика Касаткин.

— На степи, в ту сторону, где гнилые колодцы; верблюдов пасет и отары там же наши, с ним и ребята. К ночи пригонят сюда поближе. Ты здесь ночевать будешь?

— Конечно!

Касаткин разулся, снял с себя все лишнее, остался в одном белье и прилег на войлоке в ожидании обеда. Альфа побежала сводить знакомство с борзыми и сейчас же с визгом вернулась назад, недовольная сердитой встречей какого-то бесхвостого пса, обгладывавшего и без того обглоданный череп жеребенка.

...Подали обедать. В плоских деревянных чашках поставлены были на войлоке перед гостем: вареная, мелко изрезанная баранина, лапша и кумыс. Все общество собралось и уселось вокруг чашек: мужчины — у самых кушаньев, на почетных местах, женщины — немного подалее, а ребятишки — те уже совсем в стороне вместе

---

¹ Каргаулы — по-киргизски «фазаны». — Прим. автора.

со сбежавшимися со всех сторон собаками, в ожидании, когда и им перебросят кусочки аппетитно пахнувшего мяса и отдадут в полное распоряжение чашки с остатками лапши и прочие объедки. Краснощекая девка — та совсем не садилась, ходила все то в кибитку, то из кибитки, возилась у огня, звякала какими-то металлическими посудинами и, видимо, хозяйничала, подгоняемая одобрительными понуканиями старого Муллы-Ашика.

Пообедали, натянулись кумысом и залегли спать до вечера; вернется Гайнула с работниками, подгонят стада — и надо будет доить кобыл и собирать ужинать усталым, проголодавшимся пастухам.

Крепко спал Касаткин, крепко спала подле него и визжала во сне его Альфа; словно мумия, неподвижно лежал на спине старый Ашик; густым басом храпел молодой киргиз за кибиткой, спала старушка, прикурнувши головой на мохнатое верблюжье седло; спала красавица и, верно, видела во сне гарцующих джигитов, потому что ее рот, обрамленный толстыми, красными, как свежая кровь, губами, из-за которых сверкали ярко-белые, здоровенные зубы, широко улыбался, пропуская какие-то бессвязные бормотания; спали все псы, спали ребяташки, расплзшиеся куда ни попало... Все спало... И только легкий степной ветерок тихо проносился над сонным аулом, пошевеливая легонько какими-то цветными тряпками, развешанными для просушки между кибитками на тонких волосяных арканах.

Опять два желтых круглых глаза осторожно выглянули из-за опушки камышей и скрылись; показались с другой стороны и тоже спрятались. Выдвинулась круглая морда, обрамленная белыми бакенбардами; показалась лапа, вооруженная вершковыми когтями; лапа эта была приподнята, как у кошки, когда та сторожит отверстие в углу комнаты, из которого должна, по ее расчету, выглянуть вороватая мышка, как у охотничьей собаки, когда она, почуяв притаившуюся меж кочками птицу, делает мертвую стойку, — так у тигра, готового сделать последний прыжок на обреченную погибели жертву.

Страшный детский визг разом поднял на ноги весь уснувший аул; затрещали камыши, раздвигаемые прыжками полосатого хищника... Между ребятами не досчита-

лись одного, самого большого, что ушел подальше от кибиток и спал на тропинке в тени куста джиды, отдельно растущего у самой опушки.

— Вот уже третьего!..— завывая и всхлипывая, говорила Касаткину старая киргизка, когда все понемногу успокоилось и затихла поднятая тигром суматоха.

— Вторая неделя, как пришли сюда эти дьяволы и не дают нам совсем покою! — сообщил молодой киргиз, сильно жестикулируя руками и натравливая в камыши на весь аул развывшихся собак.

— Воля Аллаха, и никто против нее не станет! — нараспев произнес Мулла-Ашик и стал моститься на кошме, предполагая снова погрузиться в созерцательное состояние.

Одна только краснощекая девка бегала по аулу, скликала и сгоняла в кучу перепуганных ребят, проверяя, которого же это из этих чумазных карапузиков уволок джувльбарс, таким разбойником подкравшийся к сонному аулу.

— Что же вы не прислали сказать в Чиназ? — говорил Касаткин молодому киргизу.— Мы бы собрались и постарались избавить вас от этого соседства. Сколько их тут?

— Два: отец с женою. Та больше при детях, должно быть еще подростки; наши при стадах видели раз; совсем маленькие, а отец здоровенный, такого большого мы еще сроду и не видели,— отвечал джигит.— Это, должно быть, отец приходил!

— Это я, верно, с ним и встретился сегодня, когда шел солончаками понизу; тот порядочный!

— Лошадь задушили, вороную, лысую, что, помнишь, я к тебе в Чиназ приезжал — еще хромала тогда!

— Ну, помню!

— Верблюжат двоих; джигиту Байтаку бедро измочалил совсем — тот помер. Да что, самого Гайнулу чуть не съел, уж мы и не знаем, как его Аллах уберег!

— Надобно сейчас же дать знать, а то теперь они разлакомились у вас на свободе еще и не такой беды наделают!

— Гайнула сам собирался к тебе ехать да что-то раздумал, до следующего базарного дня отложил!

— Ну, ладно, ладно,— утешал ее Касаткин,— вот,

может быть, уьем — шкура моя, деньги от губернатора ваши! ².

Погоревали, погоревали еще о случившемся, да и перестали. К вечеру, только стало заходить солнце и красный диск его опустился к самым камышам, что синей полосой тянулись по горизонту, слышалось вдалеке, со стороны степи, разнообразное блеяние овец, звонкое ржание лошадей и резкие, пронзительные крики верблюдов: то Гайнула с джигитами гнали стада на ночлег. Из всех остальных кибиток высыпали женщины в белых тюрбанах и синих рубахах; у каждой в руках была какая-нибудь посуда — они поджидали прибытия кобыл, которых нужно было доить на кумыс.

Гайнула приехал верхом на тощем жеребце карабаире, слез с лошади, бросил ее так у кибитки без привязи и подошел к Касаткину.

— Ну, здравствуй. Вот спасибо, что к нам зашел! А я было сам к тебе собирался! — сказал он нашему охотнику.

— Знаю, — отвечал последний. — Мне уже все рассказали!

— Да чего рассказали, — вмешался в разговор старик. — Сам своими глазами видел!

— Бабы у тех еще кибиток мне говорили! — заметил Гайнула, кивнув головою назад.

— Без настоящего припаса пришел я, — начал Касаткин, — собираться долго некогда было, да, признаться, я и не думал, что они к вам забрались, полагал, что у Чирчика теперь держутся!

— Эти снизу пришли; я по следам видел: из тех камышей, что за гнилыми колодцами; даже через степь шли — немного, а шли. Мы с джигитами как увидели следы в степи — просто глазам не поверили...

— Так ты вот что устрой мне... — перебил его Касаткин.

— Вот садитесь, за едой и будете говорить! — пригласил старик пастуха и гостя ко вновь поставленным на войлоке чашкам.

— А и то правда... Садись, приятель!
Все уселись.

---

² Ссылка на установленный обычай платить по двадцать пять рублей за каждого убитого тигра. — Прим. автора.

— Пошли ты в Чиназ кого-нибудь к Бабаджаку! — продолжал Касаткин.

— Это что у базара живет?

— Тот самый!

— Ну, пошли ты к Бабаджаку и скажи ему все, что знаешь о тиграх; да уведоми, что я уже здесь и чтобы он, захватив с собой ружья (он уже знает какие), немедленно сюда приезжал. Трубаченко, высокому, толстому...

— Знаю и Трубаченко — *тюра* (начальник)!

— Ну так вот, ему тоже скажи: может, и он соберется. Водки чтобы привозили с собою бутылок десятков...

— Ой-ой, много!

— Рому тоже... Мы у вас тут, может, недели две проживем; что там в Чиназе-то делать?

— А тигра убивать когда будешь?

— Вот у нас вчера новолуние было. Дней через пять ночи посветлее будут, мы их всех передушим!

— А то они вас, может!

— А то они нас, как случится!

— Воля Аллаха, от судьбы не уйдешь! — возразил старик.

— А пока спать будем ложиться! — предложил Гайпула и, не дожидаясь ответа, лег на войлоке, положил седло под голову и заснул почти мгновенно — заснул так, как может спать киргиз, весь день прокарауливший свои несметные отары.

Ветер подул со степи на реку — и сплошная стена камышей была под ветром. Этим обстоятельством воспользовались, чтобы расчистить как можно больше места вокруг аула и предотвратить насколько-нибудь возможность повторения атак со стороны колоссальных кошек.

Несколько женщин с пучками зажженного камыша пошли к зарослям, размахивая вокруг своими незатейливыми факелами. Какими-то адскими фуриями казались Касаткину эти полунагие дикарки, с песнями и воем устремившиеся к камышам; искры разлетались во все стороны и осыпали бегущих, собаки с лаем и визгом обгоняли женщин, ребяташки прыгали и бесновались, верблюды глупо смотрели на эту оригинальную сцену, а лошади испуганно жалась ближе друг к другу.

ке и фыркали, готовые сорваться со своих прочных приколов. Одни только мужчины спокойно лежали на своих местах, равнодушно ожидая гомерического фейерверка.

Там и сям вспыхнули отдельные кусты камыша, и яркий, кроваво-красный свет озарил все становище. Длинные извилистые языки пламени потянулись по ветру, слизывая сначала вершины стеблей, а потом все глубже проникая в самую густоту чащи... В озаренных заревом полосах густого дыма замелькали крылья птиц, встревоженных ночным пожаром, и глухой гул, сопровождаемый треском горевшего камыша, волнообразными перекатами проносился в ночном воздухе.

По темно-синему небу расползались кровавые полосы зари, — и скрылись в нем до этой минуты ярко сверкавшие звезды.

Словно островки посреди яркого моря пламени, чернели водные затоны, огибаемые разрушительным потоком; и сколько скопилось там всего живого, спасавшегося от гибели под благодетельным покровом болотной сырости!

Уходите, черти полосатые, уходите подальше!

Не ищите наших детей и не трогайте нашу скотину! —

нараспев причитали фантастические фигуры, перебегая от одного куста к другому.

Долго во всем кочевье было светло, как днем, от зари; старуха, что хозяйничала в кибитке Гайнулы-бабая, успевшая выспаться досыта днем, принялась было чинить какое-то тряпье, пользуясь этим даровым светом, но вот с левой стороны мгновенно потухла огненная стенка: она полетела на целую болотную полосу; прямо тоже низко-низко опало пламя и густой дым заглушил его последние проблески; только справа больше всего боролась с влажностью разрушительная сила, но и здесь она принуждена была уступить — и разом погрузилось все в непроницаемую темноту, которая казалась еще темнее вследствие мгновенного перехода от света.

«Пообчистили эспланаду, как выражается наш крепостной инженер-немец!» — подумал Петр Михайлович, завернулся с головою в полосатый халат Гайнулы-бабая и стал дремать, мечтая о предстоящей охоте на *полосатых чертей*...

А из уцелевших камышей донесся слабый отдаленный рев — и в этом реве слышались угрожающие ноты, словно животное говорило:

«Погодите, приятели, вы меня подпалить хотели; ладно, я еще с вами переделаюсь!»

Утром, только загорелась на востоке полоска зари, как из аула Гайнулы-бабая скакал уже джигит в войлочном *малахае* (род шапки), осторожно поглядывая по сторонам, особенно в тех местах, где камыши чересчур уже близко подступали к противоположной тропе.

«А ну как вскочит?» — думал киргиз и подгонял плетью своего горбоносого иноходчика, рассчитывая с восходом солнца быть у чиназской переправы.

Джигит этот вез Бабаджакку и Трубаченке приглашение участвовать в грандиозной тигровой охоте, которую затеял Касаткин...

Гуськом, всадник за всадником, ехали наши охотники, с грудом пробираясь по камышам. Чуть виднелись в темноте силуэты конных фигур, и только мигали красноватые искорки сигар в зубах всадников. Ехали молча, не разговаривая; киргизские лошаденки фыркали и мотали головами, чуть брякали металлические украшения туземных уздечек.

Сзади всех ехал киргиз, который должен был пригнать обратно лошадей в аул, когда всадники достигнут места охоты. Впереди всех ехал Касаткин; он находил дорогу в темноте, руководясь единственно лишь каким-то охотничьим инстинктом. Человеку непосвященному вся окрестность представлялась сплошным, однообразным морем темного тумана, в котором чуть виднелись и кивали отдельные камышовые стебли, что вправо, что влево, что впереди, что сзади — все одно и то же; даже звезд на небе не было видно, то есть не то чтобы совсем не было видно, а чуть теплились сквозь туман неясные точки, и только привычный глаз мог рассмотреть там отдельные группы и созвездия. Багровым приплюснутым шаром медленно поднималась луна из-за горизонта, и над нею вставало и росло красное зарево — бледнел туман, по мере того как выше и выше поднималась луна, и, словно фантастические привиде-

ния рисовались в стороне его причудливые, клубящиеся волны. Стало светлее — поехали шибче; через полчаса прибыли на место.

Небольшое возвышенное пространство, свободное от камыша, представилось глазам охотников; несколько в стороне были врыты в землю четыре толстых столба — и на них, на высоте пяти аршин, прилажено было нечто вроде площадки, устланной нарезанным камышом. На одном столбе врублены были поперечные полочки, на аршин одна от другой; этот столб служил лестницею для подъема на вершину лабаза. Другой лабаз был построен с противоположной стороны полянки — это было сооружение, совершенно отличное от первого.

Яма, аршина три в диаметре, прикрыта была сверху фашинами, туго связанными из камыша, установленными конусообразно и связанными вверху все вместе веревкою; затем эта крыша была забросана камышом, бурьяном и хвостом, что совершенно придало ей вид чего-то случайного, а не умышленно построенного. Лабазы подобного рода предпочтительнее первых, потому что животное не пугается громоздкости и дикого вида первых сооружений — и доверчивей подходит к приманке; но зато первые совершенно предохраняют охотника, даже после промаха, между тем как в яме стрелок может рассчитывать и на рукопашную свалку с разъяренным зверем.

Посредине полянки, на самом видном месте, вытянув длинные, мускулистые ноги и запрокинув голову с вытаращенными тусклыми глазами и с вывалившимся языком, лежала палая лошадь, и ее белая масса отчетливо рисовалась на темном фоне песка, залитая лунным светом.

— Пора, — произнес Касаткин, — до рассвета осталось часа три, это самое настоящее время; ну, Батуйка, веди лошадей в аул.

Всадники слезли и начали расправлять свои ноги. Киргиз позавязал поводья на шею лошадям и приготовился их гнать.

— Гляди, как бы тебя полосатый дорогой не пощупал! — крикнул ему вслед Трубаченко.

— Тише! — произнес Петр Михайлович.

— Аллах милостив, — прошептал киргиз и во всю прыть понесся к аулам.

Охотники полезли в засаду.

Бабаджак и Трубаченко заняли высокий лабаз, Касаткин влез в яму — несколько секунд был шорох и шуршание; то охотники возились, умащиваясь и принимая позы покойнее; наконец все затихло — и наверху, и внизу, и никто бы не услышал теперь ни одного подозрительного звука, кроме однообразного шелеста камыша, когда легкому ночному ветру приходила охота пробежать по верхушкам и всколыхнуть эти легкие, пушистые метелки, потереть один о другой эти тонкие, трубчатые стебли.

Замерли охотники в немом ожидании — и, казалось, дыхание затаили. Вот к шуму ветра прибавилось еще что-то длинное, протяжное, заунывное... Бабаджак толкнул локтем своего соседа.

— Далеко! — прошептал тот.

...Касаткин вздрогнул.

С другой стороны послышался рев тигра, ближе... Рывкнул зверь и оборвал, словно накололся лапой на что-нибудь занозистое.

Еще раз почувствовал Трубаченко, как его бока коснулся твердый локоть товарища... Какая-то тень мелькнула на самой опушке и скрылась... несколько кустов колыхнулось подозрительно.

— Видишь? — шептал Трубаченко, и так тихо, что, казалось, только сам себя мог услышать.

— Вижу... — так же тихо ответил Бабаджак.

И опять все затихло кругом, опять ничего не слышать, кроме шелеста ветра... Чу! Вот замурлыкало что-то в камышах, как котята мурлычат, когда их щекочут рукою за ухом... Два зеленых уголька вспыхнули у самой земли, между темными кустами выдвинулось что-то круглое, ушастое, проползло шага два, выползло наполовину из чащи и припало на передние лапы... Прямо на белеющую конскую тушу были устремлены эти две фосфорические точки, но каждому из охотников казалось, что это именно на него смотрит хищный зверь и не спускает глаз, готовясь к последнему, решительному прыжку. Трубаченко припал головой к прикладу ружья; он взял на прицел узкий промежуток между двумя светлыми точками.

Попятился зверь назад, остановился, опять попятился и скрылся...

«Бывалый,— подумали охотники.— Осторожен, каналья...»

Вздрагнул Касаткин и быстро повернул голову... Шагах в четырех от него длинная тень загородила узкий луч лунного света, пробивавшийся между щелями крыши.

Тигр лежал на брюхе, положив голову между передних, протянутых вперед лап, и, заложив уши, прищурил глаза, вздрагивал щетинистыми усами.

Другое полосатое тело быстро как молния пронеслось, почти не касаясь земли, и обрушилось на павшую лошадь. Длинные ноги брыкнули в воздух; казалось, что конь воскрес и сопротивлялся усилиям зверя, а это только труп поддался натиску животного, которое, уцепившись за бедро лошади зубами и передними лапами, сдвинуло его с прежнего места.

Две молнии блеснули с вершины лабаза — и два сухих, коротких выстрела тотчас же были покрыты свирепым, пронзительным ревом. Тигр взвился на дыбы, запрокинулся и покатился с холмика, загребая взбурдаженный песок своими лапами.

И из-под шалаша вспыхнул третий выстрел, но выстрел этот был направлен совсем в другую сторону. Страшная тяжесть обрушилась сверху на ненадежную крышу — и во все стороны полетели разметанные пучки камыша. Пуля Касаткина скользнула по плоскому черепу второго тигра, пробила ему ухо — и полетела дальше по камышам...

— Вниз! — крикнул Трубаченко.— Там беда, вниз!.. — И он спустил ноги и стал ощупывать на столбе первые ступеньки.

— Погоди — ружье заряди, тогда только толк будет!.. — остановил его Бабаджак.— Мое готово...

Он спрыгнул прямо, упал ничком, вскочил и кинулся к лабазу — яме...

Придавленный страшной тяжестью Касаткин лежал на правом боку, силясь высвободить свою руку... земля и пыль набивали ему нос и рот. Он чувствовал, как страшные когтистые лапы добирались до него, роясь в развалинах крыши. И тигр чуял под собой что-то живое, чуял врага и бесновался, встречая преграду.

Наконец Касаткину удалось лечь навзничь; рука была свободна, нож, где же нож?.. Он шарил онемевшими

пальцами, он искал рукоятку... вот она! Нож был длинный, гиссарский, и долго не вытаскивался из притиснутых ножен... Вдруг прямо ему в лицо ударил ослепительный лунный свет. Как яркое показалось он после темноты! Последние вязанки полетели в сторону, страшная морда была в полуаршине от его лица, лапа упиралась в грудь — и в тело впились острые когти. Но в то же мгновение вдоль по этой самой лапе скользнула стальная змейка. Удар ножа пришелся как раз под левую переднюю лопатку зверя, прямо в сердце — и рухнул пораженный насмерть тигр, навалившись на застонавшего охотника.

Два выстрела в упор в голову животного прогремели в ушах теряющего сознание Петра Михайловича.

— Тащи, тащи за хвост, стаскивай! — суетился Трубаченко.

— Подсунь приклад под живот, ворочай! — приступил Бабаджак.

Понатужились, побряхтели — и кое-как сволокли убитого тигра.

Касаткин лежал без движения и тихо стонал, но глаза его были закрыты... Вся рубаха его была изодрана в клочки, залита кровью — и человеческой, и тигровой. Когда его вытащили из ямы и положили на песок, Бабаджак принялся осматривать искалеченного охотника.

— Обработал, нечего сказать! — грустно произнес Трубаченко и с горя закурил свою сигару.

— Ничего, поправится, — утешительно произнес Бабаджак, — воды вот жаль нету, а то бы хорошо обмыть да голову примочить.

— Ну, до рассвета ждать нельзя; надо делать носилки да тащить его в аул... Принимайся!

Устроили носилки из жердей, взятых из разрушенного лабаза, настлали на них камышу и положили раненого. Тот стонал и метался, особенно когда его поднимали с земли, и тихо бормотал что-то несвязное — такое, что не могли ничего разобрать ни Трубаченко, ни Бабаджак, как ни прислушивались они, неся несчастного по кабаньей тропинке камышами.

Начало рассветать, когда охотники завидели сквозь камыш чернеющиеся верхушки кибиток Гайнулы-бабая. Дым поднимался густыми столбами над аулом, и пах-

ло тарью; бараны блеяли невдалеке, ревели верблюды, и звонко ржал какой-то молодой жеребчик, задрал хвост трубою и носясь по пробуждающемуся аулу.

Всполошился аул, завидя печальную процессию; все высыпало из кибиток; даже пастухи, собиравшиеся было угонять скот, и те бросили свое дело и прискакали к кибитке Гайнулы-бабая.

Осторожно опустились носилки, сняли Петра Михайловича, раздели и принялись обмывать страшные рваные раны. Старый Ашик и Трубаченко занялись этим. Зорко следил седой киргиз за каждым проявлением жизни у своего пациента.

— Якши — будет здоров! Крови потерял только много — оттого и лежит как пласт, — произнес Ашик, кончая перевязки.

У Касаткина оказались проломлены два ребра, обнажено почти до самых костей левое бедро и, кроме того, на левом же боку и руке несколько глубоких рваных царапин когтями.

Ковер, на котором лежал Касаткин, осторожно оттащили к стороне кибитки, рассчитав, чтобы он пришелся в тени, когда поднимется солнце. Гайнула с четырьмя киргизами и верблюдом отправились на место охоты поднять убитых тигров, Ашик остался с раненым, а Трубаченко с Бабаджакком подсели к огню, где закипел для них чай и стояло блюдо баранины, приготовленное заботливой красавицей. Аппетит у них был волчий и, несмотря на грустное настроение духа, зубы работали превосходно.

— Дал бы знать в Чиназ, чтобы доктора выслали, да не стоит, — говорил Трубаченко, прихлебывая чай из маленькой зеленой чашки.

— Не надо посылать, — решил Бабаджак.

— Насчет ран и всего этого киргизские знахари гораздо лучше наших. Наш приедет, еще чего доброго уходит совсем. Помнишь Тыркина?..

— Есть тут недалеко Али-Турсук, кураминец, — вмешался старый Ашик, так как наши приятели говорили по-киргизски и он понял, о чем шла речь. — Он старик уже — и для другого не поедет, пожалуй, а для меня поедет. Я сам вот, как вернется Гайнула, съезжу.

— Ну, привези сюда твоего Али-Турсука, — согласился Трубаченко.

— Я видел его уже раз как-то: хороший знахарь,—
заявил Бабаджак.

Часа через два вернулся Гайнула и привез тигров. Самка, убитая охотниками верхнего лабаза, была не из крупных; зато самец, отделавший так Петра Михайловича, заставил весь аул раскрыть рот от изумления: это был положительно великан — и старый Ашик, увидевши его, произнес:

— Аллах, Аллах, ведь есть же такие звери на свете! Я такого еще в первый раз в жизни вижу, а видел я их на своем веку довольно.

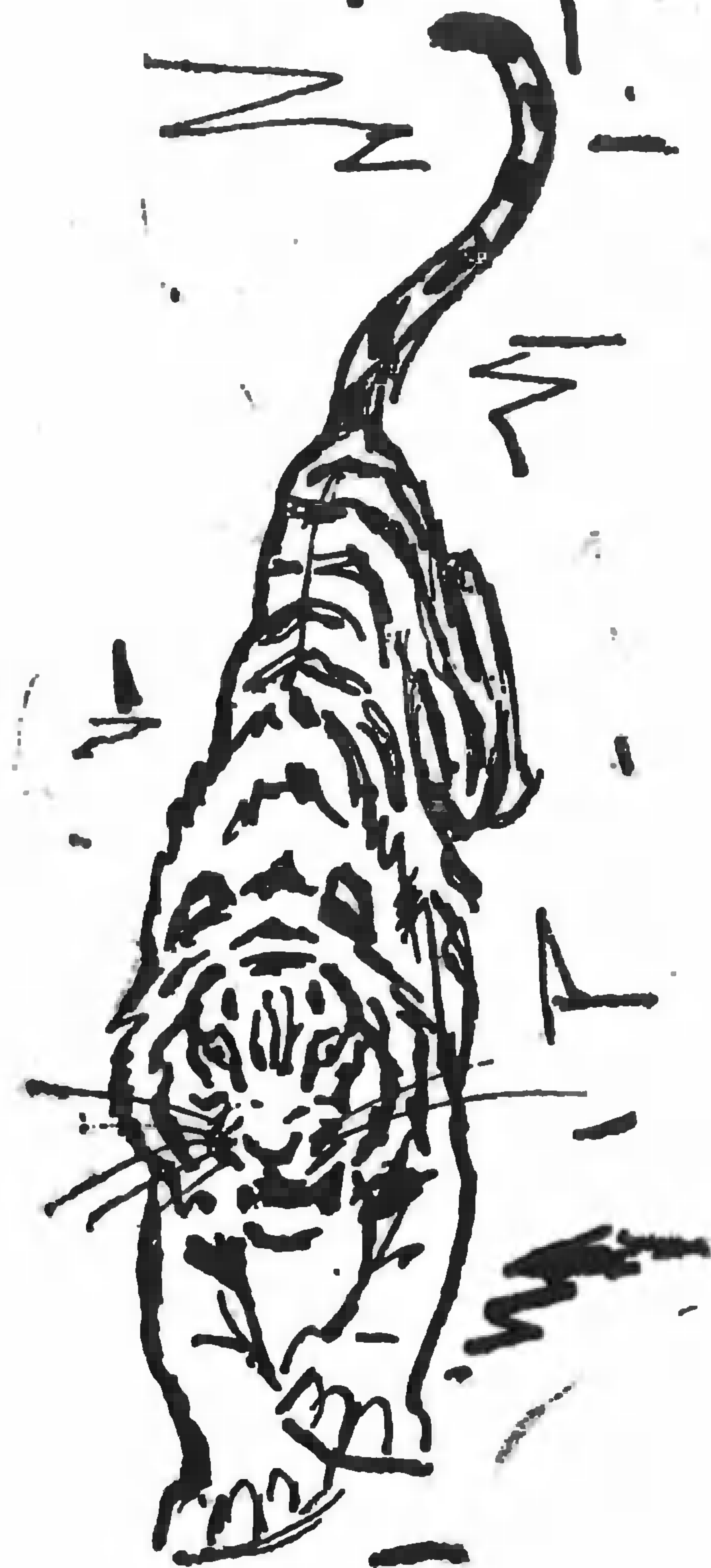

Н. Н. Каразин

НЕ В ДОБРЫЙ ЧАС

Лет двадцать тому назад известный Орско-Казалинский почтовый тракт был еще едва намечен.

Тогда, по взятии Ташкента, мы впервые плотно уселись в бассейне Сыр-Дарьи и, конечно, с первых дней своего нового местопребывания ощутили настойчивую и неотложную надобность в правильных путях сообщения с метрополией... Первой соединительной артериею и должен был служить Орско-Казалинско - Ташкентский тракт, первая половина которого до Казалинска, то есть до устьей Сыра, кое-как существовала уже раньше. Правильное движение поч-

ты и пассажиров по этим пустыням, сыпучим пескам, топким солончакам и береговым чащам (джунглям) было тогда почти невысказуемо; местные кочевники положительно не понимали такого, хотя бы и простого дела, а выписывать весь многотысячный состав почтогонятелей из России было невысказуемо. Самые местности представляли препятствия чуть не на каждом шагу; дурная соленая вода и бескормица при непривычном труде морили лошадей тысячами... В дорогу надо было запастись на месяц, а то и более всем необходимым... И то, что теперь, двадцать лет спустя, кажется положительным пустяком, легкою и даже приятной двухнедельной прогулкой, то тогда представлялось великим подвижничеством, требовавшим массы энергии, твердости духа и плоти, чуть ли не чем-то вроде геркулесовых подвигов.

В это же время и хлынула первая широкая волна поселенцев нового края в виде сотен офицеров, чиновников и разного сброда, с семействами и домочадцами, потребованных во вновь завоеванный край на пополнение штатов по новой организации.

И боже мой! Чего только не натерпелись эти несчастные путешественники, обрадованные сначала усиленными окладами жалованья, двойными прогонами и тому подобными денежными льготами!

Пришлось и мне ехать тогда же... правда, не в первый раз... я уже был опытный степной волк, и эта опытность мне сильно пригодилась, когда то и дело пришлось выручать безнадежно засевших в пустыне новичков.

Был уже октябрь месяц, и хотя днем жарило солнце порядочно, зато ночью ртуть падала градуса на четыре ниже нуля, и резкий холод давал себя чувствовать тем, кто не запасся теплою обувью и шубами. Стали перепадать уже дожди; солончаки раскисли и образовали местами топи, местами промоины — станцию в тридцать пять верст одолевали, да и то слава богу, одну целый день; на станциях, то есть около мест, где таковые предполагались, скоплялись по три и более экипажа, и путешественники не видели по нескольку суток в томительном и, главное, голодном ожидании возможности двигаться дальше.

В форте № 2, по-туземному «Кармакчи», я застал на дворике почтовой станции несколько разнокалиберных

тарантасов, тяжело нагруженных, носивших следы всяких дорожных аварий: смятые верхи и кузова обличали неоднократные падения, перепутанные веревками колеса и подвязанные брусками дроги и оси не внушали особого доверия... Экипажи эти служили и жильем для своих владельцев, так как дымная, до невозможности грязная, темная комора «для приезжающих» положительно не могла вместить и одной трети многострадальных путешественников.

Между проезжающими я заметил одну даму, не молодую, но и не старую еще, лет около тридцати пяти, с четверья малолетними детьми, от грудного до двенадцатилетнего возраста. Ехала эта дама одна без всякой прислуги, неся на себе все заботы и печали такого далекого и многотрудного пути. Она меня заинтересовала именно с этой стороны. Я не замедлил познакомиться с нею и узнал, что у нее в Ташкенте есть муж, оказавшийся даже моим хорошим знакомым, старослуживым степняком, решившимся наконец выписаться из России навсегда свое семейство.

— Надоело Ивану Кондратьевичу каждый год такую-то даль на побывку ездить, да и убыточно стало тоже,— рассказывала она.— Теперь вот, как у вас в Азии покойно стало, взял да и выписал... Страсть как нонешние порядки ваши расхваливал! Житья лучше не надо!

— Это точно! — заметил я.— Только дорога-то, я думаю, тяжеленька вам показалась!

— Ох! Уж и не говорите! — вздохнула та.— Коли бы еще я одна — не горе! А вот с этими малышами!.. Девочка вот у меня третью неделю в лихорадке... Мальчик, старший, что-то скучноват стал... Трудно! Дал бы господь добратся до дому!..

— Давно в дороге?

— Да вот уже тридцать восьмой день... Вы не по пути ли будете?

Когда я ей сказал, что не только по пути, да еще с удовольствием возьму ее с этой минуты под свое попечение, Марья Алексеевна так обрадовалась, что даже слов не нашла, а только глубоко-глубоко вздохнула и широко, по-простонародному перекрестилась.

Целый день возился я, чтобы достать лошадей под ее тарантас. Ездил в аулы верст за пятнадцать и только к

вечеру добыл наконец кое-какую сборную тройку, которую и принялись киргизы припутывать к оглоблям экипажа — иначе нельзя назвать подобную запряжку.

Не без зависти смотрели прочие путники вслед медленно тронувшемуся тарантасу, в недрах которого восседала моя новая попутчица со своим многочисленным семейством.

У меня лично никакого экипажа не полагалось. Во-первых, потому, что колеса составляли главное препятствие на пути, во-вторых, клади у меня было всего одна винтовка с надлежащим количеством патронов, записная книжка, она же и рисовальный альбом, да маленький чамоданчик весом фунтов шесть, не более, со всем содержимым, и я предпочитал путешествовать верхом, что с моей привычностью — дело легкое, а главное — надежное, ибо всякая степная кляча под верх годится и двигаться таким образом можно без задержания.

Выехали мы поздновато и не более часа пользовались красно-золотистым светом вечерней зари, а там стемнело, да и как следует... Время приходилось на последнюю лунную четверть, и месяц всходил только часу в четвертом утра. Дорога сначала была гладкая, сносная, и грязь не глубока, а к ночи стало морозить. Путь пошел низом, почти у самого берега Сыра, густо зарослью. Слева расстилалась сплошная цепкая чаша камыша, колючего терновника и серебристой джиды; справа сквозь сетку того же колоссального камыша светилась поверхность большой реки, противоположные берега которой сплошь затянуло поднявшимся над водою туманом.

Прыть добытой мною тройки истощилась скоро... Жалкие клячи давно уже еле брели шагом; киргиз-ямщик дремал под своим косматым малахаем, распустив вожжи и сползя, для удобства должно быть, с козел на передок тарантаса.

Дети спали крепко, комфортабельно разложенные всяк в своем уголке и прикрытые разным теплым скарбом; Марья Алексеевна все расспрашивала меня про своего мужа да про все, что могло касаться их будущего житья-бытья на чужой стороне, и очень радовалась, узнав о дешевизне мяса, рыбы и всего прочего...

— Писал он мне все это... Да что-то не верилось...

этакая благодать! — сообщила она... — Ну, а как же на-счет осетрины: неужели же за полтину целого пудового купить можно?

— Можно и дешевле...

Увязли колеса в топкой водомоине и стали...

Возились, возились мы с киргизом, с полчаса стояли на месте; справились-таки, тронулись дальше... Пристяжная правая давно отпустила постромки... бей не бей — не везет!.. Едем на паре... А станция, я знаю, большая, верст под сорок, да и то бог весть какой саженой меренных...

Стало меня брать раздумье... Вижу, что не доедем и к утру, а придется заночевать здесь, на дороге... Это не беда, дело привычное! А в том беда, что место недоброе... Спутница моя не знает, да я-то хорошо знаю... И вот начинает одолевать меня легкое смущение — не за себя, конечно...

Дело в том, что в этих местах плодятся тигры — и порядочно их, а зверь этот только по ночам выходит на добычу и всегда держится поблизости дороги... Шансов больше на хорошую наживу.

И ночь-то какая, как на беду, темная!.. Невылазные чащи вплотную подступают к дороге, и слышится в них какой-то подозрительный шелест... Может, и так, самый невинный, а только фантазия на мрачный лад разыгрывается...

— Что это, словно дети плачут? — спросила меня Марья Алексеевна.

— А чакалки... на том берегу... Они всегда к ночи музыку затевают! — отвечаю я.

Сам думаю: «Ну, это к добру!.. Ежели чакалки вой подняли — „сам“, значит, далеко... а то бы не посмели...».

— Страшный зверь это? Может он, ежели?.. — начала было спрашивать моя попутчица да замолчала, покосилась на спящих детей и прикрыла их еще чем-то, чуть ли не пальто свое сняла, оставшись в одной кацавейке ватной.

— Нет, — говорю, — это пустяки, мелочь, не страшней простой собаки... На воровство только больно повадливы...

Киргиз, что под козлами спал, встряхнулся и чуть было под колеса не свалился... Это тройка чего-то прыти набралась, рысцой разом тронулась, и застучали ко-

леса тарантаса по замерзшей кóлоти... Дорога ли пошла поровнее, продрогли ли кони?.. Присматриваюсь: уши настороже, пристяжные пофыркивают, должно быть что-нибудь недоброе чувят... чиркнул спичкою, закуривая папиросу, вынул часы, соображаю... Половины дороги еще далеко не проехали...

Маленький самый ребенок запищал. Мать прилегла к нему и полог тарантаса задернула...

И чего это, право, мы на ночь глядя в дорогу выехали?

Опять пошли кони шагом... Много ли пробежали, да и то легонько, а пар от них столбом валит... Опять увязли в топь передние колеса, опять стали. Опять возня да крики: «Ого-го-го!.. Ну, дружней...». Ни с места. Полчаса отдыхали, снова принялись за понукания... Сам я слез, плечом передок просто на себя поднимаю — не берут каторжные! Даже и не трогаются... Коренная совсем задом пятится, и хомут у ней под горло ссунулся...

Ну, значит, здесь и ночевать!..

...Через полчаса уже из-под зонта тарантасного слышался носовой посвист моей спутницы и храп киргиза под козлами... Самому мне сильно дремалось, озноб лихорадочный пробирать начал... Так бы и заснул, да неудобно — сторожить надо... Мало ли что может случиться?

Трудно бороться со сном усталому до невозможности, продрогшему человеку. Опасность под давлением потребности сна утрачивает свое значение. Является сейчас что-то в роде фатализма... эх, мол, что суждено, то суждено, а я все-таки выплусь!.. Был бы один — заснул непременно, а то тут... Вот эти... спят мирно и беззаботно, на слово мое, значит, положились... доверие оказали... Нет, спать нельзя!..

И не то спишь, не то бодрствуешь... И видишь будто, и слышишь все кругом до малейшего звука, а грезы перед глазами носятся!..

На горизонте красное зарево показалось, словно близко где-то костер разложили... это месяц поднимался, и скоро большой рог его показался над чащею камышей... Слава богу! — поднимется повыше, много светлее станет...

Коня что-то беспокоят... все похрапывают, при-

стяжные к оглоблям жмутся... а мой верховой сзади беспокойно топчется... Слез, обошел кругом, оглядел... поуспокоились немного, а там опять заметались... Шакалье вытье усилилось, а тут разом смолкло... Чувствую, что кто-то меня тихонько за рукав тронул.

— Это что? — чуть слышно, шепотом спросила меня Марья Алексеевна, а сама высунулась из-под зонта и глазами на одно место указывает.

А я уже вижу — что... Даже на сердце похолодело...

Прямо против нас, с левой стороны дороги, меж черных стеблей камыша торчит большая круглая голова, топорщатся характерные кошачьи уши и янтарно-зеленоватые глаза в темноте искрятся...

Смотрю я пристально в ту сторону, а самого назад оглянуться тянет какая-то сила... мельком покосился, а сразу и с правой стороны дороги такую же голову заметил, только ниже немного, словно на передние вытянутые лапы припавшую...

Верховой конь шарахнулся разом, оборвал повод... только и видел я одно мгновение его серый круп с моим чемоданчиком: и странная вещь! Оба тигра не шелохнулись... глазом не моргнули. На удравшего коня не обратили ни малейшего внимания...

— Господи, помилуй нас грешных! Отец милосердный, — залепетала Марья Алексеевна.

— Дети бы не проснулись, не запищали бы... — шепнул я ей... Револьвер тихонько из кобуры вытянул, около положил — и, нажавши собачку, осторожно взвел курок винтовки...

«Два — и с разных сторон... Вот беда в чем!.. Хорошо, если на тройку прежде наскочат... время дадут, а как?..» Покосился на лошадей... не узнать просто, что такие за животные!

Столбняк на них напал, ноги подкосились, дрожат... головы до земли опущены, а пар так и стоит над ними облаком от усиленной до невозможности нервной испарины... И ни малейшей попытки к спасению!.. Только рвануть бы — и пошел на волю! А тут, словно, кролики под влиянием взгляда удава, бессознательно покорные ждут рокового наскока...

— Только бы дети... не запищали! — повторил я... только, должно быть, так тихо, что разве сам, и то, мысленно, мог бы расслышать...

Зонт тарантаса спущен, фартук наглухо застегнут... Там, в глубине экипажа, мертвая тишина, сам я на облучке сижу, один на виду — и месяц поднялся уже порядочно и так меня и поливает сверху своим серебряным светом...

Вдруг моего уха достиг какой-то новый, заунывный звук... Далеко-далеко!.. Только донельзя напряженный слух мог бы распознать значение этого звука на таком расстоянии... Это была песня... нехитрая монотонная песня номада... Ямщики-киргизы так поют, когда возвращаются на станцию с обратными лошадьми...

«Вот, — думаю, — несет дурака нелегкая!..» — и, стыдно сознаться, а на душе посветлело... «Не на себя ли оттянут беду?! Здесь тигров в почтительном выжидании, очевидно, держит внушительный, непривычный их глазу вид тарантаса, а там... тот-то, несчастный, верхом, чай, пробирается, на одной сидит, двух передом гонит...»

Песня слышней... все ближе да ближе... верстах в полтора, не больше... Топот копыт по замерзлой почве все яснее и яснее слышится в тихом, морозном ночном воздухе...

«Что это, — думаю, — за киргиз бесстрашный, — ночью в „обратную“ по таким местам поехал... это что-то совсем невероятное!..»

Две лошади всего — это уже теперь можно безошибочно определить... бойким шагом, иноходью идут... чу!.. разговаривают...

Прислушиваюсь я ко всему, а сам с левого тигра глаз не свожу — и замечаю, что тот как-то менее ясно выделяется, словно назад попятился... вон и камыши спереди его голову покрывают, вон и блеска глаз проклятых совсем не видно...

Страшный рев тигра раздался совсем не там, где я его предполагал... именно в той стороне, откуда ожидалась всадники... Через несколько мгновений гулко раскатился ружейный выстрел... какой-то не то человеческий, не то заячий болезненный крик... и все смолкло... Из чащи камышей — из белесоватого мрака тумана разом вынеслась лошадь, уперлась в нашу тройку, храпнула и стала, как вкопанная... и в то же мгновение другая, приземистая, полосатая масса беззвучно шмыгнула через дорогу и слилась с фигурой прискакавшего коня... Что-то тяжело рухнуло... Мелькнули растопорщенные

ноги, копытами кверху... камыши затрещали под тяжестью массы, которую тигр, очевидно, волок с дороги в чашу... Я видел его напряженный загорбок и изгибы спины и, не знаю уже как, почти бессознательно, спустил курок своей винтовки...

— Эге! — слышался громкий оклик впереди.

— Эге! — отозвался я.

— И у вас тоже?.. Кто такой там, на дороге?..

Голос знакомый как будто, только взволнованный, хриплый, потому не могу признать сразу... Да и дети все разом проснулись, конечно писк и плач подняли на всю степь... Молчит только киргиз мой, что под тарантасом сидит, обезумел от страха — язык отнялся, должно быть...

Высокая фигура в офицерском пальто и белой шапке появилась вплотную у тарантаса и повторила вопрос...

— Шолобов!.. Какими судьбами? — обрадовался я.

— Я... что тут у тебя?

— Батюшка... отец родной!.. Выручайте, кормилец... Дети малые!.. Ох, владычица небесная!.. — взмолилась вдруг Марья Алексеевна.

— Да чего выручать-то? — спокойно отозвался новоприбывший. — Дело прикончено...

В нескольких словах обстоятельства разъяснились... Оба тигра, услышав конных, незаметно покинули осаду нашего тарантаса и атаковали новую жертву. Шолобов ехал впереди, а провожающий его киргиз, по обыкновению, сзади. Тигры предпочитают всегда начинать с задних, и первый из них моментально опрокинул несчастного ямщика, навалившись на него и на его лошадь... Шолобов не из тех, которые теряются в подобные минуты, — он соскочил с лошади и в трех шагах пустил пулю прямо в лоб увлеченного, ослепленного кровью хищника и положил его на месте... Лошадь же его, бросившаяся наутек, сделалась добычей тигрицы именно в то мгновение, когда с размаху налетела на нашу тройку... Я еще не мог определить точно, чем кончилось дело здесь... Потому делать розыски теперь было неудобно...

С большим трудом удалось нам вдвоем успокоить и привести в сознание бедную Марью Алексеевну и угомонить детей, не сознававших, конечно, всех размеров опасности и напуганных более неожиданным выстре-

лом... Вытащили киргиза из-под тарантаса... Тот вдруг расходился вовсю и неистово принялся орать и посылать по адресу проклятых «джульбарсов» весь лексикон отборных ругательств.

— Молчи! — кричали мы ему.

Надо было во всяком случае не терять времени и идти на помощь тому несчастному, что побывал уже в тигровых лапах...

— Это близко... полверсты, не больше... Пойдем скорее... — пригласил меня мой приятель.

А Марья Алексеевна, как кошка, вцепилась в нас обоим — не пускает!..

— Протащимся, может быть, вперед с тарантасом? — предложил я.

Справились с запряжкой — и точно протащились...

Страшная картина представилась нашим глазам на месте катастрофы!

Смертельно раненная лошадь лежала посреди дороги, едва поднимая свою голову и тотчас же бессильно опуская ее на землю... Около, вплотную, ничком, вытянувшись словно ковер, лежал наповал убитый колоссальный тигр, прикрыв своим трупом тело бедняги-ямщика... Лужи крови дымились, всасываясь в промерзшую грязь...

Осторожно подошли мы к телам; пошвыряли на всякий случай комками грязи в тигра, ради полнейшей уверенности в его смерти, и затем принялись освобождать несчастного киргиза... высвободили...

Шолобов махнул рукою и отошел в сторону... Стоило только взглянуть на то, как распорядился с своею жертвою полосатый зверь, чтобы убедиться в полной бесполезности всякой помощи...

Развели костер... перезябли все очень уже... и стали бивуаком дожидаться восхода солнца...

Д. Иванов

В ЗАХОЛУСТЬЕ

Широкую степную местность прорезывает большая река. Спокойно бегут ее мутные воды в низких берегах. Вот она дала от себя как-то большой канал, разделилась на два рукава, обогнула большой, полузатопленный и заросший деревьями и камышом остров; дальше хлынула направо в низину, разлилась, что глаз конца не видит, образовала болота и топи, которые поросли нескончаемым сплошным камышом,— и опять смирно бежит мимо целого леса кустов высокой колючки, мимо гигантских камышей, мимо редкого саксаульника, песчаных барханов, солонцовых

болот, наконец прямо по открытой голой степи, которая в свою очередь кажется бегущей куда-то далеко-далеко, без конца...

Носится по этой просторной степи табун легких джигетаев¹, скачет крошечный степной заяц, стелется по земле желтая лисица, высоко в воздухе плавают ястреб. Гуляют по ней косяки полудиких лошадей. Гурты разношерстных горбоносых овец с толстыми раздвоенными курдюками широкой пыльной полосой прорезывают ее из края в край. Мирно пасутся партиями неуклюжие верблюды. Гуськом, медленным шагом проходит караван с товарами. Едет партия конных людей в белых войлочных остроконечных шапках. Широко раскинули аулы свои закоптелые круглые кибитки... Свободно расхаживает здесь ветер, винтятся в воздухе вихри летом; завывают метели и дуют страшные бураны зимой.

Просторно, вольно, дико все здесь — и природа, и люди.

Но среди этой дичи давно уже стоит русское поселение. Давно обжились здесь православные люди, привыкли и к однообразному ландшафту степи, и к ее немудрым и добродушным обитателям, и к большой реке, и к своему крошечному городочку.

Еще издалека виднеется форт.

Ровной темной полоской, точно вал для стрельбы, глядит бруствер укрепления на реку. Из-за него едва виднеются крыши домов, высоко выносит свою стройную белую башенку красивенькая колокольня. Против ворот через ровик перекинуты легонькие мостики, расхаживают около полосатых будочек часовые. За гласисом² тянутся низенькие, одноэтажные домики, то белые, то желтоватые, то красноватые. Это «слободки» — выросшее под прикрытием форта и вольное, и невольное поселение. Вот что видно на первый раз. Все маленькое, низенькое, игрушечное. И этот валик с солдатиками, и эта колоколенка с домиками среди ровной степи — все кажется какой-то моделью, миниатюрой, напоминает тот сборный раскрашенный деревянный городок, который

---

¹ Джигетай — «дикий осел» («кулан»); повсеместно обитал в Средней Азии. Ныне встречается лишь на юге Туркменской ССР, в заповеднике Бадхыз.

² Г л а с и с — земляная насыпь, расположенная перед наружным рвом крепости или перед укреплениями.

расставляют дети из особого ящика на разрисованном листе бумаги...

Далеко идут камыши... Ровной-ровной желтой полосой с легкой светло-зеленой каймой наверху тянутся они над невысоким берегом большой реки. Изредка перемеживаются они с кустами лозняка, растущего на краю берега или внизу, у самой воды, на небольшом откосе. Где-то виднеется кучка ив, высунувших свои жиденькие головы из камыша, торчит на треснувшем и наполовину уже съехавшем к реке обрыве засохший ствол дерева. Целым морем пошли камыши дальше по равнине. Края не видно их легко покачивающимся метелкам.

Словно гигантская рожь, колышется тихо это море светлой, без оттенков, зелени. Безучастно смотрится вдаль, где все ровнее и спокойнее становится контур камышового моря. Однообразно стелется оно, монотонно переливается его серо-зеленая поверхность. Широкою дугу описывает глаз, чтобы найти что-нибудь, на чем можно бы было остановиться... Реет ястреб, плавно очерчивая прямую линию над камышовым горизонтом. Вон далеко торчит из камыша какая-то небольшая острая кочка: это киргиз-пастух дремлет, сидя на спине верблюда, вокруг которого ходит скрытое камышом стадо других. Еще дальше, на лысинке, по которой проходит узкая тропка, мелькнула фигура на лошади и опять пропала в зеленых волнах. Правее дрожит легкая струйка дыма — вероятно, в той стороне аул. Недалеко от берега, из камыша, время от времени взлетают в воздух какие-то белые хлопья и опять падают вниз: озеро тут, соображает привычный глаз, узнавая полет мелких рыболовов...

Раздолье охотникам в этих камышах. Для них они и не скучны и не однообразны. Знают они и длинные озера, над которыми никогда не смолкает беспорядочный крик уток, гусей и куликов; и редкий камыш среди высоких кочек болотной густой травы — любимый притон фазаньих выводков; и нескончаемое болото, заросшее непроходимым камышом, куда забились дорогая дичь — кабаны. Изучили охотники и покосы с огромными конами сваленного камыша, знают и погорелое место с его отвратительными для пешехода обугленными кочками, на которых торчат колкие комли сгоревшего камыша; знакомы им и извилистые, сбивчивые тропочки, и канавы, и

далекий аул, и места, где пасется киргизский скот... Часто и подолгу шатается этот неугомонный народ по своеобразному камышовому лесу, вглядываясь в его жизнь, прислушиваясь к его звукам, и с каждым разом все более и более втягиваясь в бродячее, охотничье житье...

Здесь, в захолустье, охота имеет гораздо большее, несравненно серьезнейшее значение, чем где-либо в другом месте. Здесь человек раскисает как-то, голова туманится, развивается лень стопудовая. Извне ничего не приходит, самому не выдумать ни жука, — черт знает какая дрянь, скука, нытье. И валяется человек на кровати да стонет. Рядом книга лежит, но не читается, упругость в мозгу пропала: взял книгу, сейчас глаза слипаются, ничего ровно не понимаешь, хоть глаза и перешли уже на другую страницу. Бросишь книгу — так ведь не заснешь, а полезет тебе в голову разная ерунда, такая тоскотня, что хоть волком вой... Среди народа тоже тоска, — провались ты совсем! Что это такое? Хоть бы скандал, что ли, какой?..

А охотник тем временем стоит лицом к лицу с природой, дышет полной грудью; он занят, в работе. Он отдыхает на охоте, забывает мелочь и галиматью захолустья — он выше преферанса с курочкой, истолченной шутки, незаслуженных пирожков, избитого карамболя. Здоровее, сильнее становится бродяжный человек, сбрасывает с себя лень, свежает среди степи, забывает скуку...

Тонким слоем снега легла зима по степи. Ветер легкими полосками избородил снежную попону, обнажил во многих местах черноватые лысинки бугорков, надул снегу в глубокие ямы, набил сугробы около кустов. Еще однообразнее, скучнее сделался пейзаж киргизского раздолья. Кочевники бросили открытую степь — ушли на зимовки, кто далеко на север, поближе к горам, а оставшиеся здесь забрались в середину камышей, в глубокие лога, чтобы укрыться от буранов и самим, и скотине.

...Вечер. В темной кибитке с закрытым наполовину тюндуком едва мерцает посреди пола огонек от нагоревших угольев. Тускло освещает красноватый свет фигу-

ры лежащих вокруг огня людей, отливает полоской на стволе ружья, повешенного на решетке кибитки, блестит на стоящей на полу белой глиняной чашке. В кибитке тепло и пахнет дымом, верблюдом и потом. Все молчат, никто не шелохнется. Снаружи слышны частые мелкие шаги по снегу, вероятно барана или козы. Какая-то большая скотина почесалась шеей о кошму кибитки.

— Подбрось, Бутаев, дровец-то! — раздалась среди этой тишины русская речь.

Фигуры зашевелились, и вскоре вспыхнул яркий огонь.

Русских было трое. Один, судя по фуражке с измятой кокардой, был офицером. На нем был надет полушубок и высокие охотничьи сапоги. На поясе висел небольшой, без всякой отделки кинжал. Того, который подбрасывал теперь в костер дрова, выдавала сразу серая толстая шинель со светлыми пуговицами. На голове приплюснута засаленная военная фуражка, вокруг шеи обмотан лиловый с желтыми полосками шерстяной вязаный шарфик. Третьего определить было труднее. Он и по костюму, и по обличью представлял какую-то серенькую личность, среднюю между мещанином, лакеем и комиссионером по мелким делам. Он носил бороду и был одет в крытый сукном барашковый казакин и ваточный картуз.

Видно было, что они только что кончили пить чай. Несколько сдвинутый с огня большой закоптелый медный чайник еще пускает из носика струйку пара. На кошме около костра стоят старые, затасканные «куржумы» (киргизские шерстяные переметные сумы), из которых торчат синяя сахарная бумага и обглоданная кость бараньей ноги. Рядом валяется сахар, наколотый огромными кусками и обгрызенный с углов, скомканная бумага с чаем, несколько кусков хлеба, нож, стоят две чашки. На решетке навешаны ружья, немудрые охотничьи сумки. Все говорило, что трое русских — охотники.

— Что он запропал там, чучело? — недовольным тоном проговорил охотник в полушубке. Он приподнялся на левую руку, подвинул к себе чашку и налил из чайника перепрелого, темного чаю.

— Да, что-то он долго там, — поддержала серая шинель и, вытряхнув из кармана на руку табак, стала набивать «носогрейку».

Из темного угла кибитки вышла небольшая шерша-

вая собака какой-то странной, неопределенной породы — ни лягавой, ни киргизской, ни другой какой, подошла медленно к первому охотнику, потянулась, припавши на передние лапы, зевнула и уставилась на хозяина.

— Что ты, Тамырка? — обратился тот к ней. — Пошел на место!

Собака глупо дернула раза два хвостом, присела, почесала из приличия за ухом и опять поплелась в темный угол.

— И она скучает, — заметил солдат.

Снаружи раздался лай целого десятка собак, полетевших кому-то навстречу, но скоро смолк. Тамырка поднял голову, поворчал и лег, чутко прислушиваясь к тому, что делалось около кибитки. Слышно, как остановилось у дверей несколько лошадей, спрыгнули люди на хрустящий снег и привязывают поводья к аркану, которым опутана кибитка. Не разберешь, что бормочут киргизские голоса. Через минуту поднялась кошомная висячая дверь, пахнуло свежим морозным воздухом, и в кибитку полезли один за другим три киргизских малахая.

— Ну что — это *они*? — обратился офицер к первому киргизу, кивнув на остальных головой. Он сносно объяснялся по киргизски.

— Нет, Шумав-туря, это другие, тех нет: уехали, чертовы дети! — и киргиз вставил сразу несколько самых крепких ругательств. — Эти из другого аула, от Интазара.

Приехавшие с ним товарищи сели против охотника на коленки, приподнялись, пожали ему руку обеими руками, не сгибая пальцев, и опять уселись молча на колени рядом с хозяином кибитки. На лице их светилась и радость, и любопытство, и простодушие, и какая-то оторопелость...

Киргиз повел длинный-длинный оживленный рассказ. Слова так и сыпались и переливались. Он рассказывал, точно сам все видел, сам участвовал в том, о чем шла речь. Направляемый постоянными вопросами охотника, рассказчик не пропустил ни одной мелочи, описывал все с замечательной подробностью. Как заметили — вон та-ам... та-ам, далеко, за «три буграми» — зарезанного быка, во-от как ему располосал брюхо джультбарс; а возле страшные, вот такие большие следищи, так и пошли все дальше да дальше... Как трое киргизов

из аула Серкебая наткнулись на самого джудьбарса, такой громадный — сроду не видывал, припал вот так и жрет. Как потом тот же джудьбарс показал им зубищи, посмотрел снизу на людей, заворчал... ррр... и пошел, и пошел... Как киргизы закричали ему вслед и стали ругаться... Как падаль теперь лежит там, всю не съел еще, и *сам*, наверное, тут: слышали, как ревет... Туря стреляет очень хорошо, и если он вот так, половчее, все поближе да поближе подкрадет, прицелится хорошенько в проклятую голову... да как паф!.. убит будет дорогой зверь.

Двое других киргизов все время принимали самое деятельное участие в рассказе: они то поддакивали, то делали замечания, часто вступали в спор с хозяином, разъясняли друг другу все мелочи происшествя и делали новые соображения...

Неровно вспыхивавшее пламя костра освещало изменчивыми резкими линиями всю группу — и рассказчиков, и слушателей, подвинувшихся теперь поближе к центру. Солдат и казанин более заняты были самим рассказчиком, чем рассказом, часто улыбались наивной простоте и ужасам киргизов, разговаривали вполголоса, соображая, как просто можно управиться с «тигрой». Из-за спины офицера, на темном фоне кибитки, неясно выступало смуглое лицо киргизки с широко открытыми глазами и разинутым ртом. Она вся обратилась в слух и зрение. На открытом лице ее быстро сменялись душевные ощущения, и губы время от времени бормотали шепотом какие-то слова. Один только Шумов оставался спокоен и тщательно, серьезно расспрашивал киргизов.

— Ну так, значит, завтра чем свет и в дорогу. Молодец, Атымбай! Убьем джудьбарса, тебе вот какое *силяу* (подарок)!

Атымбай благодарил и улыбался, очень довольный, что ему пришлось целый вечер быть самым интересным рассказчиком. Жена его долго ахала, ругала тигра, благословляла охотников и возилась над устройством себе и мужу постели. Охотники тщательно осмотрели свои ружья и стали укладываться. Офицер положил в головы седло и лег, не раздеваясь.

Огонь давно уже погас в очаге, и в кибитке, тюндук которой плотно задернули на ночь, хоть глаз выколи, ни зги не видно. Тихо. Слышится лишь сап спящего на-

рода, вертится часто охотник в казакине, да бессвязно бормочет что-то во сне киргизка. Снаружи раздается мерный хруст лошади, жующей сено, доносится изредка далекий шальной лай.

Шумову не спалось. Он соображал завтрашние похождения. Закинув руки под голову, лежал на спине охотник с открытыми глазами. Незаметно воображение перенесло его на место действия, невольно вспомнилась одна из прочувствованных им картин такого рода. Она все более и более завладела его головой, и вот с мельчайшими оттенками стали проходить перед ним все подробности бывшего, точно снова проделывалось все...

Осень... Пески. Знакомый аул... Время дорого: захватив с собой двустволку и штуцер, он бредет по степи. Вот и падаль с огромным вздутым брюхом, от которой ветер далеко разносит заразу. Кругом легонькие барханы песка. Начинает уже смеркаться. Усердно работает кетмень, взмахивая песчаный грунт, но дело подвигается туго: песок обваливается в яму. Все темнее и темнее кругом... Пора бросить, хоть яма и вышла самая печальная, так что едва укрыться. Верно смотрят три ружейных ствола в сторону раздутой падали, за ними полулежит, не двигаясь, человеческая фигура и чутко прислушивается ко всему, что делается кругом... Жутко это выжидательное положение в одиночку, ночью, среди степи... Ничего не слышать... А вот и ночные голоса... Кто-то мяучит жалобно, звучно. Смолкла кошачья музыка, около падали мелькнула какая-то легкая беззвучная тень. Слышно чавканье: степная кошка³ добралась до ужина. Завыла собака, другая... третья... Тень опять скользнула около охотника и скрылась. На место кошки явились одичавшие голодные псы; слышно, как они рвут вонючее мясо... Еще новые голоса; на знакомый лакомый запах прибыли волки. Собаки уступили место и расселись кругом, дожидаясь, когда более сильные их собратья накушаются и дадут им волю. Щелкают здоровые зубы, трещат кости на страшных челюстях... Сидит безмолвно невидимый человек, окруженный кольцом голодных собак и в самом ближайшем соседстве с обжирающимися волками... Чуткое ухо уже освоилось с окружающей компанией...

---

³ Степная кошка — *Felis manul*, *F. servalina*(?). — Прим. автора.

Вдруг что-то совсем особое долетело до него: не то рев, принесенный издалека ветром, не то стон неровный, неясный... Обжирающаяся стая подняла головы и замерла на несколько секунд... Все затихло, не шелохнется, прислушивается. Ревущий стон во всю пасть пронесся снова над степью, присели пугливо обжоры и взвыли в ответ жалобным, отвратительным разноголосым воем. Наконец-то!.. Поправился ловчее охотник, взял в руки ружье и неслышно взвел курки... Еще ближе вылетевший рев покрыл всю эту воющую сволочь, и она бросилась бежать от падали... Поле очистилось. На нем осталось двое — тигр и человек. Но ни тот, ни другой не видали соперника: тигр подошел к лошади с противоположной стороны, и раздутая туша совсем загородила его от охотника. Трудная эта минута, что-то сжимает грудь, давит горло, сдерживаемое дыханье идет перерывами, глаз часто мигает, чтобы сохранить свежесть... А по ту сторону разделяющей их вонючей горы спокойно чавкает и урчит огромная полосатая кошка... Но вот чавканье смолкло, зверь точно прислушивается... Над темной падалью обрисовалась темная круглая голова. Целить в этой темноте можно только вдоль ствола, приблизительно, опуская дуло с более светлого неба сверху вниз. Но рассуждать некогда: глаз, задержанное дыханье и указательный палец правой руки слились вместе, и выстрел вырвался сам собой...

Охотник упал в яму вниз лицом и замер, ожидая отчаянного прыжка... Эти две-три секунды он не существовал, не помнит, не знает, точно они совсем вычеркнуты из времени. Все молчит. В этой тишине острому уху чудятся какие-то переливы, точно пузыри кто пускает в воде. Охотник поднял голову и взялся за другое ружье. Тихое журчанье продолжается... Как на зло завыли собаки, и ничего нельзя разобрать. Собаки, видимо, приближаются, и вой, смешанный с лаем, усиливается. Они уже около падали, бросаются на что-то, точно ползущее в сторону охотника. Наконец тигр действительно выполз и, молча отбиваясь одной лапой от окружающих его собак, делает полукруг к яме. Шагов пять осталось ему до охотника, когда тот выпустил ему в голову пулю и следом другую. Целый час просидел он в пяти шагах от огромного зверя, следя за тем, не проявит ли он признаков жизни. Наконец, убедившись, что тот уже мертв,

охотник вышел из ямы и отправился к своим приятелям киргизам в кибитку — сказать, что все кончилось благополучно.

А завтра?..

Чуть брезжилось, как уже поднялись охотники и стали собираться. Шумов хлопотал около своей маленькой, тощей лошаденки, которая смиреннейшим образом стояла теперь около него без привязи и только несколько косилась назад, когда хозяин затягивал туго подпругу. Осмотрев еще раз ружья и надев на себя сумки, охотники вышли из кибитки. В это время к ней подъехали двое киргизов и что-то закричали Атымбаю. Оказалось, что они явились из соседнего аула, лежащего верстах в пятнадцати, получить подробности о сборах на охоту, о которой они узнали еще вечером от нарочно к ним приехавшего киргиза из аула, где был Атымбай, то есть как раз с противоположной стороны. Так летают вести по степи, передаваясь из аула в аул и сманивая любопытного кочевника ехать за новостями за многие десятки верст. Приехавшие предложили проводить охотников, и, таким образом, компания, двинувшаяся с места, составила из восьми человек. Солдат и другой охотник шли пешком.

Ехали долго. Киргизы все время болтали и кричали, точно их было не пять человек, а пятьдесят и они делили добычу. Наконец на десятой версте, когда открытая степь уже кончилась и начался кустарник, Атымбай остановился и стал объяснять Шумову дальнейший путь. Все разъяснения состояли главным образом в показывании рукой разных направлений и определений голосом расстояний.

— Поезжай, туря, вот так, все пря-мо, пря-мо.., а потом во-о-он там, там, там поверни вот так — *камча-якта* (в сторону нагайки, направо), тут сейчас и падаль лежит. Вот, во-от поезжай!..

— Ладно, найду,— всмотрелся Шумов вдаль.

— Благослови вас бог и направь ваши ружья на самую голову проклятого джульбарса!

— С богом, дай вам господи! — напутствовали их гуртом киргизы.

Охотники пошли одни. Киргизы долго еще стояли на

месте и смотрели им вслед, обсуждая, так ли идут стрелки и где должен быть теперь джюльбарс.

Шумов ехал впереди двоих его товарищей и всматривался в кусты. Он давно уже привык к этой степи, сжился с ней и освоился с киргизскими приметам и показаниями. Много лет посвятил он этому знакомству, шатаясь с ружьем и собаками то за утками, то за фазанами, то за кабаньем, смотря по тому, что было под руками. Он до того втянулся в охоту, пристрастился к вечным передвижениям, тасканью, что сосредоточил на ней все интересы, все заботы. Все свое свободное время, все нехитрые деньжонки убивал этот бродяжный человек на свои охотничьи похождения, так что про него даже сложили анекдот, будто вся его жизнь состоит в том, что он живет или на гауптвахте, или на охоте: «Придет с охоты — его под арест, отсидит — на охоту; явился — под арест, выпустили — опять на охоту, и так далее. Наконец, видят, что ничего с ним не поделаешь, устали сажать на гауптвахту, так и махнули рукой: пропади, мол, ты совсем, одолел до смерти — шляйся!».

Действительно, это был неугомонный человек. Ему постоянно требовалось движение, перемены. Он даже в своем охотничьем хозяйстве не любил постоянства и редко привязывался к чему-нибудь: то и дело менял ружья, приобретал новые, дарил своих собак приятелям охотникам, заводил и выращивал новых, выменивал их и так далее. Сколько раз его квартирка, не менее оригинальная, чем хозяин, была свидетельницей самых неожиданных преобразований и перемен. То она наводнялась целым пятком собак, большинство которых спало вместе с хозяином на кровати. «Блох собирают в себя», — простодушно объяснял он такое тесное сожителство, то оставался при единственном Тамырке. То во всех углах стояли разнообразные ружья, то вдруг торчала одна убогая одностволка. Иногда комната охотника наводнялась разной пернатой живностью; в углу, за отгородкой, сидели фазаны, под кроватью квакали утки, в клетке тыкались головами перепела. Но закатится хозяин на несколько дней на поиски, найдет, возвратившись, только половину, — ну всех сейчас же или раздарит, или выпустит.

У Шумова везде были знакомые аулы, приятели киргизы. Если же ему приходилось попадать в новые места,

то он без всякой церемонии забирался в первый аул и располагался в нем как дома. Случалось, что хозяин не желал пустить его к себе; Шумов располагался рядом и выжидал время. Как только хозяева оставляли двери без охраны, охотник неожиданно являлся в кибитку и объявлял удивленному хозяину, что остается у него ночевать. И при таких-то часто курьезных обстоятельствах заводил он самые крепкие «тамырства» с киргизами, делался их дорогим гостем. Его невзыскательность, готовность разделить все пополам, охотничья ловкость и постоянные передвижения, наконец, умение говорить по-киргизски и в тон понятиям и обычаям бесхитростных и добродушных кочевников сделали его известным на далекое пространство. Так росла его популярность в степи, и имя «Шумов-туря» стало знакомым многим киргизам, как имя «хорошего человека», «джигита» (т. е. молодца), «тамыра».

Об этом тигре ему приехал сказать знакомый киргиз, слышавший из десятых рук о зарезанном быке и знавший, что Шумов уже уложил одного тигра, устроив около падали самопал. Конечно, весть о появлении тигра недалеко от укрепления и о сборах Шумова сейчас же облетела все захоlustье. В тот же день вечером явились к нему теперешние его спутники — солдат-сибиряк и человек в барашковом казакине — с просьбой взять их с собой. Шумов попытал было их насчет храбрости, что, мол, тигр шутить не любит, — охотники даже оскорбились. Сибиряк заявил, что хаживал один на медведя, другой — что «тигра» вовсе не страшный зверь. Шумов согласился и вот теперь уже недалеко был с ними от заветного места... Он ехал почти молча, все свое внимание обращая на местность. На правом плече у него висело одноствольное ружье. Едва ли не всякий, узнав, что он едет на тигра, обратил бы особенное внимание на это оригинальное и единственное оружие охотника. Это был простой дробовик с весьма тонким стволом, сильно попорченной и склеенной во многих местах ложей и с самым нехитрым замком. Да и все остальное едва ли не показалось бы очень оригинальным. Взглянув на клячонку, на которой ехал охотник, на его гладкостволку и на бежавшего впереди шершавого песика, можно было предположить, что он едет стрелять зайцев, фазанов, но никому, конечно, и в голову бы не пришло, что это не кто

иной, как выслеживатель тигра, в своем роде туркестанский Жерар...

Наконец Шумов остановился и указал спутникам впереди дорожную приметку. Через несколько минут они уже стояли около полуобглоданного остова быка и тщательно осматривали на снегу следы тигра. Судя по последним, их противник должен был быть огромного роста. Следы, шедшие от падали, ясно указывали направление, по которому ушел тигр. Шумов поехал впереди. Следы привели к большим кустам. Стрелки остановились и затем двинулись в обход. Нигде не заметно выхода, значит — тигр в кустах.

— Надо послать собаку, — решил Шумов. — Тамырка, ищи там!

Тамырка, как истый охотник, бросился в кусты и принялся работать носом. Шумов поехал потихоньку за ним, сделав знак товарищам, чтобы они шли сзади. Прошло около минуты. Вдруг заревел Тамырка, разразившись неестественным лаем. Охотники, прибавив шагу, двинулись на тывканье и вдруг остановились...

Между двумя кустами торчала большая желтая с черными разводами голова и презрительно посматривала на Тамырку. Тигр лежал весь закрытый кустами, выставив только голову, на великое смущение собачонки, которая, поджав хвост, металась около него. Увидав перед собой человека на лошади, тигр перевел на него свои желтые блестящие глаза, подобрал передние лапы, прижал уши и замер, точно ожидая ответа: с чем пришел к нему охотник?

Шумов выстрелил.

Двинулась ли лошадь, дрогнула ли рука, или сфальшивило ружье, но он дал промах. Еще дым не разошелся перед ним, чтобы можно было разглядеть, что сделал его выстрел, как лошаденка под ним дрогнула и каким-то сильным ударом, налетевшим спереди, его вышибло из седла и чуть не сломало ружьем руки. Шумов треснулся спиной на землю. Какая-то здоровая сила крепко прижала его сверху... Когда первый момент после удара прошел, он слишком непосредственно мог разглядеть эту силу: на нем сидел тигр, плотно придавив грудь и плечи своими здоровенными лапами. Открытое лицо охотника было на несколько вершков от страшной пасти поборовшего его зверя. Он не мог видеть ничего

кругом. Ему оставалось только рассматривать сильнейшую пушистую грудь того, кто на нем сидел теперь, его белесоватую снизу шею и крошечную бородку. Он слышал, как кругом метался Тамырка, ревел, лаял, визжал. Тигр, видимо, был занят собачонкой и делал легкие повороты, следя за ее прыжками. Так длилось с полминуты...

Наконец, тихо, осторожно поднял лапу тигр, переставил с плеча на грудь, уперся ею последний раз и сошел с охотника. Шумов не шевелился; он только глазами следил за громадным животным: джувльбарс уходил тихими шагами все дальше и дальше, время от времени оглядываясь назад.

Минут через пять только поднялся Шумов и оглянулся кругом. Он был один. У ног валялось изуродованное ружье, вертелся Тамырка. Ни лошади, ни двоих его спутников не было. Он расправил помятые руки и грудь, на которой был сильно порван полушубок, взялся от боли за нос — кровь. Подобрал шапку и ружье, пошел он назад и стал свистать. Версты через полторы он нашел лошаденку, спокойно обгрызавшую ветки кустиков и несколько не пострадавшую, так что удар, очевидно, пришелся ему одному.

Он поехал назад. Скверные мысли вертелись в голове.

Через несколько верст Шумов нагнал двоих своих храбрых сотоварищей. Те вытаращили глаза, когда увидели перед собой того, о смерти которого они шли рассказывать в укрепление. Глупа картина такой встречи. Как ничтожны, пошлы лица бежавших, как глупы, тяжело скверны их извинения, полуоправдания, как жалки они все с головы до ног и с их неразряженными ружьями, и с их трусливыми душонками!.. Шумов выругался коротко и, не отвечая ни слова на их нелепые расспросы, погнал свою клячонку. Тамырка с тем же обыденным видом залился вперед.

Первое, что сделал Шумов по приезде в форт, отправился к оружейнику и потребовал, чтобы к завтрашнему дню расщепленное ружье было непременно готово, и затем стал собираться в новую экспедицию. Солдат-сибиряк явился к нему с великими извинениями, сваливая все на третьего, и просился снова на охоту за тигром. Шумов отказал наотрез.

На завтра та же клячонка волочила Шумова по направлению к месту встречи с тигром. Неизменный Тамырка также бежал вместе со своим хозяином. Рядом с Шумовым шел новый охотник-солдат, поклявшийся не изменить, что бы ни случилось. Скоро они добрались до вчерашнего побоища. Снег сильно был примят на том месте, где лежал Шумов, следы ясно видны, благодаря тому что не было ни ветру, ни снегу, которые могли бы их замести.

Не меньше пятнадцати верст следили охотники тигра, обходя осторожно все кусты, где мог бы он укрыться. Наконец из одной группы кустов они не нашли выхода и остановились. Шумов слез с лошади и пошел пешком, несколько впереди другого охотника, пустив на поиски Тамырку. Скоро лай собачонки показал им, где тигр. Тамырка, кажется, сделался на этот раз еще смелее и лез к самой морде своего знакомца, так что тот по временам даже показывал свои неровные острые зубы и отмахивался лапой, когда собака очень уж назойливо близко подскакивала к нему.

Грохнула шумовская одностволка, но и на этот раз неудачно. Пуля только ранила тигра.

Сжался в клубок раненый зверь, взвилось длинное полосатое тело в воздухе, метнуло хвостом и ринулось на Шумова. Тигр как раз угадал поймать зубами охотника за левую руку и уже вместе с ним dokonчил свой ужасный прыжок. На этот раз Шумову досталось больше: прыжок был так быстр и силен, что, когда он шлепнулся на землю, ноги его далеко отбросило от тигра.

Тигр и человек лежали головами вместе. Опять Шумов был лицом к лицу с своим знакомцем, опять разглядывал его физиономию. Но теперь его положение было несколько другое: страшные зубы, как клещи, впились в левую руку, жестокая боль разливалась по всему плечу. Видно было, что тигр не намерен уже кончать так же мирно, как в прошлый раз. Но зато и у полосатого зверя был теперь другой соперник, посерьезнее, чем вчерашние двое. Ружье солдата было готово у него в руках, и он не бежал. Вот с этого-то нового неприятеля и не сводил горящих глаз силач, державший Шумова.

— Иди скорей, стреляй прямо в голову! — крикнул Шумов.

Солдат приложился, но снова опустил ружье: рядом

с головой тигра у него на мушке виднелась и голова Шумова. Он стал делать тихий обход вокруг тигра, заходя ему больше с хвоста.

— Стреляй в голову! — крикнул еще раз Шумов и вспомнил, что у него на поясе кинжал. Он сделал страшное усилие, чтобы приподнять левый бок и освободить прижатую ручку оружия; несмотря на смертельную боль в левой руке, на которую ему пришлось опереться, ему удалось тихонько вынуть кинжал из ножен.

Тигр не отпускал ему руку; но, чтобы следить глазами за солдатом, который все более и более заходил к нему с хвоста, он должен был подвигать зад в сторону Шумова. Скосив назад злые глаза и приложив уши, полосатый великан неслышно двигал задние ноги и полз к лежащему охотнику. Конец хвоста зловеще извивался направо и налево; казалось, тигр раздумывал и не знал еще на что решиться: бросить ли ему первого человека и ударить на другого, или не выпускать уже попавшуюся жертву... Нестерпимая ломота и жгучая боль в руке терзали Шумова с каждым малейшим движением тигра, зубы которого, казалось, все глубже и глубже уходили в руку. Стиснув зубы и с нервной дрожью во всем теле, ждал какого-нибудь исхода охотник...

Наконец раздался и второй выстрел. Но Шумову окончательно не везло. Пуля взяла ниже и попала тигру в зад. Он рванулся задом налево и совсем придвинулся к Шумову. Момент был решительный. Шумов наставил острие кинжала под левую лопатку и выпрямил правую руку. Кинжал, скользя по ребру, весь утонул в грудь соседу... Целых полчаса лежал недвижим Шумов, налегши грудью на ручку кинжала, бок о бок с неподвижным огромным полосатым телом. Левая рука его все еще оставалась в разинутой зубастой пасти. Он боялся шевельнуться, опасаясь, чтобы в предсмертных судорогах тигр не раздробил руки, конвульсивно стиснув челюсти. Наконец, убедившись, что сосед спит вечным сном, он стал тихонько освобождать руку.

— Должно быть, в самое сердце угодили лютому анафеме! — радостно заметил спутник Шумова, когда они оба уже стояли над мертвым тигром. — И боже мой, эта тигра! Кажется, из зверей зверь...⁴.

⁴ Оба рассказанные случая со всеми их деталями — были. — *Прим. автора.*

Через месяц сильно похудевшего и бледного Шумова встретили с великим восторгом приятели. Левая рука его была на перевязи.

— Ну, что же, здоров?!

— Здоров. Сегодня доктор позволил выходить.

— Что же, рука зажила уже совсем?

— Да, рана закрылась; теперь, кажется, ничего.

— Вон ведь какая штука-то...

— Зато зверь-то какой: три аршина два с четвертью вершка!

— Да, зверь огромный; что же вы с ним сделали?

— Доктору подарил. Ни за что бы этого не сделал, да был убежден, что помру непременно.

Охота на тигра в Туркестане вовсе не составляет особой редкости или исключительности. Тигров водится вдоль всей Сыр-Дарьи и некоторых ее притоков, как, например, по Чирчику, немалое число. Они встречаются и в Семиречье. Во времена первых русских поселений в крае тигров было очень много... С приходом русских охота на тигра пошла довольно бойко, несмотря на нередкие случаи страшной расправы задетого зверя с охотниками, расправы, кончавшейся или калечеством или смертью смельчаков. Администрацией в виду поощрения охоты за тиграми были даже установлены премии по пятнадцать рублей за шкуру, вроде того как это было в России относительно волков, где платили по три рубля за хвост⁵. Солдаты, казаки и офицеры не раз предпринимали опасные охоты и все более и более оттесняли тигра от линии русских поселений, хотя борьба эта и не обошлась без жертв, и доньше еще не кончена. Множество можно слышать рассказов и об этих охотах, и о случайных встречах с тигром. И теперь еще помнят старожилы казака, охотника-одиночку, который положил двенадцать тигров и погиб на тринадцатом. Случаи с утащенными баранами, зарезанными быками и лошадьми, иногда детьми известны у киргизов — всего более

---

⁵ Строго установленной премии за убитого тигра не существовало.

страдающих от тигров — в большом числе. Проезжим по почтовой дороге вдоль Сыр-Дарьи и теперь приходится часто слышать рассказы о том, что вчера или несколько дней назад тигр был в соседстве или даже на самой станции и наделал бед над скотиной. Как на более оригинальные случаи подобных столкновений с тигром, можно указать на следующие три.

Двое солдат охотились в камышах за фазанами и как-то разошлись. Один, с двустволкой, шел по узенькой извилистой тропочке и вдруг на самом повороте наткнулся на лежащего тигра. Обомлел солдат перед поднятой зорко головой страшного животного и, сам не зная, что делает, выпалил из одного ствола тигру в морду и тотчас же бросился в сторону. Тигр сделал самый ужасный прыжок на то место, где стоял человек, и стал злобно метаться, прислушиваясь, куда спрятался его противник. Стоя рядом с рассвирепевшим тигром, охотник, хотя у него и ушла душа в пятки, все-таки сообразил по широким кровавым ранам на глазах зверя, что его выстрел вышиб ему оба глаза. Тигр стоял от него в двух шагах. Недолго думая, охотник почти в упор всадил ему другой заряд в ухо и положил наповал. Не разбирая ничего и не видя, что перед ним, бросился он бежать куда попало, прыгая через кочки, цепляясь за камыш и шлепаясь в лужи. Только отбежав порядком, он разразился великим, неистовым криком, на который прибежал его товарищ, думая уже найти его умирающим, но вытаращил глаза, когда перед ним стоял живехонький человек и орал истошным голосом.

— Что ты, дурак, кричишь? Ошалел, что ли, дьявол?

— Я тигра убил, — ответил ошалелый испуганным голосом.

Тигра они нашли и получили законных пятнадцать рублей, но, говорят, убивший его выдержал после того довольно сильную горячку. Неожиданные встречи с тигром приходилось выдержать немалому числу охотников на фазанов, причем тигр всегда старался уйти, если только его не задевали.

Второй случай был в 1872 году. В туземное селение Старый Чиназ, лежащее в нескольких верстах от нашего укрепления Чиназ, ночью забрался огромный тигр, вероятно с целью поживиться около скотины. В один момент переполошилось, конечно, все население, узнав о

таким ужасным посетителем. Народ собрался с разным дрекольем и стал шуметь, чтобы прогнать тигра. Застигнутый зверь бросился в одну из сакель, где его и заперли колом. Несколько человек побежало в Чиназ объявить о страшном происшествии. Оттуда тотчас же прибыла команда с ружьями, комендант и один офицер. Началась охота. Несколько стрелков забрались на крышу сакли и, разобрав часть потолка, стали стрелять в темную комнату наудачу. Кругом, на заборе, сбилось видимо-невидимо народа. Тигр сидел молча. Наконец какая-то пуля ранила его, и рассвирепелый узник шарахнулся в дверь. Тонкие филенки маленькой дверки не выдержали удара и вылетели. Страшным прыжком выскочил тигр наружу и, сообразив, что он окружен, тотчас же кинулся на безоружную толпу на заборе, очень ловко рассчитав, что прорваться сквозь цепь стрелков будет похитрее. Шарахнулась в испуге толпа с забора, бросившись бежать куда попало, но тигру не удалось перескочить стены. Отчаянно кинулся он в сторону солдат. Несколько поспешных выстрелов, легко ранивших его, только придали свирепости метавшемуся зверю. Он обрушился последним отчаянным прыжком на офицера... Офицер принял удар с кинжалом в руке, которым распорол тигру брюхо, ужасно поплатившись все-таки за это ратоборство: страшные когти нанесли множество ран ему и на голове, и на груди, и на руках, так что победителя унесли домой совсем искалеченным.

Наконец, года полтора тому назад, весной 1873 года, верстах в шести-семи от укрепления Кармакчи (форт № 2) случилось следующее: ехала партия киргизов. Вдруг один бросился назад и показал товарищам на дорогу. Недалеко от них «джульбарс» перерезывал им путь, но, увидя близко от себя людей, прилег и стал следить. Зверь был молодой. Киргизы остановились в виду тигра совещаться, что делать с их страшным, непримиримым врагом. С ними были только одни нагайки, дома им воспрещено иметь огнестрельное оружие. Решили послать в русское укрепление двоих к начальству. Поскакали гонцы к коменданту, а остальные осторожно объехали тигра и стали наблюдать за ним, потихоньку подвигаясь, если он начинал уходить. Посланные рассказали в укреплении о встрече и просили ружей. Им дали две заряженные винтовки, и вот двое понеслись обратно в

радостях к товарищам, везя два ружья с забитыми в них двумя зарядами... Прошло немного времени после того, как проводили посланцев из укрепления. По дороге к последнему ехала та же партия киргизов. Впереди ехал самый старший, почетный из кочевников. Сзади его открывалось триумфальное шествие: везли перекинутого через седло тигра с конвоем из двух вооруженных разряженными винтовками киргизов и целой толпой любопытных. Победители везли «джульбарса» в подарок бывшему в то время в Кармакчах перовскому уездному начальнику.

Е. Т. Смирнов

ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОТИВ ТИГРОВ

В приказе начальника штаба по войскам Туркестанского военного округа от 27 февраля 1883 года № 9 значится: «Снисходя к просьбам туземцев об устройстве облавы для истребления тигров, появившихся в значительном числе между Ташкентом и Чиназом, главный начальник округа изволил приказать:

1) Командировать с этой целью на станцию Старый Ташкент 12-й туркестанский линейный батальон.

2) Пригласить г.г. офицеров и выбрать охотников стрелков из нижних чинов других частей, в Ташкенте

расположенных. Нижних чинов этих прикомандировать к 12-му батальону.

3) Названному батальону вместе с прикомандированными к нему охотниками других частей выступить отсюда завтра, в понедельник, 28 сего февраля, и прибыть на Старо-Ташкентскую станцию в среду, 2 марта. К этому времени приглашаются прибыть туда и гг. офицеры, кои пожелают принять участие в охоте.

4) 12-му батальону поступить на время охоты в распоряжение свиты его величества генерал-майора князя Витгенштейна и иметь с собою продовольствия как для себя, так и для прикомандированных на пять суток.

Объявляю о сем для надлежащего, кого касается, исполнения»¹.

Согласно этого приказа охотники были вызваны из нижних чинов стрелковой бригады и 10-го и 17-го линейных батальонов; охотников из господ офицеров и других служащих лиц набралось более тридцати человек.

Как знакомый с камышами Чирчикской долины и с местными условиями охоты, я с разрешения начальника отряда выехал из Ташкента вечером 27 февраля на станцию Старый Ташкент (в сорока двух верстах от Ташкента по Чиназскому тракту) с целью точно определить местонахождение зверей и собрать данные для устройства облавы. В этот же день было сделано распоряжение, чтобы батальон и охотники перед вступлением в камыши остановились на дневку на хуторе полковника Жемчужникова (не доходя двух верст до Старо-Ташкентской станции), куда вызывались со всех волостей долины киргизы-охотники, так называемые *мергени*, а также волостные управители окрестных волостей: Зенгатинской, Чиназской и Майдатальской.

28 февраля утром я приехал на хутор Жемчужникова, где собрались уже лица туземной администрации волостей Зенгатинской и Чиназской и несколько человек мергеной из-под Чиназа, и приступил к расспросам, но по той причине, что на хуторе не было еще никого из туземной администрации Майдатальской волости, узнал только то, что мне было известно о деятельности тигров в камышах Майдатала еще с месяц тому назад. Сведения эти сводились к следующему: в холодные и снежные

---

¹ «Туркестанские ведомости», 1883, № 10. — Прим. автора.

зимние месяцы — декабрь и январь — в Майдатальской волости появились тигры-людоеды — явление в Туркестане, а тем более в Чирчикской долине, до сего времени неслыханное; держались они вдоль ак-курганской вьючной дороги, по которой если не совсем прекратили, то значительно затруднили сообщение жителей нижней части долины с жителями северной части². Как в Ташкенте, так и здесь говорили, что тигров в этой местности много, что они загубили и переели человек до двадцати народа, но где именно все это происходило, близ каких кишлаков или аулов, и здесь никто не мог точно указать, тем более что от кишлака Ак-Курган, как радиусы, расходятся вьючные дороги или, вернее, едва проходимые тропы на многие пункты северной части долины, поэтому дорог под названием ак-курганских в камышах много. Все это было несколько не удовлетворительно; «местные жители» ни на йоту не подвинули вперед моих сведений... Как о местности, так равно и о возможной деятельности зверей приходилось руководствоваться своими собственными знаниями и соображениями. Мне было известно, что от Ак-Кургана идет прямая тропа через камыши на кишлак Старый Ташкент, и я решил побывать на ней.

Часов в двенадцать дня в сопровождении аульного старшины (илликбаши) кишлака Старый Ташкент, переводчика и шести мергенов, вооруженных фитильными ружьями средневековой конструкции, я выехал с хутора, переправился вброд через реку Чирчик и вступил в камыши и болота долины. После длинного скитания и расспросов в попутных аулах, причем встреченные киргизы упорно отрицали присутствие зверей в этой местности³,

---

² Во время поездки в Чиназ, в конце января, я собрал изложенные сведения и подавал голос об устройстве охоты, но ничего не вышло. — *Прим. автора.*

³ Это отрицание впоследствии объяснилось. Дело в том, что, несмотря на требование народа, волостной управитель Майдатала не донес своевременно о гибели людей от тигров, а вместо него донесли подчиненные ему аульные старшины. Очевидно, что волостной был поставлен в неловкое положение. Все это отлично сообразил джигит его, встреченный мною в одном ауле, где он бражничал, и взятый мною в проводники. Этот *масадам* (пьяница), как прозвали его сопровождавшие меня мергени, во встречных аулах подучивал киргизов отрицать существование зверей в окрестностях, рассчитывая на то, что явившийся «тура»... вернется назад ни с чем, а аульные будут наказаны за ложное донесение. — *Прим. автора.*

я добрался до зимовок и аулов, расположенных на полянах и бугорках в окрестностях большого бугра Ходжа-Курган (по киргизскому выговору Хузя-Курган), почти в середине зимовок киргизов Майдатальской волости. Аулы имеют общее название Бай-Курган и отстоят от хутора Жемчужникова прямо на юг верстах в шести, хотя я и добрался до них почти к вечеру благодаря пьяному и плутоватому проводнику, взятому из попутного аула. Здесь я попал как раз в точку, как говорится, и благодаря толковому бай-курганскому *дию* (судья) узнал истинное положение дела, которое, как и ожидал я, было сильно преувеличено.

Бай-курганские зимовки и аулы окружены со всех сторон большими зарослями камышей; около самых аулов, а также местами и в камышах разбросаны полосы болотистых рисовых полей. На юг от аулов, в урочище Садыр-Куль, залегли сплошные высокие камыши на пространстве от двух до трех верст в ширину и до восьми верст в длину. Вдоль урочища идут многочисленные разветвления арыка того же названия, заброшенного, как видно, очень давно, так как ни рисовых, ни других полей по нему не было и следа. По ветвям арыка, в продолговатых, плоских логах, раскинулась цепь мелких озер, сплошь заросших недоступными чащами. Кое-где встречаются продолговатые и относительно сухие поляны с густою порослью крупной осоки, бурьяна и кустов суходольного камыша.

В данное время почти все поляны, а также и незначительная часть сплошных камышей урочища были выжжены киргизами, но, несмотря на это, местность сохранила свою дикость, крепи камышей остались неприкосновенными; хотя для того, чтобы иметь полное о них понятие, здесь следует побывать летом или осенью, когда камыши и осока стоят в полной неприкосновенности, а разливы мелких озер и болот занимают гораздо большие пространства. В это время местность буквально непроходима ни для конного, ни для пешего. Камыши этого урочища против аулов Бай-Курган раньше мне не были известны, но о них я имел понятие по западной оконечности близ бугра и озера Чунгур-Куль, где почти каждый год охотился на фазанов.

По ту сторону урочища, дальше на юг, на окраине долины стоит большой, торговый кишлак Ак-Курган,

расположенный на разветвлениях большого арыка Кара-Су, выходящего из Чирчика верстах в сорока выше, и на нижних рукавах соседней с Чирчиком реки Ангрена. Одна из ак-курганских дорог в виде узкой и топкой тропы прорезывает восточную часть урочища Садыр-Куль, выходит на аулы Бай-Курган, а через них идет в кишлак Старый Ташкент и вообще на Чиназский почтовый тракт. Тропа эта довольно бойкая; она представляет собою единственный путь через глухие камыши для киргизских аулов рода бука, живущих кругом Ак-Кургана, и киргизов причирчикских. Осенью и зимою по ней идут караваны с хлебом и другими продуктами в город Ташкент из нижних частей Чирчикской и Ангренской долин, а также и с берегов реки Сыр-Дарьи. Месяца три тому назад, то есть приблизительно в начале декабря прошлого года, на тропе начались нападения тигров на людей, кроме того, звери выходили и в соседние камыши, бродили вокруг аулов, первым делом уничтожали всех аульных собак, таскали скот, были также случаи нападений и на людей. Особенно сильны были разбои в январе, когда выпал довольно глубокий снег и стояли сильные холода. К этому времени относится совершенное прекращение сообщения по ак-курганской тропе. Впоследствии же, когда холода несколько сдали, оно возобновилось, но с соблюдением больших предосторожностей. Киргизы мне сообщили, что, для того чтобы пробраться через камыши в Ак-Курган или обратно, они собираются толпами человек в шестьдесят и более и среди дня, когда тигр обыкновенно спит, проезжают камышами с криком и шумом, придерживаясь густой толпы. Такие поездки совершаются не более как раз или два в неделю. Ближайшие к камышам зимовки были заброшены, и жители, например Бай-Кургана, заняли возвышенные бугры, сбили юрты в плотные кучи, что вовсе не в характере кочевников, любящих жить просторно, и огородили их сплошными загородами из камыша. После заката солнца никто за загородами не выходил, оставшихся собак держали на привязи, и если они своим воем давали знать о близком присутствии зверя, то в аулах поднимались крики и гайканье и зажигались огни. Весь скот был угнан в другие части долины, в аулах же держали только необходимое для разъездов количество лошадей. Вообще тигры навели на них страшную панику.

Для того чтобы проводить меня на окраину камышей, что было в полуверсте от главных аулов, человек десять киргизов вооружились батиками⁴, топорами и другим дрекольем, а когда я выразил желание осмотреть ак-курганскую тропу и часть прилегающих к ней камышей, то все отказались самым решительным образом, отзываясь опасностью, так как уже вечерело, хотя около меня и собралась толпа человек в тридцать, вооруженная частью ружьями (мергени, приехавшие со мною), частью батиками, топорами, ножами и разным дубьем. Здесь обращал на себя внимание здоровенный киргиз на рыженькой клячонке, у которой левое бедро было разорвано тигром недели полторы тому назад, так что рана еще не зажила. По словам киргиза, он с несколькими товарищами ехал камышами, наткнулся нечаянно на зверя, тот прыгнул, но промахнулся и только одним когтем задел лошадь. Кроме батика этот богатырь был вооружен странным оружием, состоящим из полосы квадратного железа четверти в три длиной; один конец ее был заострен в виде кинжала, а на другом — приделана ручка из грубо обтесанного куска дерева. Подобное оружие, образца времен железного века, названное нами попросту вертелами, нашлось впоследствии и у других киргизов; оно почему-то предназначалось именно для действия против тигра. При въезде в камыши всадники брали его с собою и засовывали за спину, под халат, так что острие торчало вверх наравне с затылком.

Об этом допотопном вооружении, состоящем из каких-то нелепых вертелов, батиков, дубин и, самое большее, из фитильных ружей, я упоминаю с целью показать, насколько киргизы беззащитны против нападений такого страшного хищника, как королевский тигр. Если он в Чирчикской долине и других местностях Туркестана держит себя относительно смирно, то это составляет большое благополучие для безоружного и беспечного народа. Поэтому весьма естественно, что первый случай нападения на людей навел на жителей безотчетную панику и они обратились к русским за помощью.

Сколько погибло людей от тигров в этой местности, я не мог точно разузнать: кто говорил, что человек пятнадцать, другие уверяли, что семнадцать. Осматривая

---

⁴ Б а т и к, б а д а г — здесь: палка.

камышы с крыши одной заброшенной зимовки, я просил указать, где именно были растерзаны люди. Оказалось, что на ак-курганской тропе растерзаны в январе аульный старшина бай-курганских аулов⁵ и некий Хан-Мурат, служивший в войсках киргизской милиции во время завоевания Ташкента и окрестных земель генералом Черняевым. Человек этот был, очевидно, очень популярен в камышах, потому что его имя особенно часто упоминалось в рассказах жителей о своих бедствиях от тигров. На этой же тропе в разное время погибло еще три человека из соседних аулов; затем указано издали три места в камышах, где тигры буквально съели трупы убитых людей, так что от одного остались только окровавленные тряпки, от другого — ноги в сапогах. Трупы растерзанных на ак-курганской тропе были своевременно подобраны жителями и похоронены. Впоследствии я видел места гибели аульного старшины и Хан-Мурата — первое место отмечено небольшою пирамидкою из дерна, и одноаульцы собираются поставить здесь мазарет⁶. Где погибли другие люди, кроме перечисленных восьми человек, добиться не было никакой возможности: рассказчики поднимали нескончаемую болтовню и споры, но ни назвать аула или урочища, ни указать в которой даже стороне — не могли. Я подозреваю, что цифры пятнадцать и семнадцать сильно преувеличены. Киргизы обыкновенно отлично знают и помнят о том, что, где и когда именно случилось, если же они путаются в показаниях, то, значит, сообщают по слухам, которые у них, как у всякого восточного народа с пылкой фантазией, достигают иногда больших нелепостей. Очевидно, что тигры все эти три месяца держались именно близ ак-курганской тропы и, имея много корма в окружающих зимовках и также истребляя в камышах фазанов и диких коз, далеко ходить за пищей не имели надобности. Другие же звери, державшиеся в западной оконечности урочища Садыр-Куль, в урочище Аранчи, на реке Сыр-Дарье выше Чиназа и близ хутора Жемчужникова, на людей не нападали, а ограничивались только истреблением собак, а отчасти и скота.

---

⁵ Об этом была официальная переписка в управлении кураминского уездного начальника. — *Прим. автора.*

⁶ М а з а р е т — надгробный памятник из глины или кирпича. — *Прим. автора.*

Все, что было положительно мне известно раньше, подтвердилось расспросами и теперь. Так же смиренно и тихо держали себя звери и в верхней части долины. Первые нападения на людей случились в урочище Садыр-Куль, погибло восемь, а может быть, даже и десять человек, а народная молва разнесла преувеличенные слухи. Ведь из того, что рассказывали в Ташкенте перед выступлением батальона, можно было составить целую эпопею о подвигах тигров: говорили, что их собралось штук двадцать, что они прекратили сообщение по Чиназскому тракту, что передушили гибель людей и прочее. Все это не более как полнейшее незнакомство с местными условиями жизни зверей, все это необузданная фантазия горячих голов, находящихся в последнее время вследствие известных обстоятельств, в особенной ажитации...

Какое именно количество тигров держалось близ аккурганской тропы, я и приблизительно не мог узнать: киргизы отрицательно мотали головами и единогласно заявили, что не знают. Некоторые из встречавшихся со зверем говорили, что видели очень большого с особенно широкими черными полосами по бокам, другие видели какого-то желтого, но этим и ограничивались их сведения. Рассматривая впоследствии как старые, так равно и совершенно свежие следы, я пришел к заключению, что здесь держатся два зверя, именно самец и самка. Чтобы держалось больше двух, не нашлось никаких данных, да и допустить трудно, потому что эти звери если и поселяются где-либо оседло, то по большей части в одиночку с расчетом захватить для себя большую охотничью область.

Поселение пары тоже встречается нередко, а особенно на время течки, по окончании же ее самец обыкновенно уходит в сторону и живет отдельно. Мне известен только один случай, и то по слухам, когда в одной местности жила летом целая семья, состоящая из пяти штук: тройки больших и пары тигрят, но и это объясняется, во-первых, обширностью занятого урочища (Аранчи) и его удобством, а во-вторых, тигры жили только одно лето, когда долина сильно затопляется водою и удобных для зверей мест становится вообще мало.

Основываясь на многочисленных расспросах, а также соображаясь с характером туркестанского тигра и условиями его жизни в камышах Чирчикской долины и

по тугаям⁷ соседней долины реки Сыра, я положительно убежден, что тигров-людоедов появилось только два, а может быть, даже и один, именно который-нибудь из державшихся у ак-курганской тропы как раньше, так и во время нашей охоты. Кроме собственных изысканий сошлюсь на авторитетный отзыв бай-курганского бия. Он говорил мне, что тигров-людоедов до сего времени в долине не было, и он раньше не слышал об этом во всю свою жизнь, а ему теперь уже за пятьдесят лет. Раньше хотя изредка и случались нападения на людей, но зверь по большей части ранил человека и ни кровью, ни мясом не пользовался... Он же говорил, что людоеды держатся именно только близ его аулов в камышах Садыр-Куля, а по сторонам нигде о подобных зверях не слышно.

Если не было раньше подобных зверей, то откуда они явились?

Объяснить с точностью этого я не берусь, но не будет, кажется, натяжкой, если предположить следующие два случая: изголодавшийся в сильные зимние холода зверь попробовал раз человеческой крови и мяса, а потом втянулся и начал охотиться на людей, или же разбойничать начала самка, у которой похитили детей. В истекшую зиму киргизы поймали в долине несколько маленьких тигрят, которых и представили живыми в Ташкент. Очень возможно, что осиротевшая самка, разыскивая детей, бросилась на человека, растерзала его и со злости напилась крови, а затем попробовала и мяса. В Индии, да кажется и у нас на Амуре, существует мнение, что тигр, раз попробовав человеческого мяса, не отстанет от него во всю жизнь.

Во всяком случае при тех или других обстоятельствах один или пара тигров сделались людоедами, несомненно одно, что в этом играл какой-нибудь случай, потому что постоянных причин нет, а если бы они существовали, то людоеды появлялись бы чаще⁸.

Ни бай-курганский бий, ни другие киргизы не могли точно сообщить, держатся ли звери в данное время в

---

⁷ Т у г а и — пойменные леса; узкой полосой они тянутся вдоль рек Средней Азии и Казахстана. Нередко этим термином обозначают и примыкающие к лесу тростниковые заросли.

⁸ Это объяснение автора ненаучно. О причинах людоедства смотри вступительную статью.

Этой местности или ушли куда: ездить в камыши они опасаются, а нападений ни на скот, ни на людей не было уже с неделю. Кроме того, теперь наблюдения над жизнью зверей затруднились еще тем, что бывший раньше снег растаял и следов близ самых аулов не стало видно. По прибытии на хутор Жемчужникова начальника отряда и некоторых из офицеров-охотников, 2 марта мы были в аулах Бай-Курган, и, чтобы окончательно увериться в присутствии зверей близ ак-курганской тропы, было решено привязать к камышам в виде приманки в разных местах двух коров и собаку. С этой целью вместе с киргизами отправился я и стрелок К — ий. Во время поездки нами были осмотрены камыши вдоль ак-курганской тропы и несколько влево от нее; более же широкое исследование местности было нам воспрещено из опасения спугнуть тигров. На одной поляне, вдоль старой, заброшенной тропки, нами найдены ясные отпечатки следов в квадратную четверть величины; по определению киргизов, следы эти были оставлены дня два тому назад. При возвращении по ак-курганской тропе близ места гибели популярного Хан-Мурата найдены вторые следы, совершенно свежие, оставленные на подсыхающей грязи дороги не далее, как в предыдущую ночь. Эти следы были значительно больше, вершков пяти в диаметре, совершенно печатные, как говорится. Зверь вышел из камышей с левой стороны, потоптался на дороге, прыгнул через арык и ушел куда-то вправо. Впоследствии, во время охоты, я близ этого же места встречал свежие следы еще раза два. Очевидно, зверь посещал тропу каждую ночь, может быть караулил на ней несколько времени, а затем уходил куда-то вправо, на восток, — должно быть в намеченную раньше свою охотничью область.

К третьему числу прибыл в бай-курганские аулы батальон и охотники, и утром было решено произвести облаву. План облавы не только не вырабатывался русскими охотниками, но даже многим не был известен и приблизительно. Впрочем, порядочного плана мы и не могли бы выработать, главным образом потому, что местность не была в точности известна раньше, а рекогносцировками не освещена. Как впоследствии оказалось, предположено было выполнить приблизительно следующее: когда сбитые из окрестных аулов киргизы под

управлением мергеной (кстати сказать, тоже незнакомых с местностью) откроют присутствие тигра и заставят его где-нибудь залечь, батальон цепями охватит место, а охотники пройдут к зверю в юртах и убьют.

Охотники Европейской России, конечно, не поймут, что это за странный план такой и причем тут юрты. Постараюсь объяснить. Во-первых, план этот киргизский, и нужно заметить, применяется иногда с успехом в местах более или менее открытых, а не в сплошных зарослях высоких камышей, где не только пеший, но и всадник с лошастью скрывается, как в темном лесу. Затем юрты применяются преимущественно зимой, когда лежит снег, хотя бы и в виде тонкого налета, и зверя следить легко. По этой последней причине этот способ сравнительно чаще применяется в Северном Туркестане, где снежные зимы бывают каждый год и снега лежат по долгу.

Охота с юртами выполняется так: толпа конных киргизов едет по следам зверя и заставляет его где-нибудь залечь. В этом случае весь расчет основывается на том, что тигр не любит днем долго ходить, а в случае преследования старается забраться в какое-нибудь укромное местечко. Разумеется, подобную нехитрую штуку можно проделать только с таким зверем, который не испытал раньше никакого преследования, привык к людям и относится к ним запанибрата... Таких зверей, живущих целые года среди густонаселенных местностей, какова, например, Чирчикская долина, в Туркестане много; они-то исключительно и попадают под пули киргизских фитильных мултуков.

Раз тигр залег, а лежит он вообще довольно смирно, а главное упорно, загонщики оцепляют место конными пикетами. В это время собственно охотники (мергени) вяжут из привезенных на седлах решетчатых терегов (остова) разобранной юрты маленькую охотничью юрту, складывая боковые решетки для прочности в два раза и крепко связывая их веревками. Сверху кладутся крест-накрест две толстые палки, а на них два ряда терегов, прикрепленных к вершине стенок веревками. Таким образом выходит прочный решетчатый цилиндр с плоской, тоже решетчатой крышей, представляя полную возможность действовать из него как из ружей, так — в случае нападения зверя — и пиками, и рогатинами.

С одной стороны юрты, которая должна быть передовой, укрепляется на крыше кол, а на нем делается чучело человека в халате, с чалмою или малахаем на голове. Внутри юрты, на высоте аршина от земли, продеваются в решетки крест-накрест две палки, служащие как для носки юрты, так, главное, для удержания ее от опрокидывания, в случае если зверь бросится. Собранный юрта имеет от трех до четырех аршин в диаметре и до трех аршин высоты и может свободно вместить от шести до восьми человек охотников, чего вполне достаточно даже для плохо вооруженных киргизов.

Устойчивость ее, отчего собственно и зависит полная безопасность охотников, разумеется, относительная; все зависит от места, где ее придется поставить в момент выстрелов. Если местность будет сильно поката назад, случайно придутся кочки под нижним краем передних решеток и прочее, опрокидывание ее сильным и тяжелым зверем возможно; тут не поможет и перемещение центра тяжести вниз, что достигается людьми, садящимися на нижний крест из палок. Возможно это тем более, что зверь, по словам киргизов, обыкновенно бросается на стоящее вверху чучело, следовательно, при своем страшном броске бьет в верхнюю часть цилиндра. Нужно принять еще в расчет и то, что в подобном случае вполне возможна паника, замешательство. А раз юрта опрокинута, раненый и рассвирепевший зверь может устроить из охотников порядочную кашу... Разумеется, я беру крайний случай, в общем же при хорошем составе охотников и хорошем оружии юрта представляет собою вполне безопасное приспособление, особенно если для большей устойчивости с задней стороны юрты привязывать слегу⁹ в виде подкоса.

Когда юрта готова, охотники заходят в нее подползая снизу, так как она дверки не имеет, берутся за нижние палки или за решетку, приподнимают на четверть от земли и медленно приближаются к зверю, даже через камыш (не особенно частый, разумеется), выставляя ему на вид поставленное вверху чучело. Подобную оригинальную клетку с людьми зверь подпускает довольно близко — по словам киргизов, иногда шагов на тридцать, и лишь с любопытством поглядывает на движущ-

---

⁹ С л е г а — здесь: «жердь».

щеся вровень с камышами чучело... Неподалеку от зверя юрта быстро ставится на землю, часть охотников садится на палки внизу и крепко держит юрту, стрелки же налаживают свои мултуки и бьют зверя почти наверняка, потому что на недалеких дистанциях из этого допотопного оружия киргизы стреляют замечательно метко. При постановке юрты и стрельбе должно соблюдаться следующее: как только юрта поставлена, так через несколько мгновений и должны быть сделаны выстрелы, в противном случае зверь сейчас же поднимается и уходит.

Таким способом истекшей зимой было убито киргизами два небольших тигра в Чирчикской долине, в урочище Аранчи, верстах в двадцати пяти (по прямому пути) от Ташкента. Один из них не выдержал неискусного подхода юрты (с остановкой перед выстрелом на минуту), поднялся, прорвал конные пикеты киргизов, смял одного всадника с лошадьёю, подбросив при этом вверх целый столб снега. Пройдя сажен двести, он опять залег, был обложен и на этот раз, как говорят, подпустил юрту шагов в двадцать и был убит наповал.

Едва мы двинулись из лагеря, как прискакали киргизы и сообщили, что одна из поставленных мною накануне коров задавлена и унесена в камыш. Впоследствии я подробно осматривал ее. Прочная веревка, пальца в полтора толщиной, на которой корова была привязана за вбитый в землю кол, была оборвана, как гнилая мочалка. Зверь, очевидно, прыгнул на корову из близлежащей линии камыша, сделал глубокие раны когтями в правый пах и левое плечо и схватил зубами за горло. Вся шея истыкана острыми зубами (в раны легко входил палец) и замусолена так, что на шерсти остались следы слюней; на ранах — ни кровинки, на месте — никаких следов борьбы. Вероятно, зверь сразу задушил свою жертву, прокусил сонные артерии, высосал кровь, а затем унес и припрятал в окраине камыша.

Как и следовало ожидать, облава была совершенно неудачна, хотя наши руководители — киргизские мергени — и вели перед этим длинный *маслихат* (совещание). Батальон и охотники, разделенные на четыре части, по вступлении в камыши со стороны ак-курганской тропы были отданы в распоряжение мергений, которые должны были вести части в камыш и окружить цепями

найденного и залегшего зверя. Очевидно, мы шли в камыш, как с завязанными глазами, не понимая ни общего плана, не зная ни расположения камышей, ни их характера и даже не имея никакого понятия о том, что должны делать части и чего не должны, по той простой причине, что ни указаний, ни разъяснений дано не было... Каждой части был дан проводник киргиз, ни слова не понимающий по-русски, и приказано следовать за ним, а он-де уж распорядится... Сначала все шло хоть тихо, но при расстановке последней части тигр, лежавший шагах в трехстах от задавленной им коровы, был стронут с места и перешел открытую поляну. Киргизы, конечно, толпой человек в семьдесят бросились за ним с дикими криками. Тут уже пошла такая путаница, что и вообразить себе трудно!.. Оказалось, что зверь не был раньше выслежен киргизами, поэтому, расставляя части в камыше, они ошиблись в расчете и поднятый зверь остался в стороне. Если же тигр и нашелся в охваченном пространстве, путаясь между цепей и вызывая по себе самую беспутную пальбу, то это был другой, в охваченное пространство загнанный случайно. Зверей было поднято два, но ни тот, ни другой не удостоили залечь на видном месте и подпустить к себе юрты с чучелами, а все время ползали и крылись в недоступных крепях вместе с дикими кошками и камышовыми рысями... Среди всей этой путаницы толклись, как угорелые, распорядители мергени, очевидно сами не давая себе отчета в том, что они делают. Особенное внимание обращал на себя главный мергень, *известный* (чуть не знаменитый) тигровый охотник в белой чалме и зеленом халате, вооруженный длинной рогатиной. Прошлой зимой ему с товарищами как-то удалось подкараулить у стенки своей зимовки слишком доверчивую и простодушную тигрицу и ухлопать, а теперь он наслаждался своею славою и разыгрывал героя дня...

Почти везде происходили одни и те же картины. Двинутые в камыш части натыкались на канавы, топкие болота, непроходимые крепи зарослей; звенья сталкивались, отрывались, плутали взад и вперед, начальники теряли людей, люди — начальников, так что до указанного проводником места часть доходила чуть не в половинном составе. Затем людей расставляли длинной цепью вдоль какой-нибудь поляны и оставляли ожидать невесть чего.

Впоследствии оказалось, что и эти линии стояли без особого порядка: или параллельно одна другой, или под всевозможными углами. Густые камыши и отсутствие сигналов не давали никакой возможности видеть и знать, есть ли кто впереди, сзади или по сторонам. Тихо и сумрачно стояли эти линии, созерцая пустынные заросли, одиночные пикеты конных киргизов, стоявшие, как статуи, у самого обреза камышей, и чутко прислушиваясь к отдаленным выстрелам и крикам. На долю некоторых частей достались, впрочем, и кой-какие развлечения. Выскочит из чащи тигр, пройдет могучими прыжками какую-нибудь полянку впереди, неожиданно-негаданно появится дикая коза — ближайшие звенья поднимают пальбу то батальную, то нестройными залпами; пули пролизывают камыш, свистят над головами расположенных впереди цепей и случайно подвернувшейся толпы киргизов, заставляя солдат и охотников падать в грязные канавы и лежать пластом, а киргизов, как по команде, сыпаться с лошадей и поднимать отчаянные крики...

Кончилось подобное развлечение, кругом опять все тихо, пустынно... Над головами носятся взад и вперед большие косяки уток, спугнутые с цепи разбросанных по зарослям мелких озер; в стороне прошмыгнет цветной петух-фазан; впереди разгорелись зажженные кем-то камыши: языки красно-желтого пламени с треском и свистом выбрасываются высоко вверх и пронизывают черные столбы дыма... В воздухе, пропитанном испарениями болот, проносится резкий запах гари...

Вообще киргизский план облавы оставил самое живое воспоминание у участников этого обильного всевозможными эпизодами дня... Один плутал, врезавшись в заросли, другой стрелял по тигру шагов этак в двести, третий попал под пули — словом, почти каждый действовал так или иначе... Отделался народ благополучно и счастливо, то есть никого не пристукнула и не ранила шальная пуля, вернулся в лагерь — пошли всевозможные толки, пересуды и рассказы в юмористическом по большей части тоне о том

...как третьего числа
Нас нелегкая несла
Тигров истреблять...

Когда тигр был стронут с места и путаница в расстановке цепей последней (четвертой) части, по-видимому, достигла высшей степени, мы в числе четырех человек охотников, забравшись в густые и топкие заросли, оторвались от общего движения. Вертевшаяся около нас на узкой и длинной поляне толпа киргизов вдруг подняла оглушительный крик и двинулась в камыш. Оказалось, что всего в нескольких шагах, в зарослях, был поднят тигр.

Киргизы медленно и осторожно с дикими криками ехали камышом, а мы двинулись вдоль поляны, приготовив на всякий случай штуцера. Хотя в нашей кучке охотники были все люди надежные, но я нашел не лишним вызвать — из проходившей в стороне, и очевидно блуждавшей, части батальона — охотников в резерв: выbralось пять человек, которые и пошли за нами. Близость зверя замечалась по легкому движению метелок камыша, и мы с минуты на минуту ожидали, что вот-вот зверь сомнет кого-либо из киргизов, а пожалуй, и из нас, но он оказался очень осторожным и благоразумным. В камыше встретилось продолговатое, узкое озерцо, зверь залег в крепи, киргизы остановились и усилили крики... В это время один из нас, молодой и горячий охотник, стремительно бросился верхом в заросль впереди киргизов. Треснуло что-то в камыше, пробежала линия по метелкам... Прижатый тигр прыгнул из-под охотника и опять исчез куда-то... Вскоре одна часть киргизов... круто повернула в камыше и погнала назад, в ту сторону, откуда заводили батальон, другая же осталась на месте и, придерживаясь плотной кучи, по-прежнему медленно подвигалась вперед. Оказалось, что в этой заросли было захвачено два тигра: один пошел назад и впоследствии путался между солдатскими цепями, а другой остался здесь.

Мы двигались поляной параллельно киргизской толпе; камыши становились все гуще и гуще, опять встретилось озерцо с топким дном, киргизские лошади проваливались по брюхо, крики ослабели, а через несколько минут всадники начали один по одному выбираться к нам, а впоследствии уехали назад, где защелкали выстрелы и слышались отчаянные крики. Не было сомнения, что перед нами где-то залег зверь, но где именно — разыскать было положительно невозможно. Заросли были

так густы, что и в двух шагах ничего нельзя было различить.

Кончилась наша полянка и уперлась в другие заросли; остановились мы, потолковали, что тут делать, и порешили пробраться через камыш влево, где виднелась тоже какая-то полянка. Она оказалась такою же узкой и длинной и тянулась параллельно той, на которой мы только что были. По направлению на восток она расширялась, и там виднелись солдатские цепи. Сейчас же явился вопрос: остался ли тигр в той заросли, где его только что гоняли киргизы, или перешел вновь найденную нами поляну и скрылся в соседних камышах? После короткого совещания решено было караулить здесь, надеясь на какой-нибудь случай; эта слабая надежда ободрялась несколько тем, что впереди нас кой-где продолжали разъезжать киргизы и слышалась переключка какой-то, должно быть заблудившейся, части батальона.

Мы расположились вдоль противоположной опушки камыша и начали ждать. Кругом все было тихо, во все стороны тянулись желтые молчаливые линии зарослей, токовал где-то фазан, далеко впереди сильнее и сильнее разгорался камыш, вскидывая кверху целые тучи серого дыма... Почти через час ожидания несколько вправо, недалеко от нас, вдруг загорелась сильная пальба: стукнуло сразу два выстрела, затем недружный залп, а минуту спустя еще выстрел, донеслось гайканье киргизов, но вскоре все стихло. Мы порешили, что тигр убит, что караулить здесь, может быть давно уже пустые, камыши не имело смысла,— и двинулись к видневшейся вдаль цепи. Здесь от солдат крайнего звена мы узнали, что на нас выходило из камыша какое-то животное, но повернуло обратно; что это за животное — за дальностью расстояния они не могли определить. Мы же ничего не заметили, да и заметить не могли, потому что, как оказалось впоследствии, между нами и главной зарослью протянулась узкая линия камыша вдоль какой-то канавки.

Едва мы расположились отдохнуть со встреченными знакомыми офицерами части, как люди крайних левых звеньев увидели тигра и с криком бросились за ним. Зверь, выждав нашего ухода, спокойно перешел только что оставленную нами полянку — почти тем местом, где мы ждали его с час,— и скрылся в соседней заросли.

Хотя и было далеко, но солдаты видели его на этот раз совершенно отчетливо. Часть людей и человека три охотников сейчас же бросились его преследовать, но было уже поздно. Впрочем, с полчаса спустя в том направлении раздался одиночный выстрел, опять всполошивший левые звенья. Выстрел был сделан одним из солдат, бросившихся разыскивать тигра. Наскучив блуждать по камышу, он выбрал сухую полянку и сел отдохнуть, как вдруг слышал впереди себя шорох.

— Глянул я, а тигра идет вдоль камыша, глазами так и косит, так и косит, а сама красная, такая, полосатая...— рассказывал он после.

От внезапности встречи солдат растерялся и вскочил, в то же мгновение зверь прыгнул и пошел скачками «вровень с камышом»... Солдат опомнился и пустил ему пулю вдогонку. На поднятую тревогу сбежались товарищи, но дальнейшие поиски не привели ни к какому результату. Должно быть, зверь добрался до недосыгаемых крепей и там скрылся. Впоследствии киргизы говорили, что среди озер есть небольшие острова с зарослями, где зверя разыскать положительно невозможно.

Итак, этот зверь благодаря своей хитрости и осторожности, а главное — недоступности зарослей ушел цел и невредим, наткнувшись на один только выстрел, пущенный «влёт» растерявшимся солдатом; другой зверь хотя, конечно, и отделался также счастливо, но заставил потратить не один десяток патронов... Как я сказал выше, он, отделившись от нашего, пошел по направлению к ак-курганской тропе и попал в солдатские цепи. Вел он себя здесь так же умно и осторожно, крылся по зарослям, но камыши были по всем направлениям заняты народом, почему зверю и приходилось иногда появляться на открытых пространствах. Привожу несколько эпизодов, основываясь на рассказах участников.

Против одной цепи тигр вышел из камыша шагах в полтораста, солдаты сейчас же открыли пальбу, но зверь, не обращая на это никакого внимания, тихо шел прямо на цепь, а потом мгновенно повернул в сторону и могучим прыжком скрылся в зарослях. В другом месте из горевшей линии камыша зверь с рычанием выскочил на поляну, но, увидя солдат, сейчас же ушел назад. Через несколько минут он неожиданно появился опять и в два прыжка перелетел поляну в пятьдесят шагов ши-

риною. Покуда он летел, заторопившиеся солдаты дали залп, пули, разумеется, свистнули в пространство, в стоявшие впереди цепи и блуждавших в камыше киргизов и охотников...

Нужно быть по меньшей мере «волшебным стрелком», чтобы из пехотной берданки попасть в быстро движущуюся цель «на лету», будь эта цель хоть и саженный тигр, и притом попасть шагов на сто (как и стреляли по зверю), для чего нужно целить чуть не на аршин ниже мишени. Берданка — хорошее боевое оружие, но для охоты хуже и выдумать нельзя... Смеренные на этой поляне прыжки дали следующие расстояния: первый, из опушки камыша на середину, — более тридцати шагов (измерявший определил, кажется, в тридцать два шага), а второй — более двадцати шагов, но, вероятно, тоже не короче первого, потому что зверь упал не на самую опушку, а в заросль, где промер был уже невозможным¹⁰. По рассказам, самые прыжки зверя чрезвычайно характерны. Он прыгал не так, как кошка или собака, то есть один прыжок быстро и непосредственно следует за другим, а с расстановками: после первого он на несколько мгновений задерживается на земле, как бы собираясь с силами для следующего. Говорили также, что в одном месте зверь прошел подобными прыжками под неугомонную пальбу солдат совершенно открытое пространство шагов в двести, но это чуть ли не из охотничьих рассказов...

Как длина прыжков, так равно и их характерная особенность замечены многими охотниками и солдатами и не подлежат сомнению, что же касается их высоты, то я мог только добиться (от солдат) неопределенного указания на то, что зверь идет (по заросли) «вровень с камышом». Принимая в расчет среднюю высоту камыша в пять аршин, зверь описывает пологую дугу высотой более четырех аршин, с хордой в девять-десять сажень, что не представляет ничего невероятного. Тигр, по-видимому, легко прыгает на стены сажени в две вышиной, а через стенки аршина в три без всякого затруднения перепрыгивает с коровой или лошадью в зубах. Относительно задерживания во время прыжков я не думаю, чтобы это

---

¹⁰ Это сообщение автора о длине прыжка тигра явно преувеличено.

был нормальный ход зверя. Если бы таким способом он бросался на добычу, то сторожкое животное, каковы, например, дикие козы, всегда имеет время спастись, если тигру приходится достигать его двумя-тремя прыжками. В таких случаях он неминуемо должен делать прыжки, быстро следующие один за другим, как в броске борзой собаки. Вероятно, у тигра имеется разница в ходе при нападении и в том случае, когда он уходит от преследования. Умный зверь, заметив опасность, которой он подвергается на открытом месте, старался делать прыжки как можно длиннее, чтобы достигнуть спасительных зарослей, между тем почва полян, состоящая из корней выжженного камыша и осоки на слабом илистом грунте, пропитанном водой, как губка, давала ненадежный упор ногам. Впрочем, почти подобным же способом тигр преследовал одного охотника в аулах, выше по Чирчику, «то бежит, припавши к земле, как кошка, то сделает большой скачок», — где место было ровное и грунт, конечно, сухой и прочный¹¹.

На основании этого случая можно высказать второе предположение: зверь задерживается перед прыжками тогда, когда ему приходится делать их несколько и на открытых местах. Во всяком случае, точное объяснение замеченной особенности хода зверя, имеющей в охоте большое значение, можно дать только на основании нескольких наблюдений.

Часа в четыре дня был сыгран отбой и растерявшиеся части батальона и охотники начали выбираться из камышей к «перевязочному пункту», как была названа нами зимовка, с крыши которой я в первый раз осматривал камыши и где в день облавы находился батальонный доктор со своими лазаретными служителями. К превеликому нашему счастью, почтенный доктор остался без практики, а ограничился только наблюдениями со своей вышки дикой окрестной природы...

На другой день киргизы привезли утром известие, что тигр приходил к задавленной им накануне корове, унес ее дальше в камыш и выел зад. Смелость замечательная! Несмотря на то что накануне шла в зарослях такая кутерьма, зверь не ушел далеко, как этого столь

---

¹¹ Смотри мою статью *Тигры под Ташкентом*, — «Природа и охота», май 1879. — *Прим. автора.*

сильно опасались все перед началом охоты, а остался тут же и ночью пришел полакомиться своей добычей. Такая смелость невольно ставила втупик; тигр точно смеялся над нами, ставя ни во что выдвинутую против него массу вооруженного народа. На основании собранных мною сведений от бай-курганских киргизов подобную смелость, кажется, можно объяснить следующим: месяца полтора тому назад, когда нападения тигров достигли особенной дерзости, киргизы порешили с ними покончить чего бы это им ни стоило... Человек двадцать, обрекая себя на гибель для общей пользы, вооружились разным дрекольем и поехали в камыш. В то время лежал снег, киргизы скоро открыли следы, нашли зверя и с криком бросились на него. Тигр не выдержал, трусливо ушел в камыш, а при дальнейшем преследовании забрался в недоступные крепи... Вероятно, и теперь тигр сообразил, что с ним только пошутили и испытанное им накануне преследование столь же опасно для него, как и киргизское...

Прискакавшим киргизам было приказано выследить зверя, а батальон выдвинуть к «перевязочному пункту»... Здесь, во избежание случившейся накануне путаницы, кружком охотников был выработан план облавы, причем киргизы с их юртами были забракованы, распоряжения вверялись известным, дельным охотникам, предусмотрены и определены все мелочи. Теперь местность была хорошо нам известна и в успехе трудно было сомневаться, но ничему не было суждено сбыться. Часов в двенадцать приехали из камышей киргизы и сообщили, что выслеженный ими тигр не хотел залечь в камышах, а ходил взад и вперед и наконец, выйдя на сухую поляну близ ак-курганской тропы, где следов не было видно, куда-то скрылся. Все это происходило против нас в какой-нибудь полуверсте, тем не менее для проверки киргизских сведений никто из охотников не был послан, не сделано попытки устроить ходовую облаву с выжиганием более густых зарослей и прочее. По выслушании киргизских донесений было приказано батальону отступить в лагерь, а мергеням устроить к ночи засаду близ убитой коровы.

Когда приказано было вместо облав ограничиться засадами, я, не рассчитывая в эту ночь на успешность одной засады близ убитой коровы, настаивал на устройст-

ве нескольких, разбросав их в разных местах камышей. Расчет был тот, что звери, выйдя ночью из своих логовищ, могут наткнуться на какую-либо засаду и попробовать или штуцерных или винтовочных пуль... План мой на этот раз не был принят, а категорически было приказано ограничиться одной засадой; принято было только одно, чтобы в засаду во избежание излишней горячки не пускали более четырех человек. По моему мнению, для подобных засад совершенно достаточно двоих охотников (а самое лучшее одного), из которых один предназначается собственно для стрельбы по зверю, требующей аккуратности и полнейшего хладнокровия, а другой служит резервом на случай, если зверь не будет убит сразу или даже бросится на засаду. Я много раз испытал, что значит подкрадываться или подкарауливать в компании, а потом стрелять всем вместе: обыкновенно таких пуделей отгрохаешь, что любо-дорого...

Перед вечером были вызваны желающие участвовать в засаде, которых набралось более десяти человек (солдат не вызывали); при этом было высказано почти единогласное требование, чтобы в засаду были посланы по выбору самые опытные охотники, но и это не принято, а приказано бросить жребий. В числе счастливцев или, пожалуй будет вернее, несчастливцев оказался и я. Перед отъездом к четверем указанным жребием охотникам присоединился еще пятый, по протекции, а затем захвачены с собой, уж не помню зачем, два мергена, впрочем, без принадлежавших им смертоносных фитильных мултуков... Перед закатом солнца мы отправились.

Устроенная киргизами засада оказалась порядочной чепухой. Около того места, где была раньше привязана и задавлена зверем корова, киргизы вырыли яму аршина в три длиной, в два шириной и в полтора глубиной. Поверх ямы положены толстые сляги, на них в два ряда берега от юрты, заложенные сверху частью пластами дерна, частью засыпанные соломой и осокой. Яма была вырыта как раз наверху небольшой возвышенности, имеющей слабую покатость к линии камышей, стоящих шагах в сорока. Пользуясь покатостью, киргизы устроили в эту сторону несколько амбразурок для стрельбы из наложенных пластов дерна; покатость против них была немного раскопана, так что они оказались в стенке четверти в две вышиной и аршина в три длиной и вид-

нелись со стороны довольно отчетливо. Все это замаскировано было крайне плохо, почему нужно было рассчитывать только на особую смелость и беззаботность зверя, чтобы он решился подойти к подобному сооружению, не исследовав предварительно местности. Против амбразурск, шагах в пятнадцати, была положена задавленная корова, задняя левая ляжка у которой была съедена вместе с толстой бедренной костью; около мертвой коровы была привязана для чего-то еще живая...

Мы расположились в засаде довольно недурно, добросовестно просидели ночь, но без всякого результата. Да и трудно было ожидать чего-либо. По осмотре коровы оказалось, что у нее съедено много мяса, следовательно, зверь наелся досыта, до отвалу, как говорится, а в таких случаях он никогда не приходит к своей добыче в следующую ночь, а всегда через ночь. Так оно и случилось.

В эту же ночь по моему указанию была устроена одним охотником еще засада в строжайшем секрете не от одного только тигра... Эта попытка, имевшая вид некоего браконьерства, едва не увенчалась успехом. Я посоветовал охотнику выбрать место близ заброшенного киргизского аула по ту сторону (южную) камышей и в виде опыта привязать на приманку киргизскую собаку, устроив все таким образом, чтобы имело вполне естественный вид и не возбуждало подозрений в недоверчивом и сообразительном звере. Охотник так и сделал, но не выполнил только одного — плохо привязал собаку. Когда она зачужала подходящего зверя, то пришла в сильнейшее беспокойство, начала отчаянно рваться, перекрутила веревку и убежала. Как было видно по совершенно свежим следам, найденным на другой день, тигр подошел к засаде шагов в пятьдесят, но потом ушел на аккурганскую тропу, где я, возвращаясь утром в лагерь, нашел свежие следы. Будь собака привязана более прочно, может быть, что-либо и вышло. Во всяком случае, на основании произведенного опыта можно было бы решить вопрос: годится ли собака на приманку, или же тигр и к ней отнесся бы с таким же недоверием, с каким относится ко всякой другой приманке, и упорно отказывается попадаться на подобную удочку...

На другой день в лагере ничего не предпринималось. Большая часть охотников уехала домой, оставшиеся кто

забавлялся пальбой по уткам, другие стреляли от нечего делать в цель, удивляя глазевших киргизов меткостью своих берданок, бивших на пять-десять шагов или на аршин ниже, или на аршин выше мишени... Кажется, в полдень вышло решение: ночью опять идти в засаду. На этот раз, впрочем, не ограничились одной засадой, а порешили устроить их несколько, о чем и приказано было позаботиться опять-таки киргизским мергеням без совета и указания со стороны русских охотников. Стрелки бригады и охотники из линейцев, скучавшие эти два дня в лагере и рвавшие в камыш с обещанием разыскать и перебить зверей в открытой встрече, в чем им настойчиво отказывалось, теперь предназначались для занятия засады. Но и тут случились недоразумения и преследовавшая нас везде и во всем путаница. О вызове желающих было объявлено только перед закатом солнца, стрелки не были отобраны и сформированы в отдельные партии, не получили решительно никаких указаний. Засады были устроены не в разных местах камышей, поблизости предполагаемого у цепи озер логова, а только вдоль ак-курганской тропы, поставлены очень близко одна к другой, замаскированы крайне плохо; во всем этом было заметно, что или киргизы ничего не понимают в деле охоты из засад, или устраивали ямы только с тем, чтобы поскорее отделаться. Стрелки засели в ямы поздно, не соблюдали строгой тишины и к довершению всего выставили из амбразурок наружу штыки своих винтовок... При таких порядках не только ничего не вышло, да и выйти не могло, потому что тигр не кабан какой-нибудь, хотя и кабана нужно подкарауливать умеючи.

Состав участников нашей засады должен был оставаться прежний, но незадолго до отъезда один охотник отказался от участия и нас осталось четверо. Теперь я получил некоторые права голоса и сейчас же забраковал пару резервных киргизов, велел убрать несчастную живую корову, а вместо ее взять с собой киргизскую собаку, во-первых, как любимое кушанье тигра, а во-вторых, собака при падении имеет совершенно естественный вид и ни в каком случае не может помешать и сторожкому зверю подойти к своей добыче. Перед закатом солнца мы осторожно подъехали к засаде, улучшили ее маскировку и прочно, на две деревянные распорки, привязали собаку у убитой коровы таким образом,

чтобы она имела полную возможность удовлетворить свой киргизский аппетит свежей падалью... Когда мы пошли в яму, сопровождавшие киргизы закрыли нас сверху и также без шума и говора уехали в лагерь. Каждый из нас выбрал себе место, устроился как ему удобнее — и началось ожидание.

На этот раз расчет на приход зверя был совершенно вероятен; шансы еще увеличивались тем, что ветерок тянул от камышей прямо на нас, следовательно, почуять зверю угрожающую ему опасность было труднее.

Смеркалось. Молодая луна слабо светила сквозь нетолстый слой дождевых облаков, заволакивавших небо. Кричавшие кругом фазаны мало-помалу затихли и уселись на ночевку в заросли; прекратился и свист крыльев и кряканье утиных стай, летевших на кормежку с близлежащих озер на болота восточной части долины. Со стороны лагеря глухо доносились отдаленные выстрелы охотников, стоявших на позднем утином перелете. Молчаливая, глухая ночь камышей вступила в свои права...

Мы внимательно посматривали вперед каждый в свою амбразурку и чутко прислушивались к наступавшей тишине и безмолвию. Шагах в сорока от нас виднелась светлая линия камышей, а несколько ближе темнела бесформенная продолговатая масса падали. Справа у нее возилась привязанная собака: то с наслаждением чавкает оторванный кусок мяса, то погрызет обнаженные зверем тазовые кости коровы, а то вдруг насторожит свои лохматые уши, чутко прислушается и с недоверием покосится по сторонам.

Прошло с полчаса после сумерек. Вдруг до моего слуха донесся какой-то слабый шорох: не то камышинка треснула, не то зашуршала осока... Собака метнулась в сторону, начала отчаянно рваться и слабо завывала... Все встрепенулись, беззвучно, по-охотничьи, взвели курки штуцеров... Я подался ближе к амбразурке, уперся локтем левой руки в стену ямы, поднял штуцер к плечу, проверил прицел по планке стволов — и замер в ожидании. Сильнее зашелестело что-то в камыше перед нами, как сумасшедшая забила собака и завывала диким голосом... Появления зверя нужно было ожидать с секунды на секунду.

Я напрягал зрение и слух, стараясь определить, отку-

да подошел тигр, совершенно хладнокровно соображая, куда именно выгоднее посадить полосатому красавцу пару тяжелых конических пуль... Рассеянный свет луны ровно освещал впереди лежащую местность, целить было удобно, почему промах был положительно невозможен, а особенно по такой большой и относительно ярко окрашенной цели. Еще рванулась собака, затем прижалась к земле и издала какой-то дикий звук. В это время грянул выстрел, едкий, беловатый дым густо застлал амбразуры, впереди послышалось хрипенье... убитой наповал собаки. Выстрел был сделан одним из охотников, сидевшим слева от меня, выстрел непростительный, сгубивший все дело... Произошло ли это от излишней горячности, несдержанного возбуждения в решительную минуту или же вследствие недостаточной остроты зрения — сконфуженный, растерявшийся охотник не мог объяснить... Он говорил только, что около падали что-то зашевелилось и зарычало, и в это нечто рычащее он и не преминул запустить разрывную пулю из своего прекрасного штуцера двенадцатого калибра...

Через четверть часа опять послышался шорох, но уже сзади; я прилег по выходному откосу ямы и начал прислушиваться. В это время с задней линии камышей с испуганным криком сорвался петух-фазан и зарокотал крыльями... Не было сомнения, что зверь обошел нас с тыла, по ветру, и во время своей рекогносцировки спугнул фазана; шел он, надо полагать, самой зарослью, где обыкновенно ночуют фазаны и сидят так крепко, что во все время охоты в Чирчикской долине я только раз слышал ночью крик спугнутого петуха. После этого ничего не оставалось делать, как завалиться спать; возвращаться в лагерь было опасно, во-первых, потому что можно было легко наткнуться на другого блуждающего в камышах зверя при самых неудобных для нас условиях, а во-вторых, что еще опаснее, попасть под пули стрелков, расположенных в засадах вдоль ак-курганской тропы. Залив глотком-другим хереса нарождавшуюся досаду на злую неудачу, я завернулся в полушубок и спокойно проспал до «радостного рассвета»...

Так производилась и закончилась наша трехдневная охота. Тигры-людоеды по-прежнему остались гулять на полной свободе в своих излюбленных зарослях и, вероятно, немало еще загубят киргизских голов...

Причины неудачи для охотника довольно ясно видны из моего обстоятельного и вполне правдивого рассказа; в главных чертах они сводятся к следующему. Из всей массы собравшегося народа дельных охотников, знакомых с литературой тигровых охот в Индии, и знающих местные способы, и вообще относящихся к охоте серьезно, на кого бы она ни производилась, набралось всего человек пять-шесть, остальные все исключительно дилетант-народ, явившийся чуть не с карманными револьверами и с непристрелянными винтовками, так что киргизы, посмотрев целевую стрельбу в мишень, вывели далеко не лестное для нас заключение о том, что «теперь русские совершенно разучились стрелять, даже в мишень на пятьдесят *гязей* (аршин) расстояния не попадают»...

И верно. Разве можно стрелять на близкие, охотничьи расстояния из кавалерийского карабина или стрелковой винтовки, у которой первый прицел на двести шагов, а потом шагает на четыреста, на шестьсот и так далее, уходя в голубой горизонт. ...Но оружие бы еще ничего, бьют же многие из этих господ охотников кабана в горах, уж как именно бьют — это другой разговор, — печальнее всего то, что обнаружилось полнейшее незнание не только со строгой и серьезной зверовой охотой, но и вообще со всякой охотой... Дельных, знающих охотников вообще слушались мало, их планы, указания и советы не проходили, а если что и принималось, то по большей части в искаженном, переработанном виде, переработанном по собственному соображению, а известно, как русский человек вырабатывает свои соображения. Вырабатывает он их зачастую черт знает как, а главное — черт знает из чего... И ведь всякому известно, что каждое дело имеет своих специалистов, имеет их и охота; нашлись подобные «сведущие люди», им бы и книги в руки, на самом же деле в течение охоты больше применялось военное начало, а специальные требования охоты входили как часть случайная, второстепенная...

Наконец, все ли способы были испробованы? Выполнили мы киргизский план с охватом залегшего зверя и подходом к нему в юртах — не удалось, потому что зверь не соблаговолил залечь; юрты, кроме одной, не были даже и собраны, а мы перекрестным огнем палили друг друга... Высидели две ночи в засадах — закончили громким скандалом... Вот и все. А индийские способы? Я и

другие охотники предлагали способ известного индийского лейтенанта Райса, истребившего немало тигров на своем веку.

В сопровождении *шикари*, главного искателя следов, нескольких верных людей и толпы полувооруженных индусов, державшихся плотной кучи и производивших адский шум, Райс проникал в чащи и разыскивал зверя. Такой способ — только, разумеется, в более скромных размерах относительно количества участников — практиковал с успехом известный в Туркестане казак Мантык на Сыре. Отборные стрелки бригады и линейцы буквально рвались в камыш и осаждали просьбами о разрешении; предлагалось воспользоваться этим, сформировать партию человек в пятнадцать каждую, отдать под начальство опытному охотнику и двинуть в заросли. Роль загонщиков и искателей следов возложить на конные партии киргизов, которые несравненно зорче нас и привычнее к камышам. От участия в деле они не отказывались, да и трудно было им отказаться, потому что спасали самих себя, взять же их в руки, привести в некоторую дисциплину не трудно; это народ в общем довольно толковый, послушный и добросовестный. Если бы вместо облав и засад было пущено в камыши пять-шесть подобных партий, то цель была бы достигнута. Солдат — человек дисциплинированный, стойкий, толковый, умеете только с ним распорядиться; наконец, вызывались преимущественно люди, знакомые с охотой, и именно с дуровой, так как здешние батальоны комплектуются из губерний Пермской, Вятской и Тобольской, где медведь не составляет заморской невидали. Конечно, между медведем и тигром разница неизмеримая, но в охоте всего важнее опытность владеть нервами, не терять голову ни в опасную, ни в радостную минуту, а это одинаково требуется как на охоте за опасным зверем, так и за слабым бекасом.

Но ничего подобного не приказано было делать, потому что все это опасно. Конечно опасно — не на коз же или на уток собрались, в самом деле, охотиться! Где рубят, там и щепки летят, этот же способ предлагался с тем расчетом, чтобы не ворочаться из камышей с пустыми руками, а так или иначе достигнуть цели посланки отряда.

Ташкент, март 1887 г.

СОДЕРЖАНИЕ

И. Б. ШИШКИН. КОВАРНЫЙ УБИЙЦА ИЛИ ДЖЕНТЛЬМЕН ДЖУНГЛЕЙ?	5
ВЕРНЕНСКИЙ ГРАЖДАНИН (Б. КАРПОВ). МАНТЫК — ИСТРЕ- БИТЕЛЬ ТИГРОВ	50
Н. Н. КАРАЗИН. ОХОТА НА ТИГРА	103
Н. Н. КАРАЗИН. В КАМЫШАХ.	117
Н. Н. КАРАЗИН. НЕ В ДОБРЫЙ ЧАС	134
Д. ИВАНОВ. В ЗАХОЛУСТЬЕ	144
Е. Т. СМИРНОВ. ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОТИВ ТИГРОВ	164

МАНТЫК — ИСТРЕБИТЕЛЬ ТИГРОВ

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор Э. О. Мосесьян   Технический редактор Л. Ш. Береславская
Художественный редактор И. Р. Бескин   Корректор В. С. Имнадзе

Сдано в набор 24/X 1967 г. Подписано к печати 25/XII 1967 г. А-11995.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 6,0. Усл. п. л. 10,08. Уч.-изд. л. 9,94
Тираж 30 000 экз. Изд. № 1865. Заказ № 1246. Цена 53 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука» Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

53 коп.